

95-8572

А. А. НИКОНОВ

СПИРАЛЬ
МНОГОВЕКОВОЙ
ДРАМЫ:
АГРАРНАЯ
НАУКА
И ПОЛИТИКА
РОССИИ
(XVIII-XХ вв.)

Только же, совесть и труд
в их единстве
свободы сердца цельную
творческую личность

Обществу будет провозглашено
лишь в умиривших
свободы человека, господства
здорового смысла,
справедливости
и согласия с природой.

А.А. НИКОНОВ

**СПИРАЛЬ
МНОГОВЕКОВОЙ
ДРАМЫ:
АГРАРНАЯ
НАУКА
И ПОЛИТИКА
РОССИИ
(XVIII – XX вв.)**

Москва • 1995

УДК [338.43.02(091)(470)+001:63(091)(470)]

*Рекомендовано к изданию решением Ученого совета
Аграрного института РАСХН от 4 октября 1994 г.*

Никонов А.А.

Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — 574 с.

ISBN 5-88367-002-4

В книге академика Никонова А.А. обобщен исторический путь аграрной науки России со времени ее зарождения до наших дней. Автор анализирует взгляды крупных ученых экономистов-аграриев, особенности отдельных школ и направлений, а также важнейшие реформаторские преобразования в разные эпохи, уделяя наибольшее внимание проблемам современной аграрной реформы.

Определяя значение аграрной науки для прогресса в жизни людей, ученый воссоздает достоверный мир связей науки и общества – многовековую драму, где наука и ее творцы являются жертвой государственной политики, структур управления и своевольных диктаторов. Может быть, впервые в таком объеме здесь собраны вместе сведения о судьбах выдающихся представителей аграрной науки России, репрессированных властями.

Отражение общественно-политических взглядов автора, обусловленных его собственным научным опытом, участием в важнейших событиях жизни страны, придает настоящему труду особую значимость и адресует книгу как научным работникам и специалистам, так и самому широкому кругу читателей.

*Recommended for publishing by the Scientific Council of the Agrarian
Institute of the Russian Academy of Agricultural Sciences on October 4, 1994*

Alexander A. Nikonov

The Spiral of a Centuries – Long Drama: Agrarian Science and Politics in Russia from the 18th through the 20th Centuries. – Moscow: The Encyclopedia of Russian Villages Publishing House, 1995. — 574 pp.

ISBN 5-88367-002-4

In the latest book from Academician Nikonov the historical path of agrarian science in Russia is reviewed from its inception to its present state. The author analyzes the views of eminent agrarian economists, the particulars of their respective schools, and also the most important reformist trends in various periods. Dr. Nikonov pays particular attention to relating these issues to the problems of agrarian reform in contemporary Russia. Emphasizing the significance of agrarian science in the development of human progress, Dr. Nikonov creates an authentic link between science and society – a centuries – long spiral – where science and its practitioners have become the victims of politics, of governments, and of the willfulness of dictators. This book may very well be the first occasion where comprehensive information is presented on the fates of the leading representatives of agrarian science in Russia who were repressed by the communist government.

This book reflects the social-political views of its author. His personal scientific experience and participation in the most important events of his country's life bring to this work particular meaning and ensure that it will be of interest not only to scientists and specialists but to the broader reading public as well.

ISBN 5-88367-002-4

©Никонов А.А., 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия переживает сейчас едва ли не самый драматичный этап своей истории. В стране зарождается новый общественный строй, осуществляются масштабные политические и экономические преобразования, изменяются взаимоотношения государства с мировым сообществом. Ответ на вопрос, какой будет новая Россия, в немалой степени зависит от судьбы деревни и того исторического выбора, который предстоит сделать нашему крестьянству. Удастся ли прервать череду несчастий, постигших многострадальную российскую деревню в уходящем веке, и создать аграрный строй, отвечающий национальным традициям и чаяниям крестьян и позволяющий им эффективно хозяйствовать на земле, или кризис, охвативший деревню, будет усугубляться, принося ей новые невосполнимые утраты и увеличивая продовольственную зависимость страны? Этот вопрос, пожалуй, является главным в предлагаемой читателю монографии видного экономиста-аграрника, академика Александра Александровича Никонова. Она представляет собой итог многолетних исследований и раздумий автора о перипетиях аграрного развития страны, сельскохозяйственной науки и политики России.

Автор создал монографию, содержащую емкие очерки по узловым проблемам аграрной экономической теории и хозяйственной истории России, уделив особое внимание вопросам аграрного реформирования. Земельная собственность, специфика аграрных отношений и экономических законов в сельском хозяйстве, эволюция различных форм организации производства, стратегия и тактика осуществления реформ – вот далеко не полный перечень теоретических вопросов, затрагиваемых А.А. Никоновым.

Основой теоретических обобщений ученого служит обильный исторический материал; автор ссылается почти на тысячу литературных и архивных источников. Событийный ряд дополняется галереей портретов выдающихся государственных и общественных деятелей России – инициаторов аграрных реформ.

Проблемы социально-экономической истории тесно увязаны с историей отечественной сельскохозяйственной мысли. Автор дает характеристику основных научных школ, подробно анализирует труды классиков аграрной науки (прежде всего экономической), приводит биографии ученых и специалистов сельского хозяйства, имена которых редко упоминаются в литературе, хотя они внесли весомый вклад в теорию аграрного вопроса и развитие отечественного крестьяноведения. Одновременно в монографии освещается деятельность научных учреждений, оставивших заметный след в истории отечественной и мировой науки.

Обобщенные в книге результаты исследований имеют не только большое научно-познавательное значение, но и, что не менее важно, прямой выход на сегодняшнюю практику радикальных реформ, направленных на коренное преобразование форм собственности и хозяйствования, становление правового государства и демократизацию всей общественно-политической жизни с тем, чтобы человек стал подлинным хозяином-собственником, защищенным социально и в правовом отношении. Понятно, какая это сложная и масштабная работа. На этом нелегком пути неизбежны просчеты и ошибки, свидетелями чего мы являемся. Их масштабы и цена во многом зависят от того, насколько полно и умело используется исторический опыт реформирования. Здесь неприемлемо слепое копирование практики западных стран. Россия – самобытная страна с неповторимыми особенностями во всем, включая уклад жизни. Это относится и к аграрной сфере, сельскому образу жизни. История России богата практикой позитивного осуществления реформ, и в первую очередь в аграрной области. Изучение и использование их опыта позволит смягчить просчеты в проведении сегодняшних преобразований, находить наиболее приемлемые пути их реализации. Предлагаемая книга – незаменимое подспорье в этом.

Изучение содержащегося в книге богатого историко-научного материала имеет также большое воспитательное значение. Книга будет способствовать формированию подлинной, недеформированной национально-патриотической идеи, содействующей объединению общества. Идеи, которая сейчас, к сожалению, отдана на откуп различного рода экстремистам, эксплуатирующим ее в явно извращенном виде.

По сути, в аграрном науковедении это первая книга такого масштабно-исторического характера. Несомненным ее достоинством является то, что в ней обобщен и собственный практический опыт автора, не только ученого-исследователя, но и организатора науки, что представляет большой интерес, поскольку А.А. Никонов непосредственный участник и свидетель многих событий нашей позднейшей аграрной истории; в течение восьми лет он возглавлял ВАСХНИЛ, был последним Президентом этой академии – уникального в мировой практике научного сообщества, основанного Н.И. Вавиловым, внесшего огромный вклад в развитие аграрной науки и прекратившего свое существование в связи с распадом СССР.

Не со всеми оценками и положениями автора можно согласиться. Часть из них носит остро дискуссионный характер, однако это не недостаток, а скорее достоинство книги, ибо она будит мысль читателя, заставляет его размышлять вслед за автором.

А.М. Емельянов, академик РАСХН, доктор экономических наук, профессор;

И.С. Шатыхов, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

ОТ АВТОРА

Почему я взялся за эту книгу? Желание написать ее появилось давно. Материал накапливался долго. Необходимость в ней вызывается нерешенностью многих теоретических вопросов современной аграрно-экономической науки и связанных с ними жгучих запросов практики. Прежде всего это относится к характеру и социально-экономической природе аграрных отношений в современной России, происходящим изменениям в структуре аграрной сферы страны, путям и методам создания эффективного агропромышленного комплекса, адаптации сельского хозяйства к рыночным условиям, продовольственной безопасности России, повышению жизненного уровня и обеспечения достойного образа жизни крестьян.

В поисках ответов на эти и другие подобные вопросы мы часто обращаемся к зарубежному, мировому опыту. Учитывать этот опыт надо и знать его необходимо. Но копировать его нельзя, различны объективные условия и исходные позиции. Часто ответ можно найти в историческом опыте собственной страны. Теоретическое наследие ученых России в области аграрной экономики бесценно. Оно давно стало достоянием мировой науки, но долгое время было невостребованным и даже неизвестным на своей Родине.

Конечно, было бы наивным и неблагодарным делом искать в работах наших предшественников конкретные рецепты для решения всех сегодняшних задач. Мы живем в другую эпоху, объективные условия кардинально изменились. Но в научном наследии классиков есть нетленные положения, методологические подходы, теоретические выводы из исследований. Это часто дает надежный ключ в руки современного специалиста.

Кроме того, преследовалась и другая, образовательная цель. Большие периоды развития аграрной мысли России остаются неизвестными. И это касается не только 20-х гг. нашего века, но и более раннего времени. Сказывается длившееся многие десятилетия замалчивание научных школ, направлений, имен выдающихся деятелей экономической науки. Все, что шло не от марксизма, отвергалось или искажалось. Легче восстановить или заново построить разрушенное здание, чем освободиться от десятилетиями прививавшейся идеологии. Беда аграрной экономики в том и состоит, что она в нашей стране очень долго была "вотчиной" идеологии. В монографии предпринята попытка изложить ретроспективно развитие аграрной экономической науки и тем самым в какой-то мере восполнить пробел в знаниях. Насколько она удалась, судить не мне. Я надеюсь, что книга будет полезна студентам сельскохозяйственных университетов, изучающим экономику, историю аграрной науки.

Аграрная наука, ее экономическая ветвь, тесно связана с политикой. Реализация тех или иных экономических доктрин, концепций, даже отдельных разработок и предложений, неподвластна самим ученым. Это всегда определяется организацией, инвестициями, деятельностью людей, их пониманием и воспитанием, а в конечном счете – их интересами. Для нас важны уроки истории в области аграрной политики, реализующей или отвергающей данные науки, последствия тех или иных политических решений в аграрной сфере. Поэтому аграрную науку приходится освещать в связи с аграрной политикой. Другое дело, что к голосу ученых не всегда прислушиваются власть предержащие, часто принимающие волевые решения, далекие от научных рекомендаций. А было время, когда пытались заставить науку задним числом “обосновывать” эти волевые решения, часто разрушительные для экономики страны и дискриминационные для народа. Но главное в настоящей работе все-таки сама наука, ее развитие, ее тернистый путь, ее люди.

Рассматривается довольно длительный отрезок времени в целых три столетия; он взят потому, что на грани XVII и XVIII вв. следует искать зачатки экономической науки России. За это время произошло очень много событий, прямо относящихся к нашему предмету. Но всего охватить невозможно. Есть опасность либо “расплыться”, либо “скользнуть” по поверхности. Как одно, так и другое нежелательно. Поэтому приходится остановиться на самом существенном, свойственном тому или иному историческому периоду. Исходя из сказанного, очевидно, эту работу можно считать науковедческой.

Аграрный вопрос всегда перешлетается с судьбами крестьянства. От правильного или неправильного его решения зависят благосостояние миллионов и десятков миллионов крестьян, кормящих весь народ, а также моральные устои общества в целом, поскольку деревня была и остается хранительницей культурных и моральных ценностей и традиций народа. Поэтому в какой-то мере в данной работе присутствуют элементы крестьяноведения.

Конечно, было бы проще и легче взять какую-то одну проблему или же один период, всесторонне рассмотреть их. Но существует и междисциплинарный подход. Автор избрал его. Видимо, в целом работу можно считать экономико-историко-политологической.

Почему она названа драмой, даже спиралью многовековой драмы? Дело в том, что судьба как российского крестьянства, так и аграрной науки весьма драматична. И наука, и крестьянство неоправданно приносились в жертву и терпели лишения, аграрный вопрос веками не решался, а ученых в отдельные, даже недалекие времена просто убивали. И если первый экономист России И.Т. Посошков встретил свой смертный час в феврале 1726 г. в каземате Петропавловской крепости, то в 30-е гг. XX в. ученых расстреливали десятками, сотнями, тысячами, а крестьян умерщвляли миллионами. Трудно найти на каком-либо континенте нашей планеты страну с более трагичной судьбой кормящего класса и его научной элиты. Автор делает попытки показать эту спираль, объективные законы которой трудно установить. Она в большей степени зависела от воли властителей и созданной ими системы управления обществом. Незаживающими ранами в душах людей нашей страны остаются две трагедии: Отечественная война 1941 – 1945 гг. и массовые репрессии властей против собственного народа.

И здесь неотступно напрашивается много вопросов. Почему Великая победа в Отечественной войне, которой в мае 1995 г. полвека, для нас столь горька? Почему она далась соотношением людских потерь 1:5 в пользу противника? Почему побежденные страны создали процветающую экономику, а великий Победитель пребывает в глубоком кризисе? Почему наша страна, располагающая половиной черноземов мира, импортирует зерно, так как своего не хватает? Почему крупные города сегодня завалены импортным продовольствием, а крестьяне своей страны сокращают посевы и поголовье скота, скармливают молоко животным? Почему мы, собственники одной четвертой части лесов всего мира, не можем приобрести стола или шкафа отечественного производства и у нас вечно не хватает бумаги? Почему мы так расточительны по отношению к природным богатствам, так жестоки ко всему живому? Почему мы забывали и даже травили тех выдающихся сынов России, которые спасали страну в лихую годину, выводили из смуты, спланивали нашу? Почему осмеивали и захлопывали великих гуманистов? Почему лучшие умы и конструкторскую мысль направляли на создание орудий массового убийства людей, а не на удовлетворение жизненных потребностей человека? Почему несколько десятилетий назад голодающую крестьянку расстреливали из дробовика, сажали в тюрьму за несколько колосков пшеницы, а сейчас “новые русские” присваивают нечестным путем миллиарды и вкладывают их в зарубежные банки? Почему наши люди отдают ловкачу за несбыточные посулы свои скромные сбережения, а потом этого ловкача избирают в парламент? Почему наши люди легковерно идут за красивыми знаменами и лозунгами? И почему мы бросаемся из одной крайности в другую? Когда же будем жить по уму и по совести, ценить по труду и правде? Когда у нас будет действительно правовое государство, демократическое общество и нормально функционирующая экономика?

Таких “проклятых” “почему?” и “когда?” тысячи. И они преследуют как бесконечный кошмар. Хочется внести хотя бы каплю понимания в решение этих трудных вопросов. Аграрная наука и политика – только одна из многочисленных граней этого целого “почему?” и “когда?” Но все эти вопросы имеют какие-то общие корни. Попытаемся к ним подойти. Рассмотрев прошлое с его удачами и неудачами, слезами радости и горем потерь, постараемся сделать определенные выводы. Наш многовековой опыт богат. Перед нами пройдет вереница умнейших сынов и дочерей России с их ответами, с их думами, их трудами, их драматической судьбой, их горьким опытом и неподкупной любовью к людям, жизни, Родине.

Материалом для написания этой книги послужили личные исследования, литературные источники, архивные данные, официальные документы правительств, статистические сборники, сообщения периодической печати, исследования научных учреждений. Конечно, у всякого научного работника накапливается какой-то личный архив с документами, наблюдениями, свидетельствами событий, мыслями и соображениями. Есть он и у автора и использован в данной книге в необходимых случаях.

Структурно работа состоит из трех частей, объединяющих 14 глав, в которых имеются разделы и подразделы. В первой части излагается зарождение аграрной экономической науки и ее развитие в XVIII и XIX вв., а

также в начале XX в. вплоть до Октябрьской социалистической революции. Основное внимание здесь уделяется И.Т. Посошкову и его “Книге о скудости и богатстве”, просветителям второй половины XVIII в., проектам М.М. Сперанского, деятельности Императорского Вольного экономического общества, эволюции крестьянской общины, кризису феодально-крепостнического строя, подготовке и проведению реформы 1861 г., развитию науки и экономики в пореформенный период, аграрной реформе Петра Столыпина, аграрным программам различных политических партий начала XX в., Лиге аграрных реформ.

Вторая часть посвящена советскому периоду нашей истории. Она по объему самая крупная и содержит 7 глав. В пятой главе излагается аграрная наука и политика 20-х гг. Значительное место уделяется крестьянской войне как ответу на крайности “военного коммунизма”. Вся эта часть написана на материалах российских архивов. Показаны три ветви в аграрной науке России: либерально-демократическая, называемая советскими историками и экономистами буржуазной; организационно-производственная, называемая ранее неонароднической, или мелкобуржуазной, а также марксистская. Изложена суть этих учений, а также судьба представителей всех трех школ.

В шестой главе дается развитие аграрной науки и политики в 30-е гг. Коллективизация показывается на новых архивных материалах. Создание ВАСХНИЛ и борьба в сельскохозяйственной науке с ее драматическим исходом для многих выдающихся ученых представлены как в сути проблем, так и в судьбах людей. Седьмая глава целиком отведена Великой Отечественной войне, роли аграрной науки и крестьянства в ее исходе. Восьмая глава – годы после войны (1946 – 1953 гг.) – попытка показать ложь и правду о нашем сельском хозяйстве на основе известных и ранее неизвестных документов.

В девятой главе говорится о реформах в “оттепель” (1953 – 1964 гг.), противоречивости аграрной политики Н.С. Хрущева, крупных прогрессивных начинаниях и забегании вперед, поддержке науки и командовании ею, работе самих научных коллективов. Десятая глава дает картину “застойного” периода (1964 – 1984 гг.). Показываются процессы огосударствления, научные поиски в эти годы. Следующая глава дает картину перестройки (1985 – 1991 гг.), здесь отмечены сложности этого периода, эксперименты в аграрной сфере, драматизм выхода из тоталитарного общества.

В третьей части книги характеризуется состояние общества, аграрной сферы и науки на пороге XXI в. и смены тысячелетий. В 12-й главе дается анатомия третьей российской смуты, или общего, тотального кризиса, охватившего политику, экономику, экологию, демографию и социальную жизнь, мораль и идеологию, аграрный сектор. 13-я глава полностью отведена анализу современной аграрной реформы в России; показана ее объективная необходимость, цели и принципы, фактический ход как с позитивными, так и негативными сторонами. Наряду с официальными источниками здесь широко использованы данные социально-экономического мониторинга реформы, осуществляемого в течение трех лет Аграрным институтом РАСХН, а также материалы экспедиционных обследований и других документов этого института.

В последней, 14-й, главе охарактеризован потенциал аграрной науки России. Показываются три ветви науки: академическая, университетская, и

непосредственно прикладная, сосредоточенная в Главках Министерства сельского хозяйства и продовольствия. Отмечаются важнейшие биологические, технико-технологические и экономические исследования и разработки, направленные на создание эффективного и конкурентоспособного сельского хозяйства России. Называются многие институты национального и регионального уровня, где достигнуты существенные результаты. Показана плеяда ветеранов аграрной науки с их основными разработками и исследованиями.

Мыслилось представить читателю 15-ю, прогностическую главу, сделаны наброски возможных сценариев дальнейшего развития. Однако вынужден пока от этого воздержаться ввиду непредсказуемости некоторых общественных и политических процессов в стране. Поэтому ограничимся выводами, вытекающими из нашего опыта, из нашей истории, из особенностей советско-русского характера, а также очевидных тенденций развития.

Полагаю, что многие вопросы дискуссионны. И буду весьма признателен уважаемым читателям за критику, замечания, дополнения, другие варианты и подходы. Автор имеет свою позицию по рассматриваемым вопросам, она сложилась не в одночасье.

Всякая позиция подвержена обстрелу. И это естественно. Предмет чрезвычайно сложен, многогранен. Всегда найдутся люди, которые увидят недостатки, упущения. И они будут правы. Представьте себе какой-то конкретный участок земной поверхности. И там оказались вместе 12 экспертов: географ, топограф, геолог, почвовед, физик, химик, микробиолог, ботаник, историк, социолог, агроном и экономист. Географ определит координаты, климат; топограф – рельеф местности, высоту над уровнем океана, крутизну склонов; геолог заглянет в недра земли в поисках полезных ископаемых; почвовед возьмет разрезы почвы, установит их тип и свойства; физик рассмотрит физические, а химик – химические особенности, кислотность или щелочность реакции; микробиолог исследует почвенную фауну; ботаник – тип растительности, богатство имеющихся видов; историк заинтересуется прошлым этой местности, может даже заглянуть в летописи и другие источники; социолог изучит демографическую ситуацию, занятия, жизнь и быт людей; агроном определит, что на этих землях лучше произрастает, какие культуры и как их следует возделывать; экономист подсчитает целесообразность той или иной системы хозяйства на этой местности с учетом всех объективных данных плюс конъюнктуры рынка и условий сбыта продукции. Каждый специалист увидит свою сторону одного и того же объекта и скажет только о ней. Он будет прав. Другие могут упрекнуть его в неполном освещении объекта и тоже будут правы. Но нельзя от всех требовать всего, равно как и считать свои взгляды единственно верными. Это мы уже проходили.

В исследовании и описании сложных объектов всегда могут присутствовать некоторая неполнота и даже субъективизм при вполне объективном подходе. Факт или процесс нельзя изменить, он остается таким, какой он есть. Но увидеть, не греша против истины и объективности, можно далеко не все. При этом важны компетентность, социальное положение, жизненный опыт и другие особенности исследователя. Автор по специальности и опыту работы экономист. Кроме того, имеет диплом ученого агронома и с ранних лет интересовался историей. К тому же выходец из крестьянской семьи и сам, сколь-

ко помнит себя, работал в сельском хозяйстве. В Отечественную войну – солдат и офицер Советской Армии, участник боев. Очевидно, все эти факторы и создают ту индивидуальную призму, через которую человек пропускает и рассматривает общественные явления.

При подготовке настоящей книги я встречал понимание и безотказную помощь со стороны коллектива Аграрного института, как его опытных работников, так и доброй, способной молодежи, за что безмерно благодарен.

Иван Николаевич Буздалов, Эльмира Николаевна Крылатых и Александр Васильевич Петриков приняли на себя нелегкий труд внимательно прочесть рукопись книги, высказать деловые и конструктивные замечания, большинство которых принято автором с самой сердечной признательностью своим коллегам и друзьям.

Я признателен своим ближайшим научным сотрудникам-историкам: Ирине Ивановне Собко – она разобрала огромное количество фондов и дел в российских архивах и, в частности, подготовила материалы по Вольному экономическому обществу, научным учреждениям и учебным заведениям дореволюционного периода, сельскохозяйственной кооперации, аграрным программам различных партий, “антоновщине”, коллективизации и другим вопросам; Татьяне Павловне Мироновой – она подготовила раздел об эволюции крестьянской общины и некоторые другие материалы, относящиеся к XVIII и частично XIX вв.

Я благодарен Василию Александровичу Чаянову и Елене Николаевне Кондратьевой за многочисленные консультации, предоставление материалов из семейных архивов и других источников, относящихся к жизни и научной деятельности их отцов, ознакомление с психологической и иной обстановкой того времени.

Подготовка рукописи к изданию во многом обеспечена компетентностью и усердием Любови Степановны Платоновой, осуществившей ее компьютерный набор.

Автор весьма признателен Российской академии сельскохозяйственных наук за содействие в издании этой книги.

Автор надеется, что предлагаемая читателю книга будет скромной лептой в большой копилке знаний и опыта, которые помогут народу быстрее преодолеть трудности и беды и в решении актуальнейших задач в жизни нашей Родины.

Москва, декабрь 1994 г.

А. Никонов

История не учительница, а надзирательница,
magistra vitae: она ничему не учит, а только
наказывает за незнание уроков.

В.О. Ключевский

ЧАСТЬ I

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АГРАРНОЙ НАУКИ В РОССИИ

Россия за два с небольшим столетия, начиная с великих преобразований Петра Первого, прошла большой исторический путь. Мучительно преодолевая феодальную отсталость, она сумела создать сильнейшее государство, раздвинуть его границы на запад, юг и восток. Болезненно и долго сбрасывая крепостничество, развивала промышленность, транспорт, внутреннюю и внешнюю торговлю. Особенно динамичным был XIX в., когда Россия дала миру многих гениев науки, литературы и искусства. Начало XVIII столетия отмечено и возникновением самостоятельной российской агроэкономической науки, как и собственной науки вообще.

ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ АГРАРНОЙ НАУКИ В РОССИИ – XVIII ВЕК

Аграрная и экономическая наука в Европе к началу XVIII столетия уже имела свою историю, различные школы и направления. Этому в известной мере содействовали крупные политические изменения, например, голландская революция (1566–1609), английская буржуазная революция (1640–1660), выход на историческую арену новых социальных сил и классов, а также географические открытия целых континентов.

В XVI и XVII вв. появились работы таких ученых, как У. Стаффорд и Т. Мен в Англии, Г. Скаруффи и А. Серра в Италии, А. Монкретьен во Франции, которые возглавили направление меркантилистов (от итальянского mercante – торговец). Представители этой школы главное видели не столько в производстве, сколько в обращении. Саму политэкономия подчас сводили к активному торговому балансу. Ими выдвигался принцип: дешевле купить и дороже продать, вывозить исключительно готовые изделия, завозить в страну побольше драгоценных металлов. Они предлагали осуществлять протекционизм во внешней торговле с целью получения выгоды.

В XVII в. трудился основатель английской классической школы экономистов Вильям Петти (1623–1687). Этот высокообразованный ученый, окон-

чивший Лейденский, Парижский и Оксфордский университеты, был изобретателем, физиком, анатомом, врачом, земледельцем. Изобрел копировальную машину. Важнейшие его научные труды: “Трактат о налогах и сборах” (1662), “Слово мудрым” (1664), “Политическая анатомия Ирландии” (1672), “Политическая арифметика” (1676). Он анализирует налоговую политику, деньги, торговлю, наказания, а также общественную роль церкви и религии. Находясь вначале под влиянием меркантилизма, он вскоре от него освобождается и считает источником богатства не сферу обращения, а производство. Первым выдвинул трудовую теорию стоимости.

В XVIII в. на научной сцене появляется новая школа – физиократы (от греческого *physis* – природа и *kratos* – власть). Главным источником богатства они видели не в обращении, а в производстве, а в последнем приоритетным считали земледелие, так как только здесь создается новое вещество, только земледелие приносит подлинный доход. Основоположителем этого направления был Франсуа Кенэ (1694–1774). Сын очень бедных родителей из села вблизи Парижа был поначалу хирургом, а затем стал ученым экономистом мирового уровня, энциклопедистом, другом Дидро и других выдающихся современников. Характерны названия самих работ Кенэ: “Фермеры” (1756), “Зерно”, “Население”, “Налоги” (1757), “Экономическая таблица” (1758), “Философия земледелия” (1763), “Общие принципы экономической политики земледельческого государства” (1767).

В этом же столетии жил и работал создатель классической политической экономии, экономист и философ Адам Смит (1723–1790). Его основной труд “Исследование о природе и причинах богатства народов” опубликован в 1776 г., русский перевод – в 1802 г. Главная научная заслуга А. Смита в разработке важнейших категорий трудовой теории стоимости. Его влияние чрезвычайно велико во всем мире, не исключая Россию.

Как же развивалась в это время экономическая наука в самой России, где ее корни и источники? Какими памятниками того времени мы располагаем сегодня?

ДОМОСТРОЙ

О домострое в нашей литературе чаще всего говорится в негативном свете. Домостроевскими обычно называют деспотическую власть главы семьи, косное и жестокое отношение к женщине, ее порабощение. (Конечно, времена тогда были суровые, и ни о какой эмансипации женщин и речи быть не могло. Но даже тогда людям в голову не могла прийти мысль посылать женщину на стройку, загонять ее на леса и стропила, принуждать мостить дороги. Именно в такую “эмансипацию” воплотилась лицемерная, лживая советская политика освобождения женщины от наследия “домостроевского рабства”, разрушившая саму основу уклада жизни).

“Домострой” – это важнейший памятник русской культуры, науки и этики XV – XVII вв. Это как бы устав и регламент всей хозяйственной, семейной, культурной и религиозной жизни людей того времени. Он проникнут принципами экономичности (даже скупидомности), совестливости, трудолюбия и трезвости, осуждает лень, зависть и строптивость. Опора делается в

отношениях с людьми на стыд и совесть. В “Домострое” этика доминирует над экономикой, воспитание – над образованием, дело – над словами.

Можно по-разному относиться сегодня к изложенным в “Домострое” постулатам, или советам. Важно войти в атмосферу того времени, понять и объективно оценить его значение для людей российского средневековья.

Недавно “Домострой” переиздан в редакции протопопа Сильвестра, духовника молодого царя Ивана IV и помощника митрополита Макария, с выдержками из более древнего издания, а также с текстом “Стоглава”, “Лечебника”, “Травника”, “Назирателя”, “Измарагда” и некоторых других документов того времени, составляющих единое целое с “Домостроем”, и прекральной вступительной статьей В. Колесова¹.

“Домострой” – это труд не одного автора. Он создавался многими людьми и во многих местах, постепенно пополняясь новыми материалами. Сначала сюда вошли высказывания древних мудрецов, переведенные с греческого языка на славянский, особенно Иоанна Златоуста, Нила Синайского, Василия Великого, Афанасия Александрийского. Затем кое-что взято с латинского, немецкого и польского. И вместе с тем документ обогащался русской народной мудростью, особенно русского Севера. “Домострой” окончательно сформировался в условиях быта и жизни Великого Новгорода конца XV в. Фактически книга состоит из “духовного строения”, то есть этики, “мирского строения”, или политики, и “домовного строения” – экономики в их организческой связи и единстве.

Книга в редакции Сильвестра содержит 64 совета, наставления, “указа”, “наказа”, или, говоря современным языком, – рекомендации. При этом все они касаются дома, семьи как основной ячейки общества. Практически здесь изложены советы на все случаи жизни. Как строить избу, готовить пищу, хранить запасы, шить одежду и одеваться; как воспитывать детей, как принимать гостей, приютить сирых; как жить по достатку; как служить государю; как вести торговлю. Первое наставление, открывающее “Домострой”, – обращение отца к сыну: “Благословляю аз, грешный имярек, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их чад, и домочадцев быти во всяком христианском законе и во всякой чистой совести и правде, с верою творяще волю Божию и храняще заповеди его, себе утверждающе во всяком страхе Божии и в законном жительстве, и жену поучающе, тако же и домочадцев своих наказующе, ни нужею (насилием), ни ранами, ни работою тяжкою, имеюще яко дети во всяком покое сыты и одеты, и в теплом храме (доме), и во всяком устроении (всегда в порядке)”². Далее следует предупреждение о неминуемом наказании при нарушении заповедей. Много говорится о том, как надо чтить старших, царя, князя. Как дети должны любить родителей и слушать их наказы. Немало наставлений добрым и трудолюбивым женам.

21-й наказ начинается так: “Да самому себе, государю, и детей, и домочадцев своих учить не красти, не блясти (не блудить), не солгати, не оклеветати, не завидети, не обидети, не клепати, чужого не претися (на чужое не посягать), не осужатися, не бражничати, не просмеивати, не поминати зла, не гневатися ни на кого, к большим (к старшим) быти послушны и покорну, к

средним любовну, к меньшим и убогим – приветну и милостиву, со всяким управа без волокиты...”³

В 24-м наказе подробнее перечисляются все виды грехов: “А кто не по Бозе живет, не по христианскому житию, чинит всякую неправду и насилие, и обиду сильно отымет, возмья не зашатит, волокитою уморит, а молода человека во всем изобидит, а на суседстве кто не добр или в селе на своих христиан, или на приказе, или на власти дани тяжкие и всякие уроки незаконные накладывает, или чужую ниву попахал, или лес посек... или ябедничествам вытяжет... и всяким лукавным ухищрением, и неправедным собранием, или росты, и наспы, и мыта (неправедно скопленным, на пропентах, поборах или мздах), всякия неподобря дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие и клятвопреступление, и ярость, и гнев, и злопамятство...”⁴ Дальше речь идет о суровом наказании за все это от Бога и проклятие от людей. Строго осуждаются люди, живущие не по средствам, не за счет своего труда.

“Домострой” рекомендует всегда иметь запасы всех видов продовольствия и не допускать порчи⁵. Здесь есть советы, как сушить, хранить запасы пищи и напитков, как строить хранилища. При торговле, куше и пролаже каждый вечер счета проверять и тотчас же расплачиваться, всячески поощрять честного торговца, угощать его. “А кто глуп, и груб, и крадиль, и ленив... с двора спустить (прогнать)”⁶.

Многие рекомендации “Домостроя” сегодня кажутся наивными и даже смешными. Однако, несмотря на то что этим наставлениям 500 и более лет, многие из них не устарели и сейчас. Что же касается моральных устоев, честности и порядочности, то едва ли мы далеко ушли вперед за это полуторычелюлетие. Ни вузовские дипломы, ни другие регалии, ни современные костюмы, ни более изощренная речь моральный уровень не подняли. Наглядное тому свидетельство – лавинообразно нарастающая преступность и коррупция в нашем обществе и удручающее падение нравов.

Так что же представляет собою “Домострой” и какое он имеет отношение к науке? Если науку понимать узко, как процесс исследования с определенной программой и методикой, то этот документ, конечно же, нельзя назвать научным. Но если подойти шире и за науку принимать четко сформулированные законы, положения и правила, построенные на основе обобщения огромного опыта и колоссальной массы наблюдений за очень длительный период, то можно сказать, что перед нами документ научного характера, являющийся одновременно общекультурным, литературным памятником. Это наше прошлое, достойное уважения и изучения.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

Где начало русской аграрной науки? “Домострой” все же ближе к духовно-бытовому жанру. Он высок морально-этической стороной, но больше замыкается на семье и доме. Начало науки часто связывают с именем Юрия Крижанича (1617–1683). Хорват по национальности, католик по вероисповеданию, священник-миссионер, получил по своему времени прекрасное образование в Загребе, Вене, Болонье и Риме. Он был полиглотом, владея, кроме

родного языка, итальянским, немецким, латинским, греческим и русским. Видя пренебрежительное отношение к славянам со стороны правящих кругов Австро-Венгерской империи, Крижанич становится непримиримым германофобом и ревностным проповедником братства славянских народов. В России с ее многочисленным населением и обширными землями он видел ту силу, которая способна объединить всех славян в единый народ и защитить их от угрозы как с Запада, так и с Востока. Поэтому он прибыл в Вену к московскому посланцу Якову Лихареву и договорился о переселении в Россию. По дороге в Москву он несколько месяцев пробыл в Малороссии, жил в Нежине и даже написал две работы, посвященные Украине.

В Москве, по свидетельству Н.И. Костомарова⁷, он прожил с осени 1659 г. по январь 1661 г., то есть немногим более года, после чего был сослан в Сибирь. В Тобольске он провел 16 лет, затем был освобожден и отпущен на Запад. Дальнейшая его судьба малоизвестна. Причины столь сурового обращения московских властей с искренним другом России уже в то время были весьма симптоматичны. Крижанич отказался креститься по православному обряду, будучи уже однажды крещен в католической церкви, этот факт послужил основой для недоверия к нему, хотя он питал к России самые искренние чувства. Временами в нашем государстве любого иностранца готовы носить на руках только по одному тому, что он иностранец, а временами и друга примут за недруга.

А. Брикнер пишет, что Ю. Крижанич, “почти вовсе неизвестный на Западе и весьма мало известный у нас в России, принадлежит к числу самых замечательных писателей-экономистов XVII в. ...обнаруживает понимание теории цен, то есть действий на цены спроса и предложения... Довольно подробно он сравнивает богатства России с богатством других стран... Он желал, чтобы был ограничен привоз товаров с Запада... считает необходимым систематическое и распространенное по всему государству обучение народа арифметике...”⁸

Крижанич с болью отмечал неумение наших народов торговать и вообще компетентно вести дело. Он писал: “Народа нашего разумы суть тупы и косны и люди неуметельны к торгованию, в земли тяжанию и в домашнем господарству. Русы, ляхи и весь народ словенский отнюдь не знают торгования, ни по морю, ни по суку...”⁹

Крижанич пытался создать всеславянский язык на базе русского и западнославянских, прежде всего сербо-хорватского. Написал даже его грамматику. По свидетельству авторитетных филологов, Крижанича можно считать отцом сравнительного славянского языкознания¹⁰ и пропагандистом всеславянской идеи.

Наиболее крупная работа Ю. Крижанича – “Разговоры о владетьстве”, в которой изложены политические, социальные и экономические проблемы. Он рассуждает о торговле, выступая против монополий и засилья иноземцев; о ремеслах, всемерно ратуя за их развитие и предлагая в каждой семье одного из детей обучать ремеслу. Важнейшее значение он придает земледелию, считая, что оно “всему богатству корень и основание; земледелец кормит и обогащает и ремесленника, и торговца, и боярина, и государя”¹¹. В этом он ушел дальше западноевропейских меркантилистов.

Крижанич резко ополчается против процветавшего уже тогда на Руси пьянства и прокликает кабаки. Он не терпит жестокости, особенно со стороны власть предержащих. Ивана Грозного он называет “людодерцем и безбожным мясником, кровопийцей и мучителем”¹². Он считает неверной политику, направленную на обогащение государства за счет ограбления людей, выступает против казнокрадства чиновников. Весьма либерально относится к расколу церкви и не видит причин для вражды между западными и восточными христианами, то есть католиками и православными.

К сожалению, пребывание Юрия Крижанича в России было драматичным. Его здесь не оценили, не поняли, и он не оставил глубокого следа.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ИВАН ПОСОШКОВ

Вся первая четверть XVIII в. в России несет на себе неизгладимую печать великого реформатора Петра Алексеевича Романова. Его деятельность всесторонне освещена в нашей историографии, а также в художественной литературе, искусстве, памятниках и географических атласах. Но еще памятно не столь отдаленное прошлое, когда сознательно обеднял этот образ Иосиф Сталин, втискивая его деятельность в узкие рамки теории классовой борьбы и представляя величайшего российского реформатора в качестве борца за интересы купечества. Для него был более близок по духу кровавый Иван IV Рюрикович, и в угоду диктатору люди искусства в советскую эпоху создавали Ивану Грозному образ “великого государя”.

Подлинно великим был Петр I. Именно он раздвинул границы государства как за счет присоединения Балтии, прорубив “окно в Европу” и продолжив дело, начатое еще Александром Невским, так и за счет выхода к Азовскому морю. Он поощрял развитие торговли и промышленности, науки и образования. Петр Романов – первый гражданин России, удостоившийся ученого звания академика, – он был избран членом Академии наук Франции. Трудно назвать сферу государственной, военной, общественной, экономической, административной, научной и культурной жизни, которая бы им не реформировалась и не подтягивалась к мировому уровню. При этом сам царь был не только “первым прорабом” во всех этих сферах, но подчас и “чернорабочим”. Это под силу только гениальному человеку, и что удивительно точно и афористично отмечено А.С. Пушкиным: “То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник”. И когда смотришь на домик-сарай в Зандаме, вблизи Амстердама, где ютился молодой царь великой страны у голландского плотника-корабеля, осваивая мастерство, чувствуешь восхищение и гордость за этого человека, собственным трудом, волей и умом подвигнувшего Россию на реформы.

Россия совершила под руководством Петра гигантский прорыв. Но он стал возможным как благодаря его гениальному уму и неукротимой энергии, умению приобщить к преобразовательным реформам в своем Отечестве огромное число приглашенных им из Голландии, Швейцарии, Германии, Франции и других стран специалистов и ученых, так прежде всего и в репахющей мере труду народа России, а именно крестьян, составляющих его большинство. Это они строили заводы и фабрики, осваивали богатства Урала и Сибирь.

ри, создавали флоты и флотилии, возводили города и крепости, испытывая непомерные тяготы под многослойным гнетом помещиков, чиновников, урядников и прочего начальства. Но нелегко было и самому Петру противостоять массовому сопротивлению консервативных сил. В.О. Ключевский писал: “Ход реформ вызывает удивление, с каким трудом доставались Петру даже скромные успехи. Такой горячий его почитатель, как И.Т. Посошков, должен был признать и красиво изобразил, как плохо спорилось дело в руках Петра, который один тянет в гору, а под гору тянут миллионы... Правя государством из походной кибитки и с почтовой станции, он думал только о делах, а не о людях и, уверенный в силе власти, недостаточно взвешивал пассивную мощь массы. Преобразовательная увлекаемость и самоуверенное всевластие – это были две руки Петра... Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная”¹³.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726), современник и активный сторонник реформ Петра. Вместе с тем это первый русский ученый-экономист. Его судьба трагична, как и многих неординарных людей на Руси. Через несколько месяцев после подачи своего самого значительного произведения “Книги о скудости и богатстве”, адресованного царю в виде рукописи уже после смерти Петра, он был арестован “по важному секретному государственному делу”, брошен в Петропавловскую крепость, где и скончался 1 февраля 1726 г. Могила его неизвестна, как и остаются неизвестными общественные силы, противостоявшие утверждению его экономических взглядов, предвосхитивших за полвека обобщения и открытия Адама Смита. (Размышления об И.Т. Посошкове приводят к сравнению его с Сервантесом, написавшим, кстати, большую часть гениального “Дон Кихота” в Севильской тюрьме. Но Севилья помнит своего замечательного земляка. Сегодня в одном из ее красивейших парков есть беседка – в ней на полках разложены книги Сервантеса. Туда приходят люди, отдыхают, читают, общаются, кладут опять эти книги на полки и уходят...)

Книга нашего первого экономиста увидела свет только через 118 лет после ее написания, благодаря трудам и заботам М.П. Погодина. Со второй половины XIX в. появляется много научных публикаций, посвященных И.Т. Посошкову, подробно рассматривается путь выходца из крестьянской семьи подмосковного села Покровское, ставшего активным предпринимателем, мыслителем, экономистом, философом.

М.П. Погодин писал, что Посошков, “родясь за пятьдесят лет до политической экономии в Европе, посчитал живю ея правила и в некоторых отношениях был предшественником Адама Смита”¹⁴. Позже Г.В. Плеханов говорил о нем: “Читая “Книгу о скудости и богатстве”, чувствуешь, как сильно болел Посошков бедствиями тяглой Руси. Такой боли не заметно ни в одном сочинении Ломоносова. Что он любил Россию и русский народ, в этом никакое сомнение невозможно. Но впечатления детства у него были иные, неже-

ли у Посошкова..."¹⁵ Плеханов высоко оценил заслуги Посошкова, впервые выработавшего "целую программу экономической политики". "Программа эта заключает в себе все главные требования меркантилизма, приспособленные к русской социально-экономической обстановке того времени... вряд ли кто-нибудь из помощников Петра имел такую стройную экономическую программу"¹⁶.

Как об идеологе и деятельном стороннике петровских реформ о Посошкове говорит С.М. Соловьев: "Посошков, живой, талантливый, умный русский человек, ясно понимал необходимость для России выйти из прежнего положения, сочувствовал преобразователю, его благонамеренности, но вместе сильно тяготился тем, что преобразование идет не так скоро, что меры Петра встречают повсюду страшные препятствия, и выставил все эти препятствия в своем замечательном сочинении "О скудости и богатстве". Нетерпеливый Посошков предлагал самые крутые меры для истребления застарелого зла"¹⁷.

В.О. Ключевский многократно ссылается на Посошкова в качестве первоисточника при оценках состояния дел в России и характеристике реформ. Это касается отношения к крепостному праву, финансовой политике, подушной подати, оброку, судебной практике, внешней торговле, бюджету, работе органов управления¹⁸.

Л.Б. Кафенгауз ставит Посошкова в один ряд с такими деятелями петровской эпохи, как псковский архиепископ Феофан Прокопович, поэт Антон Кантемир, историк Василий Татищев, митрополит Стефан Яворский. Он пишет: "Труды Посошкова вошли в историю русской культуры, в историю русской политической, экономической и философской литературы... Он занял почетное место в истории мировой экономической мысли"¹⁹.

Л.Б. Кафенгауз излагает подробную биографию И.Т. Посошкова, дает библиографию его сочинений, а также список литературных источников о нем. Обобщая его взгляды по крестьянскому вопросу, он пишет: "Посошков предлагал ограничить произвол помещиков, установить в законе размер барщины и оброка, отделить крестьянские земли от помещичьих, понизить вдвое палоговое бремя крестьянства, ввести обязательное обучение грамоте. Эти проекты, отвечающие интересам крестьянства, являются несомненной заслугой Посошкова"²⁰.

В прошлом веке большой труд И.Т. Посошкову посвятил А. Брикнер. Первая часть этого труда целиком излагает экономические взгляды Посошкова. А. Брикнер обстоятельно аргументирует положение о том, что Посошков – первый русский экономист, и оно противостоит утверждениям одних авторов, видевших истоки русской экономической мысли в "Домострое", и других, отводивших это место Юрию Крижаничу. А. Брикнер пишет, что "Посошков лучше многих современников умел ценить экономическое значение времени, хотя и не знал английской поговорки: "time is money" (время – деньги)... На низких ступенях культуры время не ценится вовсе..."²¹

И.Т. Посошков отличался феноменальной любознательностью, изобретательностью, предприимчивостью и неиссякаемой энергией. Выходец из семьи крестьянина-ремесленника, не получив систематического образования, всего достиг своим умом и трудом. Он первым в России изобретает станок для чеканки денег, строит винокуренный завод, организует серпный пресс,

находит месторождения нефти, открывает в Новгороде аптеку, хлопочет об открытии полотняной фабрики. Приобретает два двора в Петербурге, покупает два дома в Новгороде, становится владельцем села Марьино в Капшинском уезде Тверской губернии, а затем покупает деревню с землей в Новгородской губернии. Имел 258 десятин земли с 72 крестьянами. Но не эта предпринимательская деятельность была главной в жизни Посошкова. Возможно, он сам и не догадывался, что история Отечества оценит его за другое, за труды в области экономической науки, где он на Руси провел первую борозду. В начале 1697 г. состоялась его встреча с Петром в селе Преображенском. Через два года он представил царю “Доношение” о денежном деле, затем в разные адреса по принадлежности посылал записку “о ратном поведении”, многократно о финансовых вопросах и другие.

Главный труд жизни И.Т. Посошкова, над которым он работал три года, “Книга о скудости и богатстве” (1724). Она издавалась трижды: в 1842 г. М. Погодиным, затем в 1911 г. и в 1937 г.²². Есть смысл рассмотреть ее содержание, выделив положения, в известной степени не утратившие своего значения и сейчас, не говоря об их актуальности в тот исторический период. Кроме “доношения” Петру I, примечаний и словаря, в книге содержится девять глав: о духовенстве, о военных делах, о правосудии, о купечестве, о художестве, о разбойниках, о крестьянстве, о земельных делах и о парском интересе. Один этот перечень проблем свидетельствует о широком диапазоне интересов автора, охватывающих практически все стороны экономической, политической и духовной жизни общества. Здесь есть все, чтобы, по выражению А.И. Солженицына, “обустроить” Россию. А по словам самого Посошкова, все эти главы “состязаются к насаждению правды, неправды же и всякого воровства ко истреблению”²³.

Столь широкий круг вопросов характерен для ученых того времени, включая В. Петти, а позднее Ф. Кенэ, А. Смита, французских энциклопедистов. Но никого из них Посошков не копирует, он исходит из российских реалий.

Автор считает, что духовенство “столп и утверждение благочестия и всему человеческому спасению”. Но тут же сетует на низкую грамотность и образованность священнослужителей²⁴.

“Военный люд – стена и твердое забрало царству”²⁵, – пишет Посошков. Вместе с тем отмечает, что командиры плохо заботятся о подчиненных, те живут в большой нужде, в интендантстве процветает воровство. (Как это все напоминает коррумпированность многих современных высокопоставленных чинов, при бедственном положении младших офицеров и солдат!)

Нелестно автор “Книги о скудости и богатстве” отзывается о судах и судопроизводстве. Здесь много волокиты и неправды. Он предлагает учредить суды единые для людей всех сословий, включая и самые низкие. (И современный наш суд отягощен теми же бедами.)

Купечеству Посошков придает исключительно большое значение. “Нет на свете такого человека, кому бы купецкий человек не потребен был”, – писал он. И вместе с тем он дает уничтожающую характеристику правам купцов тех времен, обвиняя их в обмане друг друга, подделке товаров, завышении цен. (Так что глобальные пороки сегодняшней нашей торговли имеют также глубокие корни.)

Обеспокоенно рассуждает Посошков о художественном мастерстве, или промыслах, отмечая, что поставлены они на Руси из рук вон плохо, в то время как столько добра кругом пропадает, просто гниет. Он предлагает выписывать заграничных “вымышленников”, которых на Западе много, для работы и обучения нашей молодежи. Но только хороших, а не пьяниц и хапуг, тех выгонять немедленно следует. (И эти недостатки характерны для нашего времени: ведь располагая крупнейшими массивами лесов, теряя ежегодно миллионы кубометров древесины, оставляя на сгниение или сжигая добротные отходы, мы вот уже десятилетиями не производим простой утвари, импортируем сделанную из прессованных побочных лесопроductов мебель, затрачивая на это природные энергоносители; бесхозяйственность сопутствует нам во всех сферах освоения, переработки природных ресурсов.)

Большую тревогу вызывает у Посошкова преступность. В главе “О разбойниках” он пишет: “Во всех государствах христианских разбоев нет таких, каковы у нас на Руси, а все оттого, что там потачки им ни малыя нет, в тюрьмах долго не держат, когда кого поймают, тогда ему и указ учинят, и того ради там не смеют и воровать много. У нас же долго с судом волынят, а вышедшие из тюрем опять воруют”²⁶. (Так было до массового всплеска преступности, в том числе организованной. Сейчас же с этим гораздо хуже!) Автор предлагает крутые и быстрые меры по борьбе с преступниками, наказания суровые и обязательно гласные. (Не последовать ли наконец нам этим простым и безусловно необходимым мерам?)

Посошков еще не ставит вопроса об отмене крепостного права, хотя видит бедственное положение крестьян. Причины он усматривает в другом: “Крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своея лености, а потом от нерассмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их”²⁷. Посошков считает крепостное право временным явлением. По его мнению, помещики должны не разорять, а всячески охранять крестьян, чтобы они не были нищими.

Посошков резко выступает против всяких поборов и притеснений со стороны помещиков и чиновников: собирать положенное следует только по земле и только в удобное для крестьянина время, не дергая и не отрывая его от работы; необходимо строго установить размер барщины, вдвое понизить налоги, отделить крестьянские земли от помещичьих, ввести обязательное обучение крестьянских детей грамоте. Он предлагает ограничить власть помещиков над крестьянами, круглогодично обеспечивать крестьян работой, зимой – в лесу, на разных промыслах, по найму. Он сторонник рачительного отношения ко всякому добру, к земле и лесу, возмущается праздностью, рекомендует сажать сады и огороды. Поскольку крестьянству много бед приносят пожары, дает технические советы, как строить гнездами постройки, чтобы от одного очага не страдало все селение. Особую заботу проявляет Посошков о земле; он против мелкого дробления участков, выступает за твердое межевание и землеустройство, за посадку деревьев, предлагает штрафы за нерадивое отношение к земле, финансовое стимулирование мелиорации, осушения болот.

Будучи последовательным государственным деятелем, Посошков не противопоставляет человека государству, не мыслит гражданина рабом государства, особенно в экономических вопросах. Он пишет: “Худой тот сбор, аще кто царю

казну собирает, а людей разоряет, ибо аще кто прямо государю своему тишится служить, то паче собрания надлежит ему людей от разорения соблюдать, то оноо собрание и споро и прочно будет; к сему же и собранного надо блюсти, дабы даром ничто нигде не гнуло. Охранение добрый товарищ собранню..."²⁸ Нетрудно заметить, что в одном этом предложении сформулированы две принципиальные идеи (не реализованные и к концу XX в.): во-первых, на деле обеспечить приоритет человека, личности перед государством и всеми его институтами и, во-вторых, так построить структурную политику, чтобы исключить потери. (Позже, в эпоху тоталитаризма, страна еще дальше откатилась назад по этим двум направлениям. Достаточно вспомнить, как разоряли крестьянина "первой заповедью", как гноили свезенную в какие-то мифические "закрома Родины" продукцию, разумеется, во имя "светлого будущего"! А теперь, в "посттоталитарный период", проводится такая фискальная и ценовая политика, что крестьянину производить продукцию для рынка вообще невыгодно. То же колониальное отношение к крестьянству, только новыми методами: тогда тюрьмой, теперь – рублем.)

Посошков выступал за единый невысокий налоговый сбор, например, по гривне с рубля (10%), не допуская никаких других поборов, никаких посредников в лице бурмистров, целовальников, всяких столоначальников и чиновников. Он понимал, что государство от этого ничего не получает, нувориши растут, а "люди все тонеют"²⁹. Он предлагал высокие пошлины на импортные товары и резко осуждал экспорт сырья, рекомендовал вывоз не льна и пеньки, а полотна; не шерсти, а сукна; не леса, а досок и других изделий из древесины.

Посошков был поборником высокого качества продукции, предлагал крупно штрафовать за всякие подделки. Особенно, считал он, доброкачественным должно быть вино, пену на которое устанавливать предлагалось царю. Эта статья и тогда уже занимала видное место в бюджете государства. Например, в 1723 г. "кабацкие" сборы, а также сборы с винокуренных заводов составляли 1 534,8 тыс. руб. при общей сумме доходов 6 150,9 млн. руб., то есть 24,9%³⁰. Поощряя промыслы, Посошков высказывал особую заботу о небогатых, мелких предпринимателях.

Активно интересуясь, да и сам занимаясь винокурением и виноторговлей, Посошков резко выступал против пьянства. Он писал: "А безмерное питье ничего доброго не приносит, но токмо приносит ума потухение, здравия повреждение, пожитков лишение и безвременную смерть"³¹.

"Книга о скудости и богатстве" была не единственным сочинением Посошкова. Известны другие его работы:

"Письмо о денежном деле и поштинном сборе"(1699). Текст до нас не дошел, известны лишь ссылки на него самого автора в других работах;

"О ратном поведении" (1701). Напечатано впервые в 1793 г., а затем М. Погодиным в 1842 г. и в 1911 г. с предисловием А.А. Кизветтера;

Три записки митрополиту Стефану Яворскому (первая в 1704 г., вторая и третья – в 1708 – 1710 гг.). Первая опубликована в 1815 г., затем в 1842 и 1911 гг. Вторая и третья – в 1899 г.

"Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суемудрия раскольничья" (1708). Полное сочинение издано Казанской духовной академией в 1898 и 1905 гг.;

“Доношение о новоначинающихся деньгах” (1708). Не сохранилось. Известно по ссылке самого И. Посошкова в “Книге о скудости и богатстве” и его жалобе на попытки передать сочинение кабинет-секретарю А.В. Макарову.

“Завещание отеческое к сыну своему” (1719). Издавалось в 1873 и 1893 гг.

Этот список с указанием дат написания и публикации показывает отношение к трудам ученого в России: они лежали под спудом от 92 до 190 лет, прежде чем увидели свет и прежде чем о них узнала общественность. Но зато скорой была расправа с автором со стороны сил, для которых работа Посошкова была неудобна. “Книга о скудости и богатстве” была закончена 24 февраля 1724 г. Автором предпринимаются попытки передать ее Петру I. Посошков просит императора не разглашать его имени, так как много сильных людей, не любящих правду, которые могут оклеветать и лишить его жизни. Сведений о том, получил ли адресат это “доношение”, пока не обнаружено. Петр Великий умирает 8 февраля 1725 г., а Посошкова арестовывают 26 августа 1725 г. и помещают в Петропавловскую крепость. 11 октября того же года учиняется допрос о его недвижимом имуществе, а 1 февраля 1726 г., то есть через пять месяцев после заточения в крепость, он умирает. Высказывается мнение о том, что истинной причиной расправы над автором “Книги о скудости и богатстве” послужила сама книга.

Суммируя все сказанное о Посошкове, следует ответить на два вопроса: о его месте в истории экономической мысли России, а также о значении его работ сегодня. И.Т. Посошкова однозначно относили к меркантилистам. Для этого были основания, так как он большое значение придавал торговле, монетарным проблемам, фискальной политике. К тому времени уже были известны работы меркантилистов, а также и Вильяма Петти.

Политическая экономия развивалась во Франции, Англии, Италии. Однако, когда начал писать свою “Книгу о скудости и богатстве” Посошков, не было на свете еще ни Адама Смита (1723–1790), ни Робера Тюрга (1727–1781), ни Давида Рикардо (1772–1823), ни Иммануила Канта (1724–1804).

Называть Посошкова просто меркантилистом – значит обеднять его. Дело в том, что он не ограничивался сферой обмена, придавал большое значение самому производству, земле и другим природным ресурсам, заботился об их сохранении и упорядоченном использовании; в поле его зрения был весь цикл воспроизводства, включая хранение, переработку и реализацию продукции. Он обращал исключительно большое внимание на морально-этические факторы, образование людей всех сословий, заботился об охране личности, подчеркивая ее приоритет перед государством. Был противником насилия, сторонником здорового, трудового образа жизни. Все эти вопросы исключительно актуальны для нас сегодня. И потому Посошков во многом не устарел. Наоборот, наше “цивилизованное” общество по ряду позиций откатилось назад. Что же касается безоговорочной поддержки абсолютизма Петра, то нам ли за это упрекать Посошкова, нам, пережившим совсем недавно безумие и тотальное поклонение одному идолу под именем “Генеральный секретарь ЦК КПСС”, а сегодня живущим в аморфном бездуховном обществе, хотя и под знаменем демократии, где развалена экономика, налицо разгул коррупции, мафиозности, преступности?!

Уже к тому времени среди мыслящей части русского общества началось размежевание на течения, получившие позже названия “западников” и “славянофилов”. Пожалуй, первым “западником” на Руси был Петр Великий, который при заимствовании западного опыта несколько перегибал палку, часто варварскими методами внедряя чисто внешние атрибуты западного образа жизни. Однако подражать ради прогресса незасорно. И в этом Петр и “западники” были правы. Но нельзя напрочь отвергать и собственный опыт.

Споры об использовании западных моделей не смолкают и в наши дни, когда речь заходит о создании эффективной экономики. Насаждается некритическое восприятие западных структур и методов в экономике даже за счет обнищания большинства народа. Сложилась абсурдная ситуация: еще совсем недавно отвергалось все иноземное, а рпюг объявлялось все свое самым лучшим на планете; теперь, наоборот, поносится все свое, безудержно рекламируется все чужое как превосходное. Древние сказали бы: “О времена, о морес!” (“О времена, о нравы!”)

Посошков не был “западником”, он никогда не учился на Западе, но приветствовал западный опыт, предлагал приглашать зарубежных мастеров и ученых. При этом ревностно оберегал интересы России, требовал в расчетах с иностранными купцами не выпускать золото и серебро за рубеж. Думается, что этот человек “перевернулся бы в гробу”, узнав, с какой легкостью современные “отечественные” пувориши и мафиози переправляют тоннами драгоценные металлы за рубеж, до какого унижения доведено достоинство рубля и что практически весь экспорт состоит из невосполнимых сырьевых ресурсов России.

Посошков был московским прогрессистом, относился с недоверием к иноземцам, но, по словам Г.В. Плеханова, сумел подметить главную причину их превосходства над русскими: “...у наших... русских людей руки есть такие же, что у иноземцев... и иноземцы не от небеси пришли, но такие же люди, яко и мы: всему тому навычка да добрая расправа”³². Поэтому-то и надо, считал он, упорно учиться у иноземцев. Посошкова глубоко возмущало то, что сами “...российские правители ни во что ставят русского человека вообще, а... податного сословия в особенности.”³³. Все это не национализм и тем более не повинизм. Это – здоровый, естественный и оправданный патриотизм.

Посошков дал слепок реальной жизни российского общества, родимые пятна которого оно носит до сего времени. Его “Книга о скудости и богатстве” – системный труд, охватывающий практически все стороны производства, обращения и образа жизни. Она выстрадана и лишена всякой зашоренности, заданных а рпюг схем, как это произошло в XX в. с марксистской догматикой. За три столетия после Посошкова многое изменилось, очевидные успехи достигнуты в науке, технике и технологии, в образовании людей. Но очень многое и растрчено, особенно природные ресурсы, причем потеряно безвозвратно. Ослаблен бесценный генетический потенциал нации. А пороки, наоборот, оказались очень живучими! Идеи Посошкова во многом современны, а его труд входит в сокровищницу отечественной культуры и экономической науки и достоин нашего пристального внимания.

АГРАРНАЯ НАУКА И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

После смерти Петра Великого в судьбах России наступил мрачный период безвременья. Блестящие успехи на дипломатическом поприще, успешное завершение Северной войны с выходом России на Балтику и в Европу, бурное развитие промышленности и торговли с возникновением российского рынка, создание Академии наук и многих учебных заведений, привлечение на российскую службу выдающихся ученых, государственных и военных деятелей из Европы, посылка молодых людей из России на Запад учиться и многое другое было связано с неиссякаемой энергией и инициативами Петра. Но Петр во всем шел напролом, не очень считаясь с мнениями. Не помогли советы Ивана Посошкова, если они и дошли до Петра. Но скорее всего не дошли. А вот до его недругов, как и предвидел ученый, дошли. (И опять российский парадокс: выпешший из таких же низов народа Франсуа Кенэ стал знаменитым и вращался в высоких кругах общества, вошел в плеяду энциклопедистов. А Посошков – заточен в Петропавловку!)

В постпетровский период в Россию хлынули толпы алчных авантюристов, расхищавших ее богатства. А фактическим правителем великой страны долгие годы был мелкий остзейский помещик Эрнст Бирон (1690–1772), фаворит Анны Иоанновны, с ее помощью ставший герцогом небольшого государства – Курляндии, находившегося под протекторатом Польши со столицей в городе Митаве (ныне город Елгава в Латвии).

Яркой личностью на этом безотрадном российском фоне второй четверти XVIII в. выглядит Артемий Петрович Вольнский (1689–1740), горячий сторонник петровских реформ, кабинет-министр в правительстве Анны Иоанновны, непримиримый противник иноземного засилья, закончивший жизнь на эшафоте. А.П. Вольнский считал основой и главным богатством страны сельское хозяйство, промышленности отводилась роль обеспечения аграрной сферы, в торговле он видел источник доходов государства и помещиков. По взглядам его можно назвать физиократом.

Вопрос об отмене крепостного права им, как и Петром Великим, не ставился. Больше того, Вольнский считал крестьян ленивыми пьяницами, неспособными к самостоятельному ведению хозяйства. Всю опору он делал на помещиков, на “шляхетство”, и настойчиво требовал образования, массовой послыбки на обучение за границу^{34,35}. Это был последовательный борец за всемерное укрепление дворянской России.

Вопросами сельского хозяйства занимался и Василий Никитич Татищев (1686–1750). Это был видный государственный деятель, астраханский губернатор, управлявший казенными заводами Урала, инженер, историк, этнограф, географ. У него есть записки и по сельскому хозяйству, но преимущественно организационно-технологического характера³⁶. Так, он впервые предлагает разделение полей на четыре части, нечто вроде севооборота: озимые – яровые – паровые – выгон; рекомендует применение катков и использование навозной жижи, соху заменить плугом, ввести зяблевую (осеннюю) вспашку; скота пметь столько, “чтобы всю землю в одном поле унавозить можно было”, требует строгого соблюдения санитарно-гигиенических норм. Все это сегод-

ня звучит архизаезментарно, но в то время это было ново и воспринималось неоднозначно.

В многогранной деятельности великого русского ученого-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) сельское хозяйство и крестьянский вопрос занимают немного места. Но нельзя это ставить в упрек гению. В подобных случаях следует вспомнить мудрые слова Козьмы Прутова: “Нельзя объять необъятное”. Его короткая, яркая, сжатая по минутам жизнь была не только титаническим трудом, но и настоящей борьбой. Он был целиком поглощен точными науками, филологией, науками о земле и природе, искусством, организацией самой науки. И тем не менее аграрные проблемы не проходили мимо его наблюдательного ума. Он живо интересовался опытами придворного садовода Эклебена³⁷. С именем Ломоносова связаны создание и деятельность при Академии наук специальной структуры для помощи в развитии российского земледелия.

Земледелию он находит подобающее место в общей системе своих экономических взглядов. В письме И.И. Шувалову он сообщает: “Все опыты по разным временам замеченные пороэнь мысли подведены могут быть, как мне кажется, под следующие главы: 1) Размножение и сохранение российского народа, 2) Об истреблении праздности, 3) Об исправлении нравов и большом народе просвещении, 4) Об исправлении земледелия, 5) Об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств, 6) О лучших пользах купечества, 7) О лучшей государственной экономии, 8) О сохранении военного искусства во время долговременного мира”³⁸. Здесь, как и у Посошкова в его “Книге о скудости и богатстве”, мы видим стройную систему. В их взглядах есть нечто общее. Это общее в том, что экономика увязана с этикой, а в системе производительных сил на первое место ставятся человек, народ, забота о его благосостоянии, о стимулировании его труда.

Ломоносов подготовил проект под названием: “Мнение об учреждении государственной комиссии (сельского) земского домоустройства”. В нем предлагается всесторонне изучать сельское хозяйство всех областей России и изыскивать средства для его улучшения. В частности, он считает необходимым заботиться о лесах, дорогах и каналах, развивать сельские промыслы, выявлять экспортные ресурсы, ставить опыты в различных природных условиях, “где б разные места были, гористые и сухие, болотистые, глинистые и луговые”. Он советует изучать иностранный опыт, собирать предложения, которые бы “подавали всякие люди об экономии, и объявлялись конкурсные задачи с награждениями”³⁹.

Ломоносов начал заниматься почвоведением, что видно из его работы “О слоях земных”. Многие ученые, включая В.И. Вернадского, считают Ломоносова предвестником этой науки. Что же касается его социально-политических взглядов, то он не шел дальше “просвещенного абсолютизма”.

Государственная система науки и образования в России ведет свое начало с первой четверти XVIII в. Лейбниц в свое время писал Петру I: “В вашем государстве все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги”⁴⁰. Речь идет непосредственно о России. Университет в Дерпте (Юрьев, Тарту) был открыт в 1632 г., в Вильно (Вильнюс) – еще раньше, в 1579 г. Развитие производительных сил России, вызванное петровскими преобразо-

ваниями, потребовало большого количества специалистов разных профессий, и прежде всего в военном и морском деле, в промышленности и торговле, в управленческих структурах всех уровней. В 1698 г. при Пушкарском приказе открывается школа "цифири и землемерия", затем артиллерийские и инженерные училища, в 1703 г. – академическая гимназия пастора Глюка в Москве, школа Ф. Прокоповича в Петербурге, в 1687 г. – Славяно-греко-латинская академия в Москве, преобразованная в 1814 г. в Духовную академию и переданная в Троице-Сергиеву лавру.

По указу Петра в 1724 г. создается Академия наук с гимназией и университетом при ней. В структуре академии три "класса" наук: математические (теоретическая математика, механика, астрономия, география, навигация), физические (физика, химия, анатомия, ботаника) и гуманитарные (риторика, история, право, политика, этика). Появились академики, преимущественно приглашенные ученые с Запада, велись исследования. С первых же лет существования академии создавалась необходимая материальная база с инфраструктурой: кунсткамера (музей), обсерватория, физический кабинет, анатомический театр, ботанический сад, инструментальные мастерские, типография, библиотека, архив. Издавалась литература, устраивались публичные лекции.

В 1755 г. рождается Московский университет, в 1765 г. организуется Императорское Вольное экономическое общество (ИВЭО), в 1783 г. – Российская академия во главе с Екатериной Романовной Дашковой в качестве ее президента. В 1786–1794 гг. академия выпускает шеститомный "Словарь Российской академии", ставший фактически энциклопедией, отразившей уровень знаний конца XVIII в.

Вторая половина XVIII в. – эпоха энциклопедистов-просветителей, а также "просвещенного абсолютизма". Просвещенными монархами считали себя Фридрих II, игравший на флейте и услаждавший себя беседами с Вольтером, а также Екатерина II, выпускавшая журнал "Всякая всячина" и состоявшая в переписке с великими французскими энциклопедистами. Но этот же период был временем назревания и свершения Великой французской революции, грозного обострения крестьянского вопроса в России, крестьянской войны под предводительством донского казака Емельяна Пугачева. И в это же время русское дворянство вырывает у императрицы новые льготы и вольности, сановные особы и фавориты одариваются десятками тысяч десятин земли и тысячами крестьянских душ. При всем этом происходит разложение феодального уклада и прорастание в его недрах капиталистических начал. Конфронтация усиливается. Помещики стали заводить промышленные производства, например, полотняные заводы, винокурни и другие. В 1775 г. была разрешена и крестьянская промышленность. Появляются капиталисты из вольных крестьян. В 1754 г. были отменены внутренние пошлыны, что ускорило развитие общероссийского рынка.

Крестьянский вопрос все более обострялся. Усиливалась и становилась все более невыносимой барщина, непомерно тяжелым был натуральный и денежный оброк. В 1765 г. был издан указ, разрешавший помещикам ссылать по своему усмотрению крестьян на каторгу. Позднее ссылкой каралась всякая жалоба крепостного крестьянина на своего барина-помещика. Массо-

вым стало бегство от помещиков на южные земли. Наиболее дальновидные помещики понимали, что крепостное право не только негуманно, но и экономически невыгодно, труд крепостных малопродуктивен. Высокообразованный дипломат Дмитрий Алексеевич Голицын писал своему дяде, вице-канцлеру А.М. Голицыну, не без влияния состоявших с ним в знакомстве Вольтера, Дидро, Гельвеция: "Без упразднения крепостного состояния нечего и думать о дальнейшем процветании государства... Труд крепостных невыгоден ни государству, ни помещикам"⁴¹.

В 1766 г. Екатерина II обратилась в Вольное экономическое общество с запросом о целесообразности предоставить крестьянам права собственности на движимость и недвижимость "и сколь далеко его право на то и другое именно простираться должно"⁴². По этому запросу был объявлен конкурс, на который поступило 160 ответов из России и зарубежья. Вольтер и его единомышленники не только требовали уничтожить крепостное право, но и считали, что в основе развития промышленности, сельского хозяйства, торговли лежат "свобода и собственность"⁴³.

Российские просветители гневно бичевали крепостное право, но в конструктивных предложениях были весьма робки и нерешительны, все сводили к регламентации и гуманизации барщины. Лишь солдатский сын А.Я. Полон, получивший прекрасное образование в гимназии и университете, затем учившийся на Западе, в конкурсной работе "О крепостном состоянии крестьян в России"⁴⁴ писал: "Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты... претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства... должны получить от помещика довольно земли для сеяния хлеба и пастьбы скота и владеть ею наследственным образом... подати и повинности в пользу казны должны составлять не более десятой части крестьянского дохода, а объем работы крестьян на помещика – один раз в неделю". Лучшим по конкурсу было признано сочинение члена Дижонской академии Берде де л'Абея на французском языке, суть которого выражена словами: "В пользу свободы вопиют все права, но есть мера всему"⁴⁵. Так, вопрос о крестьянской собственности и отмене крепостного права не получил решения.

В рамках политики "просвещенного абсолютизма" Екатериной II была создана Уложенная комиссия, работавшая в 1767–1768 гг. Начав работу в Москве, она завершила ее в Петербурге с целью выслушать депутатов и на основе высказанных предложений выработать новый свод законов. Естественно, на первый план выдвинулся крестьянский вопрос. Доминировали и здесь просветительские идеи. Критика крепостничества шла со стороны как дворян-просветителей, так и государственных крестьян. Депутат от хоперских казаков А. Алейников заявлял: "Мы видим целую Европу, которая в крепостных никакой нужды не имеет..."⁴⁶ Он был прав. В Западной Европе к этому времени крепостного права уже не было. Его элементы исчезли в XVI–XVIII вв. В Восточной Европе крепостное право было отменено позднее в ходе буржуазных реформ.

На комиссии возникал вопрос о бегстве крестьян и что с этим делать. Дворяне, даже "просвещенные", требовали ужесточить наказания; утверждалось, что освобождение приведет к тому, что крестьяне вовсе перестанут

работать, будут пьянствовать, заниматься воровством и разбоем, приведут страну к голоду, нищете и гибели⁴⁷. Крестьянские представители корень зла видели в притеснениях, несправии и отсутствии собственности. Депутат от белгородских однодворцев А. Маслов заявил: “Мужиков денно и нощно работою понуждают... В крестьянских домах дети с голоду умирают... Когда от помещиков никто обижен не будет, и побег крестьян прекратятся”⁴⁸. Он предлагал всех помещичьих крестьян передать в ведение государственной коллегии, которая будет взимать необходимые подати.

В противовес екатерининской “Всеякой всячине” наиболее радикальный представитель “просветителей” Н.И. Новиков начал выпускать сатирические журналы “Трутень”, а затем “Живописец”. Непримируемая критика крепостничества вышла на страницы этих журналов. Новиков был человеком весьма компетентным, он вел записи дискуссий на заседаниях Уложенной комиссии, будучи ее секретарем. Он писал о том, что дворяне не только угнетают и истязают своих крестьян, но, занимая высокие должности, грабят казну и считают это совершенно нормальным. Помещики свою любовь “изъявляют больше собакам и лошадям, а не человекам”⁴⁹. Крепостное право превратило крестьян в рабов и рабочий скот, а дворян сделало тунеядцами, людьми, лишенными человеческой морали.

Пожалуй, самым непримиримым обличителем крепостничества был А.Н. Радищев. При этом он связывал крепостничество с монархией и считал, что ниспровергнуть крепостничество можно только одновременно с самодержавием. Он и к Петру I относился двойственно: как к великому преобразователю и вместе с тем жестокому поработителю, при царствовании которого народ “был объемлен ужасом беспредельной самодержавной власти”. Другим он едва ли мог бы быть, так как “нет и до окончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, севая на престоле”⁵⁰.

Упования на нравственное воздействие помещиков, по мнению Радищева, бессмысленны: крестьян освободит только гибель угнетателя⁵¹. Его произведения “Путешествие из Петербурга в Москву” и ода “Вольность” являются призывом к уничтожению угнетения человека. Он пишет “Проект в будущем”, где предусмотрена такая последовательность освобождения крестьян: запрещение брать крестьян в дворню, затем предоставление права собственности на землю и движимое имущество, запрещение наказывать без суда и выкупа на волю. Только после этого наступит полное освобождение от рабства⁵².

А.Н. Радищев издал работу и другого жанра: “Описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назови как хочешь”⁵³. Здесь он выступает и как землевладелец, имеющий 1 400 десятин земли и 360 крестьянских душ, и как организатор производства, предлагающий экономические выкладки и различные соображения по улучшению земель, применению более совершенных орудий труда, орошению и другим агрономическим приемам.

Это, конечно, вопросы не праздные. Обработка почвы, ее качество и сроки, внесение удобрений, добротность семян, своевременная уборка и сохранение урожая имеют решающее значение. Но ведь не на своем поле да изпод палки редко что делается хорошо и вовремя!

В последней трети XVIII в. Россия уже имеет своих ученых, работающих непосредственно по аграрной проблематике. Это, прежде всего, А.Т. Болотов, И.М. Ковов и В.А. Левшин. Они начинают плеяду блестящих агрономов, деятельность которых получила дальнейшее развитие в XIX столетии как в до-, так и пореформенный период. Их имена и труды хорошо известны. В 1960 г. вышла заслуживающая внимания монография профессора Ф.С. Крохалева "О системах земледелия"⁵⁴, в которой дается обобщенный исторический обзор работ этих ученых с конца XVIII до середины XX в. При этом следует иметь в виду, что первые агрономы были одновременно и экономистами. Разделение труда еще не пошло так далеко, как сейчас. Экономика пронизывает их работы, и этим они выгодно отличаются от трудов многих современных специалистов, не желающих или не умеющих посмотреть пошире, просто не владеющих системным подходом и диалектикой и являющих не профессионализм, а ремесленничество.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) – уникальная личность в российской науке и культуре. Энциклопедист, человек невообразимой целеустремленности, многогранности и титанической работоспособности. В свое время не получив должного образования, он всю жизнь учился и работал. Естественный экспериментатор, физиолог растений, теоретик минерального питания, создатель первой в мире помологической системы, первого русского руководства по морфологии и систематике растений, практический агроном. Он – экономист, философ, писатель, издатель, театральный деятель, специалист по парковой архитектуре, врач и создатель систематики лекарственных растений, педагог и общественный деятель. По данным историка литературы С.А. Венгерова, все написанное Болотовым за его долгую жизнь составляет 350 томов.

Уроженец маленького сельца Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии (ныне Заокский район), сын полкового командира, молодость провел на военной службе в Риге, Курляндии, Петербурге. Во время Семилетней войны находился в Пруссии в управлении русского военного губернатора в Кенигсберге. Активный участник боев. Рано выйдя в отставку, всю свою жизнь посвятил науке и сельскому хозяйству, прожив большую часть в Богородицке и Дворянинове Тульской губернии. Кроме многочисленных научных работ, оставил объемное историко-литературное произведение "Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков".

Из его работ на аграрные темы наибольший интерес представляют: "Примечания о хлебопашестве вообще"(1768); "Об удобрении земель"(1770), "Наказ управителю"(1770), "О разделении полей"(1771), "О неравенстве в нашем отечестве... скотоводства с земледелием"(1784). Главными причинами отставания в сельском хозяйстве Болотов считал "крайнее невежество наших земледельцев и... неимение собственности крестьянина"⁵⁵.

Болотов является основоположником отечественной научной агрономии, точнее – сельского хозяйства, так же как Ломоносов – многих естественных и гуманитарных наук. Охватывая основные отрасли земледелия и растениеводства, он не был узким технократом. Он понимал необходимость системного подхода и в своем "Наказе управителю" предлагает комплекс мер, необ-

ходимых для получения высокого урожая⁵⁶, особо подчеркивая необходимость рационального сочетания скотоводства и хлебопашества, так как “сии две вещи так между собою связаны, что если одна упущена будет, то неминуемо нанесет вред и другой”⁵⁷.

Болотов много внимания уделяет севооборотам и системам земледелия. Он обосновывает семипольные севообороты, предлагает приемы улучшения паровой системы, а также введение новой – выгонной системы. В последнем случае необходимы существенные изменения: “Отменные и лучшие разделения земель на поля, рассеивание деревень... уравниения между хлебопашеством и скотоводством, учреждение обоих сих, яко важнейших частей сельского домостроительства... заведения совсем иных порядков во всей сельской экономии”⁵⁸. Для оценки различных систем Болотов применяет метод сравнительного анализа, или “балансов”: “баланс посеvu”, “баланс семенам”, “баланс урожаю”, “баланс прибытку хлебному”, “баланс прибытку денежному”⁵⁹.

Болотов внимательно наблюдает за природой и ведет скрупулезные фенологические записи.

В его работах агрономия фактически сливается с экономикой. Он изучает как отдельные “блоки” хозяйства, так и “домостроительство” в целом, мыслит системно. В “Наказе управителю” сформулировано 65 пунктов основных принципов ведения многоотраслевого хозяйства.

Болотов не стал парадворцем, он отклонил предложение братьев Орловых участвовать в дворцовом перевороте, который привел на престол Екатерину, за что та всю жизнь платила ему неприязню. Но это не смутило ученого. Он обрел друзей в другом стане, сблизился с Н.И. Новиковым – издателем “Московских ведомостей”. В течение двух лет (1778–1779) сам издавал журнал “Сельский житель”, а с 1780 по 1789 г. – “Экономический магазин” в качестве приложения к “Московским ведомостям”. Большая часть его работ опубликована в трудах Императорского Вольного экономического общества. Он лечил людей, обучал детей в созданной самим школе, сажал сады, устроил парковый ансамбль в Богородицке, изобретал и конструировал сельскохозяйственные орудия.

К ученому пришло признание и за рубежом. Его избирают почетным членом Саксонского экономического общества, публикуют переводы его научных работ, которые стояли в одном ряду с работами зарубежных ученых того времени – Тэера, Юнга, Шубарга, а в некоторых вопросах и опережали их. Болотов понимал, что прожил жизнь не напрасно. Он писал: “...я трудился не в пустом, а в полезном и таком деле, которое некогда не только сынам нашим и внукам, но правнукам и дальнейшим потомкам обратится в пользу, и что я, со своей стороны, был полезным для своего отечества”⁶⁰.

В прошлом были попытки оклеветать А.Т. Болотова, бросить тень на его доброе имя, представить его “крепостником” на том основании, что ему случалось сажать в “кутузку” отдельных крестьян. Да, он иногда сажал, но только воров и пьяниц. Конечно, это не лучший метод борьбы со злом. Но стоит ли за это упрекать неспиримого противника воровства и пьянства, неутомимого труженика?

Говоря о Болотове, следует отметить, что этот долгожитель был исключительно продуктивен в аграрной науке. Его наследие еще не только не

изучено, но большая его часть не издана. Ведь, кроме многочисленных работ по всем отраслям сельскохозяйственных знаний, он был весьма компетентен в искусстве, зеленом строительстве, педагогике, медицине, истории, оставил исторические “Записки” из 29 томов по 400 страниц рукописного текста каждый. Он был почетным членом ИВЭО, много писал в печатные издания общества, награждался и очень высоко ценил награды ИВЭО.

В октябре 1988 г. ВАСХНИЛ и общественные организации на Тульской земле отмечали 250-летие со дня рождения А.Т. Болотова. Земляки восстановили его дом, посадили сад, воссоздали в г. Богородишке парковый ансамбль, собрали библиотеку. Местный священник освятил эти места. На Дворянновском сельском кладбище поконится прах выдающегося ученого и патриота.

Почти одновременно с Болотовым работал другой видный ученый в области агрономии – Иван Михайлович Комов (1750–1792). Выпускник Московской славяно-греко-латинской академии, он был командирован в Англию, где в течение восьми лет изучал сельское хозяйство. Участвовал в составе экспедиции профессора С.Г. Гмелина (также в течение восьми лет) по изучению климата, флоры, фауны и состояния сельского хозяйства центра и юга России, а также Кавказа и Закавказья. В 1784 г., по возвращении из Англии, получил звание “профессора земледельческих и других наук”. Первая его научная работа “О земледельческих орудиях” (1785), но главный труд жизни – монография “О земледелии” (1788).

Комов выступает как последовательный физиократ. Он пишет: “...земледелие есть мать всякого ремесла и промысла... где оно цветет, там и торги и рукоделия цветут; а где оно увянет, там и торг и рукоделие всякое увядают”⁶¹. Комов был сторонником “гумусовой”, а не минеральной, как Болотов, теории питания растений. Он был активным пропагандистом интенсивной плодосменной системы земледелия. При этом он исходил из того факта, что растения делятся на почвообогатяющие (травы, корнеплоды) и почвоистощающие (зерновые, масличные). Комов подошел к необходимости специализации земледелия в зависимости от почвенно-климатических условий, считал необходимым сочетать земледелие с животноводством, зерновые растения с кормовыми.

Комов видел громадные потенции сельского хозяйства России. Он писал: “Русское земледелие имеет такие великие возможности, каких нет ни в одной из западных европейских стран, взятых в отдельности. Да, мы почти все европейские климаты имеем, и нет ни одного овоща, хлеба, травы или дерева в Европе, кое бы у нас в южных или северных провинциях расти не могло”⁶².

Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) является основоположником учения о травосеянии в России. Высокообразованный помещик Белевского уезда Тульской губернии состоял в переписке с Болотовым, писал в “Экономический магазин”. Сам является автором работ: “О заселении степей” (1798), “О растениях вредных и полезных скотам” (1798) и др. Он разделил Россию на три полосы: северную – до 55° широты, среднюю – от 55 до 50° и южную от 50° до южных границ России. Он рекомендовал в северной полосе возделывать клевер красный, в средней – клевер белый, донник, в южной – эспарцет и люцерну.

Прогрессивно мыслящие помещики не только пытались всячески смягчить гнет крепостничества, но и осваивали научные разработки в своих хо-

зяйствах. Так, Дмитрий Маркович Полторацкий (1761–1818) в своем имении Авчурино Калужской губернии с 1 700 десятин земли освоил плодосменный севооборот с полевым травосеянием. Здесь за короткий срок утроились урожаи, увеличилось поголовье животных.

В Ярославской губернии травосеяние продвигал Иван Иванович Самарин (1774–1847), мелкий помещик Романовского уезда. Его примеру, то есть клеверосеянию с плодосменными севооборотами, стали следовать помещики других уездов этой северной губернии России⁶³.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (ИВЭО)

Деятельность Императорского Вольного экономического общества охватывает полтора столетия.

Велико значение этой общественной неправительственной организации в развитии науки, культуры и производства. ИВЭО удалось собрать в своих рядах лучшие умы России и распространять новые знания также на всю Россию. Возникло общество в целях поощрения “в России земледелия и домостроительства” и учреждено Указом Екатерины II от 31 декабря 1765 г.⁶⁴. К чести этой императрицы следует сказать, что она заботилась не только о расширении границ государства, но и о развитии науки и распространении знаний. И в этом она продолжала дело Петра Великого. Из трех граничивших с Россией государств, занимавших недружественную к ней позицию, Швеция была нейтрализована еще Петром, Польша распалась и была поделена между Россией, Германией и Австрией, Турция также понесла поражения. При Екатерине границы еще дальше продвинулись на юг и на запад. Труднее решались внутренние проблемы. Содействовать развитию сельского хозяйства и экономики в целом и была призвана общественность в лице нового сообщества. Екатерина писала: “Я желаю и хочу лишь блага той стране, в которую привел меня Господь”⁶⁵.

Тогда в Европе создавалось много экономических и других подобных обществ, например, в 1723 г. – в Шотландии, в 1736 г. – в Ирландии, в 1747 г. – в Швейцарии, в 1753 г. – в Англии, в 1757 г. – в Ренне, 1761 г. – в Париже, в 1762 г. – в Тюрингии и в 1765 г. – в Санкт-Петербурге. Учредителями ИВЭО были видные екатерининские сановники граф Р.Л. Воронцов, князя Г.Г. Орлов, И.Г. Чернышев, А.В. Олсуфьев, бароны А.И. Черкасов, Г. фон Польшман, Г.Н. Тешлов, академики И.И. Тауберт, Т.И. Клингштедт, А.А. Нартов, доктор медицины Пекен, главный аптекарь Модель, профессор химии Леман, профессор ботаники Фальк, придворный садовник Эклебен⁶⁶. Первым президентом ИВЭО был избран министр и сенатор Адам Васильевич Олсуфьев. Императрица пожаловала обществу 6 000 рублей для покупки дома и библиотеки.

Утвержденный в 1765 г. Устав семь раз пересматривался с внесением в него изменений в связи с расширением функций и структуры общества. Деятельность ИВЭО строилась на следующих принципах: активное содействие прогрессу сельского хозяйства на основе достижений науки, добровольность объединения, самоуправляемость на основе выборности, прием новых членов по рекомендации старых при наличии заслуг перед сельским хозяйством пу-

тем тайного голосования, материальная поддержка общества уплатой членских взносов.

Цель ИВЭО была определена его Уставом: “Способствовать, по мере своих средств, развитию и усовершенствованию в России сельского хозяйства и находящихся с ним в ближайшем соотношении отраслей промышленности”⁶⁷.

Украшавший печать общества собственный девиз Екатерины II – “Пчелы, в улей мед приносящей” с надписью “полезное” красноречиво свидетельствует о благородных намерениях членов ИВЭО.

Структура общества неоднократно менялась в связи с изменением Устава. В конце концов состав его определился из трех отделений:

I. Отделение сельского хозяйства (занималось земледелием, скотоводством, лесоводством, звероводством, рыбоводством и другими сельскохозяйственными промыслами).

II. Отделение ремесленных и фабричных производств (предметом занятий являлись все виды промышленной и ремесленной деятельности, непосредственно связанные с сельским хозяйством с учетом российских условий).

III. Отделение сельскохозяйственной статистики и политической экономии (разрабатывало статистические и политикоэкономические вопросы, связанные с проблематикой первых двух отделений)⁶⁸.

Не уходило общество и от вопросов здравоохранения, образования и других важных вопросов в жизни людей.

Формы деятельности ИВЭО были многообразны: издание литературы, конкурсы, сбор статистических данных, разработка специальных программ, развитие сельскохозяйственного образования, организация выставок и распространение новых сортов сельскохозяйственных растений и технологий, связь с другими научными и общественными организациями.

Особенно плодотворной была издательская деятельность. Систематически выпускались “Труды”; за все время существования ИВЭО было выпущено 280 томов. Фактически это был первый русский сельскохозяйственный журнал. Первым редактором был секретарь общества А.А. Нартов, затем длительное время – А.И. Ходнев. Кроме “Трудов”, в различные периоды издавались “Еженедельные известия ВЭО”, “Записки деяний ВЭО”, “Экономические ведомости”, “Хозяйственные записки, или Собрание полезных опытноостей во всех частях хозяйства”, “Круг хозяйственных чтений”, “Атлас музея ВЭО”, “Лесной журнал”, “Русский пчеловодный листок”, “Почвоведение”, “Известия ИВЭО”. Была издана “Земледельческая химия” и много других книг на русском и иностранных языках, учебники, справочники, словари, библиографические сборники, программы для обучения. “Труды” обычно содержали научные доклады, прочитанные в обществе, журналы заседаний отделений, финансовые отчеты и сметы, списки поступивших в библиотеку книг и многое другое. А.И. Ходнев писал: “Историк России, желающий познакомиться с умственною деятельностью людей XVIII в., не может пройти молчанием “Трудов” и вообще изданий общества, потому что в них собрано все реальное образование того времени, со всеми его светлыми и темными сторонами”⁶⁹. Публиковавшиеся в “Трудах” материалы неоднократно систематизировались. Наиболее известными являются следующие указатели:

С.Н. Ливотова (1812), В.И. Всеволодова (1849), Н. Громана (1855), А. Теодоровича (1876), А. Белевича (1889). Кроме периодических изданий, общество выпускало сочинения отдельных авторов. За первые 100 лет существования общества было издано 150 книг.

За это же время существования ИВЭО было объявлено 240 конкурсов политэкономического и научно-хозяйственного характера. Первый из них, состоялся по инициативе Екатерины II по вопросу крестьянской собственности на землю. ИВЭО с этой проблемой не справилось, но был собран богатейший материал от видных деятелей России и Европы.

Можно назвать несколько других конкурсных задач, которые общество успешно решило: составить наказ управителю (1768), составить книгу для чтения народа (1794), указать средство к уничтожению чересполосных владений (1804), как лучше распределить летние и особенно зимние (побочные) занятия сельского жителя, его жены и детей (1780 и 1803), что выгоднее для хозяина – обрабатывать землю наемными людьми или собственными крестьянами (1812), что выгоднее – барщина или оброк (1809) и т.д. В начале 1908 г. были объявлены условия конкурса, посвященного 50-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости. Для работы в конкурсной комиссии были привлечены виднейшие ученые страны: академики В.О. Ключевский, А.Ф. Кони, А.С. Лаппо-Данилевский, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, а также Д.И. Рихтер, П.Б. Струве и др.⁷⁰. Общественно-экономические вопросы ИВЭО всегда ставило “впереді вопросов технических и частно-хозяйственных, а при постановке и разрешении первых выдвигало всегда на первый план интересы общенародные, а не классовые или сословные, что особенно знаменательно ввиду того, что личный состав общества все же вербовался главным образом из среды преобладающего класса более или менее крупных землевладельцев”, – писал секретарь общества Н.Г. Кулябко-Корещкий⁷¹.

Средства для поощрения конкурсных работ выделялись большею частью высокими покровителями общества, среди которых были имена Екатерины II, Александра I, графов: А.Г. и Г.Г. Орловых, Р.И. Воронцова, А.С. Строгонова, К.Г. Разумовского, князей: А.С. Барятинского, К.Е. Сиверса и многих других⁷².

Сбор статистических сведений также занимал видное место в деятельности общества. Проводились опросы, анкетирование, запросы через губернаторов и других должностных лиц различных сведений, велись экспедиции, обобщался передовой опыт, издавались сборники материалов. Велась “Хроника земской статистики”, оценка недвижимых имуществ, разрабатывалась методология статистических работ. В поле зрения ИВЭО были цены на хлебных рынках России и мира, динамика урожаев, уровень жизни крестьян. Для этого проводились специальные исследования, например, в Порховском уезде Псковской губернии (1889). Особую активность проявило общество в связи с массовым голодом 1891 года. При ИВЭО был создан Комитет по оказанию помощи голодающим. Ответы и предложения по борьбе с неурожаем и голодом публиковались в специальных выпусках.

Большую работу вели комитеты и комиссии ИВЭО по специальным программам. Важное значение для науки и практики имела работа, проведенная по инициативе Д.И. Менделеева, по исследованию влияния качества почвы,

удобрения и способов обработки на урожайность зерновых культур. Эти опыты были заложены в шести регионах и велись много лет, но недостаток средств не позволил выполнить всю программу, были охвачены лишь три региона и трехлетний период⁷³. В 1876 г. ИВЭО по предложению А.И. Ходнева приняло решение провести комплексное изучение русского чернозема⁷⁴. С этого началась классическая работа великого почвоведом – В.В. Докучаева вылившаяся позднее в специальную экспедицию 1892 г., закладку лесных полос, строительство прудов и водоемов и всего докучаевского комплекса по сухому земледелию. В “Трудах” ИВЭО был напечатан доклад-отчет В.В. Докучаева “Русский чернозем” – труд, по достоинству оцененный Петербургским университетом, присудившим автору степень доктора геологии, и Академией наук, наградившей его полной Макарьевской премией⁷⁵. Почвенная комиссия ИВЭО участвовала в устройстве почвенного отдела на всемирной выставке в Париже, был создан почвенный музей ИВЭО. Общество занималось научным делением России на экономические районы. В этой работе участвовали И.А. Стебут, А.И. Скворцов, Д.И. Менделеев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.Ф. Фортунатов, Г.И. Танфильев, Д.И. Рихтер, В.В. Винер и другие выдающиеся ученые⁷⁶.

Не обошло своим вниманием ИВЭО и такую малую отрасль, как пчеловодство. С большим энтузиазмом этим занимался А.М. Бутлеров. Была создана Охтенская пчелоферма, организована под Тверью школа пчеловодов, проводились выставки пчеловодческой продукции.

Разумеется, крупные отрасли животноводства и ветеринарная медицина получили в трудах достойное место, как и различные отрасли растениеводства. Особое внимание ИВЭО уделяло здравоохранению, его наиболее актуальным вопросам. Так, при содействии общества были проведены прививки от оспы 41 млн. детей⁷⁷.

Трудно переоценить вклад ИВЭО в развитие сельскохозяйственного образования в России. Закупались, издавались и рассылались книги, готовились программы, выпускались “Сельская библиотека”, “Сельский сборник” организовывались сельскохозяйственные школы. Обществом были открыты библиотеки в Орле, Пскове, Туле, Харькове, Остапкове, Уфе, Чернигове, Симферополе, Кунгуре, Красноярске, Ревеле, Томске, Иркутске, Тифлисе⁷⁸. Читалось много публичных лекций.

Для этих целей привлекали профессоров и преподавателей университетов, военных учебных заведений, инженеров, врачей и других представителей интеллигенции. Часто лекции читались не только на русском, но и на французском и немецком языках. Открывались и содержались за счет общества опытные станции и фермы. Поддерживались кустарные промыслы. На средства члена ИВЭО графини С.В. Строгановой было открыто земледельческое училище в Гатчине, затем в с. Марьино Новгородской губернии на землях княгини Голицыной. В с. Богодухове Орловской губернии была открыта испытательная станция в вотчине члена ИВЭО И.Н. Толстого. В здании самого общества находились библиотека, музей минералов, почв, народных промыслов, моделей и машин, ботаническая и зоологическая коллекции. Действовали и механическая мастерская и депо по испытанию машин и другой сельскохозяйственной техники.

С 1861 г. при ИВЭО действовал Комитет грамотности, бесплатно снабжавший школы, больницы и тюрьмы книгами, во время русско-турецкой войны он организовывал библиотеки для солдат, выступал с инициативой по подготовке учительских кадров, занимался сбором пожертвований на содержание школьных столовых.

Организация выставок и участие в различных съездах также занимали заметное место в работе ИВЭО. Впервые сельскохозяйственный отдел на Петербургской мануфактурной выставке был устроен в 1829 году⁷⁹, а в 1850 г. ИВЭО организовало Первую Всероссийскую выставку сельскохозяйственной продукции на свои средства, выделив на это 10 000 рублей⁸⁰. Затем выставки проводились в Пскове, Казани, Ржеве, Харькове, Вильно, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве, часто на средства общества или его членов (выставки были общие и специализированные).

ИВЭО участвовало или посылало своих членов на Всемирные выставки в Лондоне (1851), Нью-Йорке (1853), Париже (1879), Вене (1880), Гааге (1891). Выставки лучших семян устраивались ежегодно в доме ИВЭО. Обычно на международных выставках присутствовали видные государственные деятели и активные члены. Так, в Гааге был почетный член ИВЭО А.С. Ермолов.

Наряду с выставками ИВЭО участвовало в работе сельскохозяйственных съездов и часто выступало инициатором их проведения. Первый съезд состоялся в Горы-Гореском институте Могилевской губернии. После реформы 1861 г. съезды проходили как по общим, так и частным проблемам сельского хозяйства, например, льноводства, лесоводства. Были и специализированные съезды. Их работа широко освещалась в "Трудах" ИВЭО. Практиковались совместные съезды естественных наук и врачей, преимущественно в университетских городах: Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Тифлисе и др. На съездах в последней четверти XIX в. наиболее активно работали В.В. Докучаев, А.Н. Бекетов, В.В. Ковальский, И.А. Стебут, К.Д. Глинка.

ИВЭО осуществляло активную связь с научными и общественными организациями России и зарубежья, помогло создать новые экономические общества в губерниях и регионах государства: Московское общество сельского хозяйства, Финляндское экономическое общество и многие другие.

Особенно тесную связь общество поддерживало с Академией наук. Первые деятели ИВЭО Т.И. Клиппштет, В.Н. Севергин, Я.Я. Штелин, Л. Эйлер были членами Академии. Деятельность общества способствовала сближению науки с жизнью, что отмечал в качестве особой заслуги ИВЭО Ходнев. Совместные работы велись не только с Академией наук, но и с университетами и другими научными и учебными заведениями. Уже к 1844 г. ИВЭО сотрудничало с 60 научными обществами Европы и Америки. Происходили регулярные встречи, обмен результатами исследований, участие в выставках, опытах. Это сотрудничество прервалось только в 1914 г. в связи с разразившейся мировой войной.

Начало XX в. ознаменовалось вмешательством правительства в дела ИВЭО. Так, был запрещен допуск на собрания лиц, не состоящих в обществе; предписывалось давать на просмотр в целях цензуры читаемые в обществе доклады; съезды, собрания, рассылка материалов разрешались только с одобрения министра земледелия и государственных имуществ, новый Устав подлежало

согласовать с министром внутренних дел. Не желая подчиняться административному нажиму, ИВЭО постановлением общего собрания 21 апреля 1900 г. временно приостановило свою деятельность, и до 1915 г. общие собрания только заслушивали отчеты, утверждали сметы, решали текущие дела.

В трагический день 9 января 1905 г. общество предоставило свои помещения для оказания медицинской помощи пострадавшим⁸¹. Тогда и позднее в работу собраний стала вмешиваться полиция. Однако Комиссия по крестьянскому вопросу, статистическая, почвенная, по рассылке бесплатных книг, библиотечная, противоосповая и некоторые другие продолжали активно работать.

30 января 1915 г. работа ИВЭО была приостановлена, несмотря на то что 3 августа 1914 г. оно после оживленной дискуссии решило создать Особую комиссию, "на которую возложено изыскание мер борьбы с экономической дезорганизацией страны и оказание помощи прямым и косвенным жертвам войны"⁸².

Подводя итог деятельности Императорского Вольного экономического общества, следует сказать, что оно было всероссийской трибуной, зеркально отражавшей общественные течения и идеи. В последние десятилетия здесь шли активные дискуссии по самым жгучим проблемам современности, звучали голоса ученых и политиков, писателей и публицистов, демократов и консерваторов, той лучшей части отечественной интеллектуальной элиты, которой были безразличны научная истина и благо России.

В 1919 г. общество было официально ликвидировано. Так была убита массовая старейшая научная организация России, объединявшая ее лучшие умы и совесть. Ведь с ИВЭО сотрудничали, кроме выдающихся ученых, общественные деятели и писатели страны, включая Л.Н. Толстого, Ольгу Форш и многих других. И то, что не сумел до конца в этом черном деле сделать на своем этапе разложения царский режим, то довершила Советская власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домострой. М.: Худож. лит., 1991. С.23–106.
2. Там же. С. 23.
3. Там же. С. 41–42.
4. Там же. С. 49–50.
5. Там же. С. 74.
6. Там же. С. 91.
7. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Второй отдел. СПб., 1874. С. 429–457.
8. Иван Посошков. Сочинение А. Брикнера. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб.: Тип. В. Балашова, 1876. С. 85.
9. Там же. С. 101.
10. Костомаров Н. И. Русская история... С. 434.
11. Там же. С. 435.
12. Там же. С. 440.
13. Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 201, 203.
14. Погодин М. Крестьянин Иван Посошков...// Москвитянин. 1842. Кн. 3. С. 101.
15. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М.: Мир, 1915. Т. 2. С. 211.
16. Там же. С. 194.
17. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 8. М.: Соцэкгиз, 1962. Т. 15–16. С.532.

18. Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 94–133.
19. Кафенгауз Л. Б. Посошков И. Т. Жизнь и деятельность. М.:Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 6.
20. Там же. С. 111.
21. Иван Посошков. Сочинение А. Брикнера. С. 104.
22. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэкгиз, 1937.
23. Там же. С. 105.
24. Там же. С. 101–102.
25. Там же. С. 102.
26. Там же. С. 228.
27. Там же. С. 242.
28. Там же. С. 276.
29. Там же. С. 286.
30. Там же. С. 345.
31. Там же. С. 306.
32. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. С. 175, 183.
33. Там же. С. 177.
34. Отечественные записки. Спб., 1860. С. 128–130.
35. Вольнский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немычину // Москвитянин. 1864. Т.1. №1, 1. Отд.IV.
36. Титищев В. Н. Избр. пр-ия. Л., 1979. С. 402–405.
37. Ломоносов М. В. Поли. собр. соч. М.:Л., 1955. Т. 9. С. 386.
38. Русская старина. 1873. Окт. С. 566.
39. Сб: Ломоносов как писатель / Сост. А. Будилович. Спб., 1871. С. 313–314.
40. Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. Спб. 1871. С. 10, 134.
41. Голыцын Д. А. Письма. Избр. пр-ия русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 2. С. 34.
42. Ходнев А. И. История ИВЭО с 1765 до 1865 г. Спб., 1865. С. 20–22.
43. Вестник Моск. ун-та. Серия историческая. 1960. №6. С. 37–50.
44. Археографический ежегодник за 1958 г. С. 406–411, 392–394.
45. Ходнев А. И. История ИВЭО с 1765 до 1865 г. Спб., 1865. С. 448.
46. Сб. РИО. Спб., 1873. Т. 13. С. 80–81.
47. Там же. 1881. Т. 32. С. 390–452.
48. Там же. 1881. Т. 32. С. 513–517.
49. Живописец. №5. С. 295–297; №13. С. 327–329; №14. С. 164–168; 247–248.
50. Радিশев А. Н. Избр. соч. М.:Л.: Изд. АН СССР, 1949. С. 3.
51. Там же. С. 160–163.
52. Там же. С. 174–178.
53. Радিশев А. Н. Там же. Т. 2. С. 171–197.
54. Крохалева Ф. С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз. 1960. С. 432.
55. Болотов А. Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М.: Сельхозгиз, 1952. С. 100.
56. Болотов А. Т. Наказ управителю // Труды ИВЭО. 1770. Ч. 16. С.98.
57. Болотов А. Т. Экономический магазин. 1784. Ч. 17. С. 36.
58. Болотов А. Т. О разделении полей // Труды ИВЭО. 1771. Ч.17. С. 177.
59. Труды ИВЭО. 1871. Ч. 18. С. 80.
60. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков. Академия, 1931. Т. 3. С. 464.
61. Кочов И. М. О земледелии. М., 1788. С. 2.
62. Там же. С. 17.
63. Крохалева Ф. С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз, 1960. С. 63–69.
64. ИВЭО. Уставы... и рескрипты, ему данные. 1865–1893. Спб., 1899. С. 18.
65. Записки императрицы Екатерины II. Спб.: Изд. А.С. Суворина. 1907. С. 626.
66. ИВЭО. Уставы... и рескрипты, ему данные. 1865–1898. Спб., 1899. С. 110.
67. Там же.
68. Ходнев А. И. ИВЭО с 1765 до 1865 г. Спб., 1865. С. 96.
69. Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 681–682.
70. Отчет о действиях ИВЭО за 1908 г. Спб., 1909. С. 13–15.

71. Труды ИВЭО. Спб., 1897. Т. 3. С. 398.
72. Ходнев А. И. История ИВЭО с 1765 по 1865 г. Спб., 1865. С. 447.
73. Смирнов Г. Менделеев. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 79.
74. Докучаев В. В. Избр. соч. М.: Огиз, 1948. Т. 1. С. 25.
75. Докучаев В. В. Русский чернозем. Спб.: Изд. ИВЭО, 1883.
76. Труды ИВЭО. Спб., 1897. Т. 3. С. 400.
77. Отчет о действиях ИВЭО за 1830, 1832, 1833, 1834 гг. Спб., 1831, 1833, 1834.
78. Пономарев Н. В. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России. Спб., 1888. С. 64.
79. Труды ИВЭО. Спб., 1850. Т. 2. С. 11.
80. Ходнев А. И. История ИВЭО с 1765 до 1865 г. Спб., 1865. С. 640.
81. Отчет о действиях ИВЭО за 1905 г. Спб., 1906. С. 16-17.
82. Отчет о действиях ИВЭО за 1914 г. Спб., 1915. С. 2.

ГЛАВА 2. АГРАРНЫЙ ВОПРОС И АГРАРНАЯ НАУКА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (1801–1861 гг.)

Важнейшим событием, определившим аграрное развитие России в XIX в., была отмена в 1861 г. крепостного права. Крепостное право в России задержалось очень долго. Западная Европа вообще не знала его в столь жестких формах, как Россия. Там положение крестьянства было иным, были дворовые, были когда-то и рабы. Но эти времена давно миновали.

Суть крепостного права заключалась не только в экономической эксплуатации крестьян помещиком, но и в юридическом запрете ими покидать свои земельные участки и своих помещиков-землевладельцев. Крестьяне были собственностью помещика. Их продавали, дарили, проигрывали в карты, меняли, закладывали. И, разумеется, за всякие провинности наказывали.

Если в Западной Европе уже в XIII–XVI вв. абсолютное большинство крестьян были свободными, а в XVII–XVIII вв. полностью исчезли всякие следы крепостничества, то в Центральной и Восточной Европе крепостничество даже усилилось. Это относится к восточным княжествам Германии, Венгрии, Чехии, Польше, Балканским государствам, Остзейскому краю. Падение его здесь началось лишь в конце XVIII в. Так, в Чехии оно было отменено в 1781 г., Венгрии – в 1785 г., Пруссии – в 1808 г., Баварии – в 1820 г., Эстляндии – в 1816 г., Курляндии – в 1818 г. и Лифляндии – в 1819 г. Российское крестьянство осталось скованным крепостной зависимостью.

Наиболее существенными событиями рассматриваемого периода следует считать Отечественную войну 1812 г., – она подняла в годину опасности волну патриотизма, на какое-то время сплотив дворян-офицеров и генералов с крестьянами-солдатами, восстание декабристов 1825 г., нанесшее по самодержавию удар, который на этот раз исходил не от крестьян, а от прогрессивно мыслящих именитых дворян с офицерскими погонами и эполетами, и Крымскую войну 1855 г., выявившую со всей очевидностью перед всем миром и общественностью страны отсталость и слабость России, подтачиваемой затянувшимся крепостничеством.

АГРАРНАЯ НАУКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В недрах феодально-крепостнического общества уже давно стали возникать ростки капитализма. Строились фабрики и заводы, расширялись промыслы, началось использование наемного труда. Наука эти процессы чутко улавливала, вначале в Европе, а затем и в России. По некоторым вопросам российские ученые не намного отставали от западных коллег. Российская замкнутость и изоляция давно кончились.

Ведущим ученым в области агроэкономики в то время был Альбрехт Даниель Тэер (1752–1828). Он был основателем и руководителем Меглинской сельскохозяйственной академии в Германии и автором четырехтомного труда "Основания рационального сельского хозяйства"¹. Это была по существу энциклопедия. В нем с экономическим акцентом и системно исследовались все отрасли сельского хозяйства. А.Д. Тэер выступил с обоснованием систем ведения сельского хозяйства. Эта проблема надолго войдет в про-

граммы экономических исследований, так как сами системы эволюционируют в зависимости от изменяющихся объективных условий: не только почвенно-климатических, но и экономических, политических, социальных, научно-технических.

Тэер был сторонником и идеологом предпринимательства в сельском хозяйстве. Он видел цель производства в том, чтобы "...приобрести доход или получить деньги посредством произведения (а иногда и дальнейшего обрабатывания) растительных и животных веществ. Чем выше и постояннее сей доход, тем лучше достигнута цель хозяйства. Следовательно, самое совершенное сельское хозяйство есть то, которое... доставляет самый высший и самый постоянный доход"². Тэер считал наиболее выгодным использование наемного труда. Он популяризировал плодопеременную систему земледелия.

В России в это же время шли горячие дискуссии не только вокруг крепостного права, но также и по поводу систем хозяйства. Сохранялись горячие приверженцы трехполки и барщины, а также пропагандисты повсеместного перехода на интенсивный плодосмен. На Руси издавна повелось: если крушить, то до основания, если вводить что-то новое, то повсеместно.

Конструктивную позицию в этих вопросах занял Михаил Григорьевич Павлов (1793–1848), профессор Московского университета по кафедре минералогии и сельского домоводства. После окончания Московского университета в 1816 г. он год учился у Тэера в Меглине, а затем в течение трех лет изучал сельское хозяйство в Англии, Германии, Франции и Швейцарии. Выпустил работы "Земледельческая химия" (1825) и "Курс сельского хозяйства" (1837). Кроме того, опубликовал много статей в "Земледельческом журнале" и "Русском земледельце".

Вслед за Тэером Павлов подходил к сельскому хозяйству как к ремеслу, искусству и науке. Как ремесло оно ведется по сложившейся традиции, переходящей от отцов и дедов к сыновьям, внукам и правнукам. Его просто повторяют, воспроизводят, практически ничего не меняя. Например, в России того времени – это хлебопашество на основе трехполья (пар, озимые, яровые) с использованием сохи как основного орудия и живого тягла. Как искусство оно выражается в умении использовать какие-то модели, приемы, технологии в нетрадиционных условиях. Как наука сельское хозяйство требует внимательного учета всех объективных данных и построения его в строгом соответствии с ними. Павлов писал: "Участь сельского хозяйства как ремесла есть неподвижность, как искусства – слепая удача или ряд хозяйственных ошибок, как науки – рассчитанный успех"³.

М.Г. Павлов был оптимистом, отвергал популярный в то время "закон убывающего плодородия почвы". В одной из своих статей он предрекал, что "источник способов физической жизни с распространением рода человеческого не только не иссякнет, но, напротив, с течением времени может делаться обильнейшим"⁴. Дальнейшая жизнь показала, что обилие людям дается большим трудом, умом и наукой.

Павлов придавал большое значение теории и ее взаимосвязям с практикой. Он писал: "Где нет теории, там нет и практики. А где нет практики, там не может быть и мысли об усовершенствовании, тем менее самого усовершенствования"⁵.

Цель производства Павлов видит в получении прибыли или чистого выигрыша не в количестве произведений, но в превосходстве "их цены перед ценою издержек"⁶. Итак, у Павлова мы впервые находим такие термины, как "издержки производства", "чистая прибыль". Это уже большой шаг вперед в понимании сути товарного производства в сельском хозяйстве. Землю при этом он считает "основным капиталом". И вслед за Комовым и Тэером признает "гумусовую" теорию питания растений.

Павлов признавал преимущества плодосменной системы земледелия, но видел ее ограниченность, равно как и изживавшей себя повсеместно распространенной трехпольки. Он писал, что "совершеннейшим сельским хозяйством называться должно то, которое наилучшим образом приспособлено к местным обстоятельствам, ибо такое только хозяйство может быть выгоднейшим. Этой цели не всегда может удовлетворить одно плодосменное хозяйство... Грубо ошибаются полагающие все усовершенствование сельского хозяйства в повсеместном введении плодосменной системы"⁷.

Павлов разделяет понятия "система хозяйства", "система земледелия" и "севооборот". Системой хозяйства Павлов называет "весь механизм сельскохозяйственного производства", обеспечивающий максимальный доход в конкретных условиях⁸. При этом первостепенное значение он придает экономическим факторам. Агротехнические мероприятия его интересуют лишь постольку, поскольку они способствуют росту прибыльности. Это очень важно. Павлов смотрел глубже многих ученых советского периода, сводивших все к "комплексу зооагротехнических мероприятий".

Павлов в свое время выделял три системы хозяйства:

а) зерновую, при которой хлеба возделываются в поле, а луга и пастбища представлены природными угодьями;

б) кормовую, или выгонную, при которой основной доход дает животноводство, главное внимание уделяется лугам и пастбищам, выращиванию кормовых растений, и

в) плодосменную с равновеликими долями хлебопашества и животноводства.

Преемником М.Г. Павлова по кафедре сельского хозяйства Московского университета был Я.А. Липовский (1818–1846). После окончания университета с 1841 по 1844 гг. также стажировался в Англии, Германии и Франции, неоднократно встречался с Либихом и Буссенго. Если Павлов упор делал на экономическую сторону сельского хозяйства, Липовский больше занимался биологической стороной и решающее значение придавал плодородию почвы. Он как бы объединял две крайние точки зрения по вопросам плодородия и питания растений. Он писал: "Хотя соли и другие минеральные вещества, разбрасываемые по полям, могут значительно содействовать к возвышению производительности почв, но они недостаточны для того, чтобы пропитать собою растения, чтобы вполне обусловить их развитие; нужно, чтобы, сверх того, почва содержала известную примесь органической материи, чтобы она находилась под соответствующим влиянием внешних деятелей природы, а именно: воздуха, воды и теплоты"⁹. Ранняя смерть прервала плодотворную научную деятельность Липовского.

Дальнейшее свое развитие в дореформенный период аграрная наука получила в трудах первого руководителя открытой в Петербургском университете кафедры сельского хозяйства С.М. Усова (1796–1859). Главные его научные работы: “О системах хлебопашества” (1854), “Курс земледелия” (1837) и “Основания земледелия” (1862). Работая на кафедре, он долгие годы редактировал “Земледельческую газету”, газету “Посредник” (орган Министерства финансов), труды Вольного экономического общества.

Ф.С. Крохалев, обобщая работы С.М. Усова, ставит ему в заслугу следующие положения: он четко разграничил понятия “система земледелия” и “севооборот”, тогда как раньше это путали и даже смешивали с системой хозяйства; наполнил содержанием понятие “севооборот”, под которым нередко понимали простое чередование культур в пространстве. Усов же различал в нем три момента: во-первых, выбор культур с точки зрения выгодности сбыта их на рынке; во-вторых, порядок их чередования и, в-третьих, способ восстановления и поддержания плодородия почвы. Наряду с паровой, выгонной и плодосменной системами, Усов выделил залежную систему земледелия и, наконец, группировал не системы земледелия, а севообороты, положив в их основу способы восстановления плодородия почвы¹⁰.

Проанализировав системы и севообороты, Усов показал их плюсы и минусы и также применимость к определенным условиям. Он пишет: “Ни которой системы полеводства и ни которому севообороту нельзя отдать безусловно преимущества перед другими. Каждая система и каждый севооборот, в отношении хозяйственных выгод, хороши, когда бывают на своем месте и в приличных обстоятельствах. В ином месте хороша выгонная система, в другом полезнее плодосменная, а в третьем выгодно употребить паровую. Достоинства каждой системы и каждого севооборота имеют свои условия”¹¹.

Из этих слов видно, что уже в первой половине прошлого века профессор Усов понимает основы организации земледелия намного правильнее, чем некоторые ученые более позднего периода например, Вильямс, навязывавший всей стране, включая сухие степи, одну единственную травопольную систему земледелия. Пройдет более века, и руководителя великой России будут настойчиво рекомендовать повсеместно возделывать одну культуру, например, кукурузу во всех географических широтах страны. А все это оттого, что наука не была свободна от политики.

К чести ученых первой половины XIX в. и их предшественников следует сказать, что они не были узкими специалистами по агротехнике, что позднее произошло с нашими агрономами, в немалой степени благодаря таким людям, как Вильямс и Лысенко, не переносившими экономики и не понимавшими ее основ. Наши учителя из начала XIX в. были прежде всего экономистами, они на первое место ставили не вал, а выигрыш, полученный не любой ценой, а с наименьшими затратами. И вместе с тем многие из них были гуманистами, антикрепостниками.

Таким образом, мы видим, что Россия уже тогда располагала определенным научным потенциалом, позволявшим успешно вести аграрные дела. Наши ученые владели современными знаниями и методами, не уступавшими западным. Вместе с тем они не были подражателями и копипляторами, строили свои выводы и предложения на основе изучения российской действительности. Все

западное им было ведомо, они там учились, но полученные знания применяли творчески. Однако осуществить радикальные преобразования, не меняя политического строя и положения крестьянства, было невозможно. Как же обстояло дело в этой области? Какие имелись идеи и предложения? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть деятельность М.М. Сперанского.

М.М. СПЕРАНСКИЙ И ЕГО ПРОЕКТЫ

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), сын священника из села Черкутина Владимирской губернии, получив блестящее гуманитарное образование, всю жизнь продолжал учиться. В пору либеральных увлечений оказался приближенным к Александру I. Он прекрасно знал философию, юриспруденцию, математику, этику. Владел многими иностранными языками. В своих работах обращался к Ньютону, Лейбницу, Фихте, Шеллингу, Канту, к русской истории, ссылаясь на “Русскую Правду”.

М.М. Сперанский окончил Суздальскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию, в 25 лет стал магистром наук, преподавал в академии математику, философию, риторику и французский язык. Отличался необыкновенной работоспособностью, логичностью мысли, был прекрасным оратором и отлично писал. В.О. Ключевский отмечает, что “это был Вольтер в православнобогословской оболочке. Но Сперанский имел не только философский, но еще и необыкновенно крепкий ум, каких всегда бывает мало”¹².

В 1808 г. Александр I взял Сперанского в состав делегации на свидание с Наполеоном в Эрфурт. Здесь он с представителями присмотрелся к порядкам и жизни в Европе, многому научился. На вопрос императора, как ему правятся чужие края в сравнении с Отечеством, Сперанский ответил: “Мне кажется, здесь установления, а у нас люди лучше”¹³.

Далее характеризуя Сперанского, Ключевский пишет: “Со времен Ордына-Напокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий. Это была воплощенная система”¹⁴.

Научное наследие Сперанского изложено в его проектах и переписке, заметках, проспектах, статьях. Мы воспользуемся прекрасной работой известного историка профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934) о политических идеалах М.М. Сперанского¹⁵, в которой содержится много цитат и ссылок на его труды, а также Планом государственного преобразования, составленным самим Сперанским¹⁶.

Сперанский был высокообразованным человеком и досконально знал реальную жизнь русского общества, “материальную и духовную обстановку разных классов народа – от хижины до престола... Во время ссылки, в Нижнем и в Перми, Сперанского можно было встретить среди народной уличной толпы, в кабаке”¹⁷. Но это был “не царедворец, снискивающий себе благоволение, не трепещущий обыватель, забитый и загнанный... Перед нами гражданин в лучшем значении этого понятия, неуклонно идущий к цели”¹⁸.

Сперанского травлили, вокруг имени “зловредного поповича” плелись интриги, его арестовывали и ссылали, его люто ненавидели помещики и все-таки сильный временщик Аракчеев, за ним всегда следило “всевидящее око”. В одном из писем он сетовал: “...квартирные, пристава, вся полицейская

сволочь является поминутно, стерегут самое мое дыхание”¹⁹. Хуже того: его не понимали очень многие современники. Некоторые считали его проекты плодом франкофильства и англоманства, а Александр I высказался так: он все “обрусил” и этим испортил.

Чем же вызвано столь резкое изменение отношения к человеку, которому император поручил подготовку важнейших проектов государственного устройства? Очевидно, изменилась позиция самого царя, усилился нажим аракчеевщины и консервативно настроенного дворянства. Реакционером не устраивала правовая и демократическая направленность проектов Сперанского, его предложения по структуре и функциям власти, его позиция по крестьянскому вопросу. С 1814 г. единственным докладчиком по всем вопросам у Александра I стал граф Аракчеев, фигура одиозная в истории России.

Опала и травля не надломил Сперанского и не изменили его воззрений, “знание настоящего и понимание прошлого вселили в Сперанского глубокую уверенность в жизнеспособности русского общества”²⁰. Он сам отличался высокой нравственностью и считал, что без улучшения общих нравов просвещение и все остальное мало что дадут. Еще в ранней юности он говорил, что “просвещение без нравов – призрак совершенства”²¹. И еще: “не делай другому того, чего не желаешь себе”²².

В 1803 г. Сперанскому было поручено подготовить план государственного преобразования при условии сохранения в неприкосновенности “основных начал” государственного строя. Умный и гуманный правед понимал, что это несомнимые задачи. И потому все его предложения были построены так, что их реализация постепенно вела бы к демократизации, отмене крепостного права, установлению правового порядка и защите человеческой личности. На эзоповом языке это было названо “истинно монархическим устройством”, на деле же – монархия с конституционными, представительными структурами.

Сперанский предлагал разделение властей на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, обосновав функции каждой и их взаимодействие. Затем мыслилось обеспечение свободы политической и свободы гражданской, под чем понималось освобождение крестьян.

Он показывает неприглядную картину состояния властей и свобод. Все власти сейчас в одном лице. Инстанций много, а решает только один человек. В обществе заметно “глухое, но сильное желание другого порядка вещей”²³. Сперанский призывает переходить к новым формам правления с опорой на желания народа. Он пишет, что можно было бы “много сберечь крови, если бы правители держав своевременно усвоили себе дух общества и сообразовали бы правление к состоянию народа”²⁴.

Сперанский считает, что каждый человек имеет свою волю, свой закон и свое исполнение. Эти три силы и порождают три ветви власти. Но когда все они могут использоваться одним лицом, это порождает деспотизм, а народ ведет к рабству. “Он стремился к установлению законности, потому что жизнь представляла беззаконие”²⁵.

Подлинную силу правительства Сперанский видел: 1) в законе, но так, чтобы правительство имело довольно власти, 2) в образе правления (разделение дел, единство, выборность управителей), 3) в воспитании, 4) в военном деле и 5) в финансах”²⁵. Общее назначение закона он видел в “обеспечении

пользы и безопасности людей, закон определяет отношение частных лиц к государству... и отношения между частными лицами”²⁶. Что же касается законодательной власти, то она должна контролировать исполнительную и опираться на “добрых исполнителей.” Но все это трудно осуществить в стране, где половина населения находится в рабстве.

Свободу Сперанский понимал двояко: “как личную и вещественную (имущественную). Личная свобода обеспечивается тем, что 1) никто не может быть без суда наказываем и 2) никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого...” Право на имущество гарантируется также тем, что “1) всякому принадлежит свободное владение и распоряжение своею собственностью на основании общего закона и 2) никто не обязан отправлять вещественной службы и платить податей иначе, как по закону”²⁷.

Проект Сперанского предусматривал широкое признание местных особенностей. Местным представителям имелось в виду предоставить участие в управлении. Здесь нет необходимости подробно излагать предложенную Сперанским схему и структуры органов управления на всероссийском, губернском, окружном (уездном) и волостном уровнях. Но везде мыслился контроль общества. Несколько подробнее остановимся на его воззрениях по крестьянскому вопросу.

Он дает подробную анатомию российского общества, сложившегося после Уложения 1649 г., а также после первой ревизии податного населения (1719). Ревизии проводились по 1857 г. десять раз. Он показал правовое и имущественное положение, а вернее бесправие помещичьих и вотчинных крестьян, полных холопов, кабальных и деловых людей, казенных крестьян. Сперанский писал, что “от права продажи крестьян без земли, от права отдавать их в рекруты без очереди лицо крестьянина сделалось вещью, действительным имуществом, коим владелец может располагать по произволу”²⁸. Как он распоряжался крестьянскими душами, об этом не просто свидетельствуют, а кричат бесстрастные документы истории, судебная практика, наша литература. Салтычиха была не единственной в этом роде.

Сперанский сообщает, что кое-какие меры по исправлению положения крестьян и дворовых принимались. Так, в 1771 г. запрещено продавать людей с молотка; в 1797 г. установлен трехдневный срок работ на помещика и крестьянин уже может вторую половину недели работать на себя и иметь собственность; с 1801 г. запрещено объявлять о продаже людей в ведомостях, а затем и продавать на ярмарках; с 1803 г. предусмотрен порядок увольнения крестьян целыми деревнями и учреждено свободное хлебопашество. К сожалению, эта крупная мера, как и многие другие прогрессивные мероприятия в России, провалились вследствие нашего дремучего бюрократизма и традиционного неумения доводить до конца дела: за 20 лет вышло из зависимости по соглашению с помещиками только 30 тысяч крепостных, или 0,3% общего числа ревизских душ; людей, получивших свободу, было запрещено возвращать помещикам; поместья, где жестоко обращались с крестьянами, губернаторам поручено брать в опеку; прекращена практика раздачи деревень в собственность отдельным лицам, их дарение²⁹.

Но все эти меры – паллиативны. Сперанский предлагает ряд более радикальных мер в отношении крестьян помещичьих, вольных и дворовых. Среди

них: полный запрет всяких продаж и дарений крестьян в качестве движимого имущества, особенно без земли; определение всех крестьянских работ и повинностей договором; устройство казенных крестьян таким образом, чтобы был единый оброк, исключаящий несправедливость; распространение на помещичьих крестьян условий крестьян казенных; переустройство земского управления. После перечисления этих мер Сперанский замечает, что прекращение "всех сих и им подобных степеней послужило бы наилучшею мерой постепенного перехода из крепостного в свободное состояние"³⁰. Он утверждал, что время течет и "делает рабство с одной стороны менее жестоким, а с другой и менее необходимым"³¹.

Из всего сказанного очевидно, что Сперанский был последовательным и непримиримым противником рабства, хотя и не выступал так радикально, как, например, Радищев. У многих "просветителей" конца XVIII в. было больше эмоций, чем конкретных и практических предложений. Этого нельзя сказать о Сперанском. Из его трудов логически вытекает необходимость постепенного перехода общества в новое состояние.

В этот период были разработаны и другие планы отмены крепостничества. Императором были даны поручения Н.С. Мордвинову, известному общественному деятелю, экономисту, адмиралу, в течение 17 лет возглавлявшему ИВЭО, затем А.А. Аракчееву и Е.Ф. Канкрину, ставшему позднее министром финансов России.

Мордвинов считался либералом, но его проект сводился только к лично-му освобождению крестьян без земли, по остзейскому принципу. При этом цена выкупа личной свободы крестьян была довольно высока – от 100 руб. за ребенка до 2 тыс. руб. за работника в возрасте 30–40 лет. По сути, это антикрестьянский проект. Выкупить себя смогли только богачи, так как 2 тыс. руб. в то время были очень большие деньги.

Более продуманный, но коварный и жестокий проект был представлен Аракчеевым. Он сводился к постепенному получению крестьянами свободы с выкупом земли по 2 десятины на человека. Это значило бы обогащение помещиков с сохранением кабалы: ведь 2 десятины мало, крестьяне вынуждены были бы арендовать землю у тех же помещиков. Пока же вопрос об освобождении не был решен, Аракчеев строил военные поселения. В.О. Ключевский резонно замечает: "Аракчеев хотел из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям"³².

Проект Е.Ф. Канкринна сводился к постепенному выкупу земли у помещиков в течение 60 лет, естественно, и с предоставлением личной свободы. Это значило бы, что освобождение могло состояться к 1880 г. Все эти проекты, как и предложения Сперанского, не были реализованы.

Что же касается самого Сперанского, то после Нижегородской, Пермской, Пензенской и Сибирской ссылок, в 1821 г. он был возвращен в Петербург с пожалованием ему графского титула. С 1826 г. занимался кодификацией законов. Под его руководством было составлено Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, включавшее более 30 тыс. законодательных актов, принятых со времени Соборного уложения 1649 г. до 12 декабря 1825 г. Еще 6 томов включали законы, принятые с 1825 по 1830 г. Одновременно Сперанский состоял членом ряда высших государственных

комитетов, с 1838 г. возглавлял департамент законов Государственного совета, преподавал юридические науки наследнику престола – будущему императору Александру II³³.

Резюмируя сказанное о Сперанском, надо иметь в виду условия, в которых он жил и работал. Он не был революционером, предпочитал эволюционный путь развития. Но молодые гвардейские офицеры из дворянских семей 14 декабря 1825 г. вышли на Сенатскую площадь с его программой. В случае удачи переворота Сперанский наряду с Пестелем намечался одним из пяти членов правительства. Это был умный, честный, высокообразованный человек. Он ненавидел рабство и делал все возможное, чтобы быстрее искоренить его; избегая торопливости и горячности, учитывал расстановку сил в обществе; он верил в народ, требовал выборности должностных лиц на всех уровнях, контроля снизу, учета мнения и настроений в обществе. И в этом проявляется его подлинный демократизм, хотя он и не произносил демократических лозунгов. К громким лозунгам вообще следует относиться настороженно: они часто бывают просто орудием политической борьбы, дымовой завесой.

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В первой половине XIX в. Россия была, как уже говорилось, в экономическом отношении страной слабой и отсталой. Основная часть ее населения – крестьяне – жили в нищете и неволе. Особенно наглядно положение крестьян освещено в книге В.А. Федорова. “Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в”³⁴. Поля давали крайне низкий урожай. Это было обусловлено не агротехническими, а социально-экономическими причинами: в первую очередь, ростом феодально-крепостнического гнета, который особенно губительно сказывался на состоянии сельского хозяйства³⁵.

В северных губерниях сохранялась подсечно-огневая система земледелия, на юге – переложная, на большей части территории господствовало трехполье. Падение урожайности в центральных районах как-то компенсировалось расширением используемых земель на юге Украины, Северном Кавказе и в Заволжье. Многие помещики, особенно побывавшие в Европе, стали заводить “плодомен”, выписывать дорогостоящие машины, племенных животных и семена более урожайных сортов. Но это не всегда приносило успех. Наоборот, росла задолженность, и часто такие помещики несли убытки. Дело в том, что новые производительные силы нуждались и в новых производственных отношениях. Непреодолимой преградой на пути прогресса стояло крепостное право. Споры вокруг его отмены и собственности крестьян на землю все более обострялись.

Одновременно проходили два взаимосвязанных процесса: разложение феодализма и укрепление капиталистического уклада, хотя очень медленно и болезненно. Возникают специализированные зоны производства сельскохозяйственной продукции: зерновое хозяйство и тонкорунное овцеводство развивались в южных степных регионах, виноградарство в Крыму и Закавказье, льноводство на северо-западе России, особенно в Псковской, Смоленс-

кой, Тверской, Новгородской, Ярославской губерниях, огородничество в центральных губерниях. Известны примеры узкоспециализированного производства. Ростовский уезд Ярославской губернии начинает снабжать зеленым горошком и шикорием не только всю Россию, но и экспортировать их в Европу. В Богородском и Бронницком уездах Московской губернии возникает район хмелеводства, в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях развиваются товарное птицеводство, молочное скотоводство, выращивание лука и табака.

Товарным земледелием начинают заниматься не только помещики, но и крестьяне. Помещики в этом даже были заинтересованы, они облагали крестьян оброком, принуждали их уходить на заработки, сами заводили в имениях промышленные предприятия, добивались дотаций и льгот от правительства. Вторжение товарно-денежных отношений подрывало натуральный характер крепостного хозяйства. Таким образом, капитализм как бы с черного хода, но неуклонно проникал в деревню.

Одновременно шло разложение крепостничества. По данным восьмой ревизии (1833), в России насчитывалось 127,1 тыс. помещиков, что с членами семей составляло около 1% населения страны. Крестьянскими душами владело 76,2 тыс. помещиков (60%). Большую их часть составляли мелкопоместные хозяева, в среднем на одного такого помещика приходилось по 7 душ мужского пола. Вместе с тем крупных латифундистов, владевших десятками тысяч десятин каждый, было 3 726 (около 3% всех помещиков) и в среднем приходилось на одного из них по 1 348 крепостных мужского пола, всего же за ними числилось 5 120 тыс. человек. Особенно крупных размеров (50–70 тыс. десятин) достигали латифундии остзейских баронов (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, то есть современные Эстония и Латвия). Они сохранялись вплоть до 1919 г. К десятой ревизии (1857) число душевладельцев сократилось на 7,5% за счет дальнейшего разорения мелкопоместных хозяев. Земли начинают скупать люди других сословий.

Растет задолженность помещиков. Перед отменой крепостного права в России насчитывалось 23,1 млн. помещичьих крестьян обоего пола. Уже в 1833 г. в залоге было 4,5 млн. душ, а в 1859 г. – 7,1 млн. Общая сумма помещичьего долга в 1859 г. достигла 425,5 млн. руб., что вдвое превышало доходную часть государственного бюджета. Таким образом, закладывались движимость и недвижимость, люди и земля. Дифференциация шла среди помещиков, шла она и среди крестьян. Появились “капиталисты” среди крестьян: ростовщики, скупщики, торговцы, предприниматели.

К 30–50-м гг. крепостничество уже было не только безнравственно, но и невыгодно экономически. Наряду с преобладанием барщины, а также оброка, возникает новая форма – так называемая “месячина”, заключающаяся в помесечной плате крестьянину за работу натурой (продовольствием и одеждой). На деле она носила характер довольно интенсивной барщины³⁵.

Отмена крепостного права давно назрела, и хотя передовая общественность этот вопрос ставила неоднократно (создавались комиссии и комитеты, готовились проекты), но воз не двигался. Предпринимались кое-какие паллиативные меры. В Прибалтийских районах, как известно, оно было отменено в 1816–1819 гг. Но это была крепостническая реформа, освобождение без

земли, и народ назвал ее “птичьей свободой”. Тогда безземельные и бездомные латышские и эстонские крестьяне двинулись на Восток, в Псковскую, Новгородскую, Уфимскую губернии, в Сибирь и на Северный Кавказ.

С воцарением Николая I волнения среди крестьян усилились. Это царствование мало продвинуло решение крестьянского вопроса. Правительство продолжает принимать меры по смягчению крепостничества и ограничению власти помещиков. В 1827 г. запрещается продавать крестьян на заводы. В 1828 г. ограничивается право ссылать их в Сибирь по усмотрению помещиков. С 1833 г. запрещено продавать крестьян с раздроблением семей, дарить или погашать ими долги. С 1841 г. дворянам запрещено покупать крестьян без земли. В 1845 г. помещикам дано право отпускать на волю дворовых. В 1847 г. крестьяне получают право выкупа на волю при продаже имений с торгов. В 1848 г. крестьянам разрешено приобретать недвижимость в собственность. В 1853 г. издается Указ, запрещающий сдавать в аренду имения вместе с крестьянами. В 1845–1846 гг. упорядочиваются нормы наказания крестьян. Но эти, как и ранее принимавшиеся, меры были мелкими и частичными, не затрагивавшими основ крепостничества.

В это время происходят некоторые улучшения в жизни государственных крестьян. По данным восьмой ревизии, в России насчитывалось 7,8 млн. мужских душ. В 1837 г. учреждается Министерство государственных имуществ для управления делами государственных крестьян. Их положение также было тяжелым: малоземелье, высокие подати. Кое-что делается по кредитованию, обеспечению медицинской и ветеринарной помощью в сельской местности, расширению сети магазинов по продаже зерна на случай неурожая. Но в силу традиционного российского бюрократизма, которым быстро обросло и новое министерство, эти столь необходимые меры осуществлялись крайне медленно.

Крымская война 1853–1855 гг., несмотря на героизм русских солдат и матросов, талант офицеров, выявила техническую отсталость и политическую слабость России. Эта война велась широким фронтом, включившим Крым, Кавказ, Молдавию, Балтику и Беломорье, а России противостояли не только Турция, но и объединенные силы ведущих европейских государств. Стало очевидным, что Россия – колосс на глиняных ногах. И основная причина ее слабости – крепостничество, которое обрекало на унизительное рабское существование основную массу населения. Оно стало нестерпимым фактическим для всех слоев населения, кроме неисправимых обскурантов.

Известный историк, правовед и социолог XIX в. Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), некоторое время возглавлявший ИВЭО, писал: “Многие давно уже предвидели и призывали горячими желаниями освобождение крестьян, многие и теперь еще возражают против него; а оно наступило, независимо от желаний одних и сопротивления других, в ту минуту, когда масса народа и правительство не могли далее существовать с крепостным правом и теми явлениями, которые оно производит во всех сферах быта и управления”³⁵.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), академик, историк, писатель и журналист, сын крепостного, впервые опубликовавший труды И.Т. Посошкова и популяризовавший его (а Погодина, кстати, советская историография объявит реакционером и консерватором)³⁷, с итогами Крымской войны прямо связывал необходимость радикальных перемен. Он писал: “...О народе

который трудится, проливает кровь, несет все тяготы, страдает... ни у кого и мысли нет... Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола... объявите твердое намерение освободить постепенно всех крестьян... дайте право приобретать землю... облегчите цензуру... касательно внешних отношений объявите систему невмешательства”³⁸.

Петр Александрович Валуев (1815–1890), граф, государственный деятель, ближайший соратник М.М. Сперанского, поддерживавший знакомство с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым, бывший в годы Крымской войны Курляндским губернатором, с возмущением писал о дремучем бюрократизме и зацентрализованности в государстве Российском, что также не позволяло с позиций здравого смысла решать любые вопросы. Он сетовал на засилье “всеобщей официальной лжи”, доведенной “до высшей степени” централизации, о попрании свободы мысли и человеческой личности³⁹. И если сегодня мы гневно бичуем тоталитаризм за бюрократическую зацентрализованность, то надо иметь в виду, что вожди советского периода были вовсе не первопроходцами, а всего лишь плохими учениками, не делавшими выводов из уроков истории и воспроизводивших из нашего прошлого далеко не лучшие методы и приемы. А у нас в прошлом было все: и террор, и бюрократизм, и презрение к человеку, и вечное бряцание оружием перед лицом соседа, и нищета собственного народа.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Тяжелым политическим наследством новому императору Александру II от своего отца, кроме экономической отсталости и военного поражения в Крымской войне, достались два нерешенных вопроса: крепостное рабство и разобщенность гражданских сословий. Какой-то согласованной позиции в обществе, когда один класс, причем самый многочисленный, является движимой собственностью другого, и быть не могло. Все опять упиралось в крепостное право, ставшее невыносимым морально и невыгодным экономически.

В.О. Ключевский писал: “...экономическое положение дворянского хозяйства подготовило уничтожение крепостного права”⁴⁰. Напряжение среди крестьян также нарастало. Ходили упорные слухи о том, что царь якобы свободу дал, но помещики подсунили указ под сукно и скрывают его от народа. Говорили об этом и помещики, кто с надеждой, а многие со страхом. Во время приема уездных предводителей дворянства во главе с московским губернским предводителем князем Щербатовым Александр II сказал: “Между вами распространился слух, что я хочу отменить крепостное право; я не имею намерения это сделать теперь, но вы сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может остаться неизменным. Скажите это своим дворянам, чтобы они подумали, как это сделать”⁴¹.

В январе 1857 г. создается Секретный комитет по крестьянским делам во главе с Александром II. В него вошли наиболее близкие и доверенные трону лица. Работа начиналась с “чистого листа”: этот комитет не имел никакой современной концепции, ни какого-либо плана. Не было ясности, как освободить, с землей или без земли. Не было поначалу никакой информации с

мест, из губерний. Многие ожидалось от виленского генерал-губернатора Назимова, но тому дворяне литовских губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) дали отпор и освобождать крестьян не желали.

В феврале 1859 г. создаются уже открыто губернские комитеты. Всем губернаторам рассылаются рескрипты с предложениями по крестьянскому вопросу. Формируются две редакционные комиссии: одна занимается общими положениями по освобождению крестьян, другая – местными. В середине 1859 г. губернские комитеты уже выработали свои предложения, и они начали поступать в Петербург. Эти предложения можно разбить на три группы: 1) не допускающие никакого освобождения крестьян и все сводящие к мелким улучшениям. С таким реакционным проектом выступило московское дворянство в лице губернского комитета; 2) предусматривающие освобождение без земли (опять по остзейскому образцу). Это мнение Петербургского комитета; и 3) освобождение с землей. Первым с этим выступил предводитель дворянства Тверской губернии Унковский. Затем губернские проекты обрабатывались в редакционных комиссиях, при обязательном участии представителей министерств внутренних дел, финансов, юстиции, государственных имуществ. Император торопил работу, чтобы ее завершить к 19 февраля 1861 г., то есть ко дню коронации.

Основные принципы, на которых осуществлена реформа 1861 г., состоят в следующем:

а) крепостные крестьяне объявляются свободными и получают личную свободу без выкупа ее;

б) крестьяне наделяются землей в постоянное пользование по определенным нормам;

в) полученные от помещиков земли крестьяне обязаны были выкупать деньгами или трудом, в виде оброка или барщины. До полного выкупа они считаются “временнообязанными”. После выкупа обязательства перед землевладельцем прекращаются;

г) ставшие свободными крестьяне объединяются в сельские общества, или общины, проводят сельские сходы. Группа сельских обществ составляет волость. Обычно ее границы совпадают с границами церковного прихода. Волостью управляют избранный волостной старшина и волостной сход. Создается волостной суд из выбранной коллегии судей для разбора мелких тяжб и проступков. Это – местное сельское самоуправление;

д) одновременно осуществляется земская реформа. С 1 января 1864 г. начинают функционировать земские учреждения, смысл создания которых состоял в попытке обеспечить сотрудничество всех уравниваемых в правах классов. Занимались они преимущественно местными вопросами. Уездное земское собрание формировалось из гласных от трех разрядов: землевладельцев, имеющих, как правило, не менее 200 десятин земли; городских обывателей уезда с имуществом не менее 15 тыс. руб. или годовым оборотом не менее 6 тыс. руб.; сельских крестьянских общин из членов волостных сходов. На этих трех съездах отдельно избирают гласных уездного земского собрания. Оно собирается раз в год и длится не более 10 дней. Земское собрание избирает из своей среды уездную земскую управу в составе председателя и двух членов в качестве исполнительного органа на три года.

Из состава уездных земских собраний формируется губернское земское собрание по одному из 6 уездных членов. Оно собирается также один раз в год и продолжается не более 20 дней. Из членов собрания избирается губернская земская управа в составе председателя и 6 членов также на три года. Занимается этот орган хозяйственными вопросами губернии, просвещением, здравоохранением. Обычно председателями уездных земских собраний избирались уездные предводители дворянства, равно как и в губерниях. Обязанности эти считались общественными, и работа эта не оплачивалась.

Земельные наделы крестьян оказались небольшими. Они имели высший и низший пределы, нарушать которые не допускалось. Низший составлял одну треть высшего. Страна была разделена на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную. По качеству почвы, плотности населения каждая полоса делилась на местности. В зависимости от полосы верхние и нижние границы наделов устанавливались дифференцированно. Например, в нечерноземной полосе высший надел на душу населения был 7, а низший 3 десятины, в Московской же губернии соответственно 3 и 1 десятины. Если не набиралось в крестьянской семье до минимального надела, такой семье добавляли до этой нормы, если же превышала, то отрезали "излишки". Эти "отрезки" в отдельных местах были существенными, они дезорганизовывали и без того лоскутное и запутанное расположение полей и стали в дальнейшем предметом горячих и острых дискуссий.

Размеры выкупа за землю были довольно высокими и обременительными, особенно установленный порядок очень высокой платы за первую десятину. Фактически эта оплата, особенно трудом, то есть барщиной, отбрасывала крестьян к состоянию Уложения Алексея Михайловича. Вообще выкуп был сложным и бюрократически запутанным процессом, Усажба выкупалась по желанию крестьян независимо от желания землевладельца. Но это только площадь под крестьянским двором и огородом, полевой же надел – по добровольному соглашению с помещиком; одного желания крестьянина было недостаточно.

Поскольку лишь немногие крестьяне имели деньги для выкупа, государство обеспечивало ссудой из расчета 80 копеек с рубля. Эти 80 копеек государство выплачивало непосредственно землевладельцу, а долг ложился на крестьянина. Оставшиеся 20 копеек крестьянин обычно отработывал. С государством же он должен был рассчитаться по ссуде в течение 49 лет. По выражению Ключевского, "государство взяло на себя тот двугривенный, который должны были внести крестьяне"⁴². До конца царствования Александра II было выкуплено более 80% временнообязанных крестьян, еще 1,5 млн. ревизских душ оставались временнообязанными.

Итак, 19 февраля 1861 г. Александр II подписал текст Манифеста об освобождении крепостных крестьян России, подготовленный московским митрополитом Филаретом, а также другие приложенные к нему документы. Это был внушительный и тщательно разработанный пакет, хотя готовились документы в спешке, царь торопил. В этот пакет входили: Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости; Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости; Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной

оседлости и о содействии правительства к приобретению ими, крестьянами, в собственность полевых угодий; Положение о губернских по крестьянским делам учреждениях; Правила о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости; Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских; Дополнительные правила об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам; Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов; Дополнительные правила о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в земле войска Донского; Правила о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области; Указ об устройстве крестьян Царства Польского⁴³.

Один перечень этих документов свидетельствует о большой работе, проделанной правоведами России. В.О. Ключевский весьма высоко оценивает акт освобождения крестьян. Он пишет: “В продолжение столетий, предшествовавших 19 февраля 1861 г., у нас не было более важного акта: пройдут века, и не будет акта, столь важного, который бы до такой степени определил собою направление самых разнообразных сфер нашей жизни”⁴⁴.

Может быть, добросовестнейший и талантливейший историк России В.О. Ключевский и переоценивал значение Манифеста 19 февраля 1861 г., но он убедительно обосновывал это положение неоднократно. Суть в том, что хотя и с большим опозданием, через 99 лет после екатерининского акта о вольности дворянства, принятого 18 февраля 1762 г., самая многочисленная, кормящая и обороняющая нашу часть общества стала свободной по праву. Но это не все. Она стала получать собственность, без которой свобода иллюзорна. Ключевский писал: “Наша история в продолжение веков создавала бродячее безземельное крестьянство, работающее на чужой земле и с чужим земледельческим капиталом. Вопросом государственного порядка и исторической будущности России было сделать крестьянство оседлым и работающим на земле, прочно за ним обеспеченной”⁴⁵. Итак, свобода и собственность. Но Ключевский не мог знать, сколько терний будет еще на историческом пути российского крестьянства и как жестоко оно будет отброшено назад, бесстыдно обмануто, лишено свободы и оторвано от земли в “цивилизованном” XX в.

К концу жизни В.О. Ключевский уже не воспринимал столь восторженно реформу 1861 г. Он видел ее незавершенность, видел политические зигзаги в сторону реакции и в своем дневнике 24 апреля 1906 г. записал: “Царь-реформатору грозила роль самодержавного провокатора: Александр II вступал на путь первого Александра. Одной рукой он дарил реформы, возбуждавшие в обществе самые отважные ожидания, а другой выдвигал и поддерживал слуг, которые их разрушали”⁴⁶.

В законодательных актах 1861 г. воплощены три основных принципа, сформулированных К.Д. Кавелиным следующим образом:

“1) крепостных следовало бы освободить вполне, совершенно из-под зависимости от их господ;

2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землей, и

3) освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев”⁴⁷.

Манифест 19 февраля 1861 г. со всеми прилагавшимися к нему документами решил четыре принципиально важных вопроса: во-первых, крестьяне стали в правовом отношении свободны наряду с другими сословиями; во-вторых, они получили возможность стать собственниками земли, ибо без собственности одна юридическая свобода недостаточна для нормальной жизни человека; в-третьих, царизм удовлетворил запросы помещиков, установив выкуп на землю, причем выкуп очень высокий, и “земля крестьянам обошлась в несколько раз выше ее рыночной стоимости”, – по свидетельству весьма компетентного исследователя этой проблемы П.А.Зайончковского⁴⁸; в-четвертых, одновременно проведена и земская реформа с созданием губернского земского собрания и земской управы, уездного земского собрания и управы, волостных управ и старшины и сельских общин со старостами и сельским сходом. Был установлен институт мировых посредников, а также волостные суды для рассмотрения крестьянских дел, уездные и губернские земские собрания. Земельные наделы крестьян были в своем большинстве недостаточными, что вынуждало их обращаться к помещику, но вместе с тем и не столь малыми, чтобы быстро пролетаризировать деревню.

Унизительное положение “временнообязанных,” сохраняющийся и после освобождения помещичий надзор, обременительный выкуп, малоземелье и многое другое создавали достаточно горючего материала для конфликтов и массового недовольства в будущем. Но, как бы то ни было, перевернута важная страница в истории России, открыт путь для капиталистического развития страны. Но оно могло идти по-разному: уже был известен и прусский, и динамичный американский путь. Для последнего Россия была чрезмерно обременена грузом феодальных пережитков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тэер А. Д. Основания рационального сельского хозяйства. Пер. Маслова С. А. М., 1830.
2. Там же. Ч.1. С. 1.
3. Павлов М. Г. Курс сельского хозяйства. 1837. Предисл.
4. Земледельческий журнал. 1823. №8. С. 162.
5. Павлов М. Г. Курс сельского хозяйства. Т. 1. С. 11.
6. Там же, с. 8.
7. Павлов М. Г. Современное сельское хозяйство. // Русский земледелец. 1838. Февр. Ч. 1. С. 141.
8. Павлов М. Г. О системах хозяйства, земледелия и севооборотов. // Русский земледелец. 1838. Ч. 4. С. 124.
9. Линовский Я. А. Критический разбор мнений ученых об условиях плодородия земли с применением общего вывода к земледелию. Спб., 1846. С. 104.
10. Крохалева Ф. С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз, 1960. С. 114–115.
11. Усов С. М. Курс земледелия. 1837. С. 309.
12. Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 198–199.
13. Там же.
14. Там же. С. 200.
15. Проф. Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М. М. Сперанского. Изд. т-ва И. Д. Сытина.
16. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М.: Русская мысль, 1905.

17. Довнар-Запольский М.В. С. 6.
18. Там же. С. 72.
19. Там же. С. 12.
20. Там же. С. 8.
21. Там же. С. 9.
22. Там же. С. 29.
23. Там же. С. 18–19.
24. Там же. С. 25.
25. Там же.
26. Там же. С. 26.
27. Там же. С. 36.
28. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М.: Русская мысль, 1905. С. 308.
29. Там же. С. 308–310.
30. Там же. С. 325.
31. Там же. С. 310.
32. Ключевский В. О. Указ. соч. Т.5. С. 220.
33. БСЭ. 3-е изд. Т. 20. С. 235; Т. 24. С. 309.
34. Федоров В. А. Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX века. М., 1974. С. 52–53.
35. ЦГИА СССР, ф.1168, оп.т. XV. 1828, д.1. л. 127–128. Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. Спб. 1854. С. 407. Снежевский В. И. Крепостные крестьяне Нижегородской губернии накануне реформы. С. 79–80.
36. Кавелин К. Д. Собр. соч. Спб., 1898. Т. 2. С. 339.
37. БСЭ. 1975. Т. 20. С. 87–88.
38. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874. С. 259–263.
39. Валуев П. А. Дневник 1847–1860 гг. // Русская старина. Кн. 5, Спб. 1981. С. 354.
40. Ключевский В. О. С. 262.
41. Там же. С. 264.
42. Там же. С. 259–280.
43. Российское законодательство X–XX веков. Документы крестьянской реформы. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. С. 5–406.
44. Ключевский В. О. С. 270.
45. Там же. Т. 8. С. 52.
46. Там же. Т. 9. С. 342.
47. Кавелин К. Д. Собр. соч. Спб., 1898. Т. 2. С. 43.
48. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России М., 1954. С. 217.

ГЛАВА 3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И НАУКА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60–90-е гг. XIX ВЕКА)

Отмена крепостного права дала старт развитию производительных сил России. Сдвинулось с места и пошло в рост прежде всего производство сельскохозяйственной продукции, увеличился экспорт зерна. Ускорилось железнодорожное и промышленное строительство. При этом железнодорожное строительство велось исключительно быстрыми темпами. При огромной протяженности территории основные центры Российской империи были связаны стальными магистралями. Например, Великий сибирский путь от Челябинска до Владивостока был построен с 1891 по 1904 г. при ручном труде с помощью лопат, кирок, тачек и конной тяги. Общая длина железных дорог России к 1900 г. уже достигала 56 130 верст. Только за пятилетие 1896–1900 гг. было введено 15 139 верст.

С развитием сельского хозяйства и железнодорожного строительства прямо связано развертывание металлургии, машиностроения, топливной, керамической и других отраслей индустрии. Добыча каменного угля выросла с 18,3 млн. пудов в 1860 г. до 995,2 млн. в 1900 г., то есть в 54,4 раза; нефти – с 1,8 млн. пудов в 1870 г. до 632,0 млн. пудов в 1900 г., или в 351 раз; железной руды – с 45,9 млн. пудов в 1870 г. до 367,2 млн. в 1900 г., или в 8 раз; выплавка чугуна – с 19,6 млн. пудов в 1860 г. до 176,8 млн. в 1900 г., или в 9 раз. Развивается также текстильная и другие отрасли индустрии¹.

В значительной степени успехи в хозяйственном строительстве в этот период объясняются не только освобождением крестьян, но и разумно направленной экономической политикой государства. С 1881 по 1886 г. министром финансов, а с 1887 по 1895 г. председателем Комитета министров был предшественник С.Ю. Витте на этих постах Николай Христианович Бунге (1823–1895). Бунге – ученый, экономист, профессор, а затем ректор Киевского университета, действительный член Петербургской Академии наук. Он автор работ: “Теория кредита” (1851); “Основания политической экономии” (1870); “Банковые законы и банковая политика” (1874); “Очерки политико-экономической литературы” (1895). Бунге проводил последовательный курс на развитие сельского хозяйства, промышленности и транспорта. В основе его экономических воззрений были хозяйственная свобода, конкуренция, изучение спроса и предложения. Признавая свободу найма, то есть куплю-продажу рабочей силы, он понимал, что равенства между работодателем и рабочим быть не может. Поэтому он считал необходимым вмешательство государства. По его инициативе создаются фабричные инспекции и ограничивается продолжительность рабочего дня. Он добивается принятия закона о снижении выкупных платежей за землю, а также об отмене подушной подати и круговой поруки. В 1882 г. Бунге учреждает Крестьянский поземельный банк, а затем и Дворянский банк. Бунге отказался от практики строительства исключительно частных железных дорог и начинает выкупать дороги в собственность государства. В таможенной политике он проводит протекционизм, всячески поощряя отечественное производство, но не игнорируя иностранные инвестиции в те отрасли, которые нуждались в них. Налоговая система строилась так, чтобы облегчить бремя крестьян. Бунге был дружен с

прогрессивной частью русской интеллигенции, его поддерживали такие ученые, как Д.И. Менделеев. Но его безжалостно травил реакция, особенно изопрядлись московские мракобесы, группировавшиеся вокруг “Московских ведомостей”. И реакция вынудила Бунге уйти в отставку¹.

Пореформенные годы отмечены взлетом духовной и культурной жизни России. В эти десятилетия Россия дает шедевры мировой литературы и искусства. Литературная классика сверкает такими именами, как Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Тургенев, Николай Некрасов, Антон Чехов, Николай Лесков, Иван Гончаров, Михаил Салтыков-Щедрин, Александр Островский и многие другие. В это же время выступают на сцену революционные демократы: писатель и ученый Николай Чернышевский, Дмитрий Писарев. Петр Чайковский и Антон Рубинштейн, Модест Мусоргский и Николай Римский-Корсаков, Александр Бородин и Цезарь Кюи, Милый Балакирев и другие – многие из них объединяются в “могучую кучку” во главе со своим идеологом Владимиром Стасовым и, следуя традициям Михаила Глинки и Александра Даргомыжского, создают бессмертные произведения, где главный герой – народ в его настоящем и прошлом, с его глубокими драмами и борьбой со всяким злом, тьмой и насилием. Это прежде всего “Борис Годунов”, “Хованщина”, “Князь Игорь”, “Псковитянка”, “Евгений Онегин”, восхитительные балеты. Эдуард Направник в России создает “Дубровского”, а Людвиг Минкус – “Дон-Кихота”, поставленного в 1869 г. Мариусом Петипа.

Выдающимися именами и творениями отмечено изобразительное искусство тех лет. По инициативе Ивана Крамского, Василия Перова, Григория Мясоедова и Николая Ге в 1870 г. в Петербурге создается Товарищество передвижников. В него вошли Илья Репин, Василий Суриков, братя Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Владимир Маковский, Василий Polenov, Иван Шишкин, Исаак Левитан, Валентин Серов, Алексей Саврасов, Константин Савицкий, Николай Ярошенко и др. Они провели 48 выставок своих работ в разных городах России. Основной темой передвижников был народ, наша родная земля, ее природа, ее прошлое и настоящее; народ в неутешном и безмерном горе и в радости, в труде и отдыхе, в юности и старости.

Говорят, что XIX столетие – золотой век русской культуры и больше такое не повторится. Но эта духовная планка обязывает нас во все, даже “смутные” времена искать возможность сообразовать свою жизнь с высокими идеалами, оставленными нам как завет великими предшественниками.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Насколько реформа повлияла на развитие сельского хозяйства? Ответ на этот вопрос следует искать не в размере посевных площадей и поголовье скота, как у нас было принято долгое время, а в валовых сборах и выходе продукции на душу населения. Обратимся к широко известной таблице В.И. Ленина, приведенной в его работе “Развитие капитализма в России”². (табл. 3.1).

Нетрудно подсчитать, что за 40 лет после падения крепостного права население увеличилось на 75,2%, сбор зерна и картофеля – на 159%, а обеспеченность на душу населения – на 48,4%, в том числе зерном на 27,2% и

Таблица 3.1

Периоды	Население, млн. чел.	Сбор хлебов и картофеля, млн. четвертей	На душу населения чистого сбора в четвертях		
			зерна	картофеля	всего хлебов
1864 - 1866	61,4	152,8	2,21	0,27	2,48
1870 - 1879	69,8	211,3	2,59	0,43	3,02
1883 - 1887	81,7	255,2	2,68	0,44	3,12
1885 - 1894	86,3	265,2	2,57	0,50	3,07
1900 - 1905	107,6	396,5	2,81	0,87	3,68

картофелем – на 322,2%. Россия по этому показателю заняла третье место в Европе после Дании и Швеции, обогнав Францию, Германию, Италию, Бельгию и Голландию⁴. В начале XX в. Россия уже производила 22,3% мирового объема зерна (считая пшеницу, кукурузу, рожь, ячмень и овес)⁵.

Наша страна становится крупным экспортером зерна на мировом рынке. При этом за 50 лет после отмены крепостного права объем экспорта вырос в 7 раз (табл. 3.2)⁶.

Таблица 3.2

Динамика экспорта хлеба из России

Годы	тыс. пудов	% к 1861 - 1870
1861 - 1870	104970	100
1871 - 1880	240559	229
1881 - 1890	357741	341
1891 - 1900	442653	422
1901 - 1910	612121	583
1909 - 1913	727426	693

Объемы экспорта неуклонно возрастали, хотя с начала 80-х гг. начался длительный аграрный кризис в связи с изменением конъюнктуры рынка во всем мире. Цены на внешнем рынке резко упали. Так, если в 1871–1875 гг. за пуд пшеницы платили 90,1 копейки, ржи – 65,7 и ячменя – 60,6, то в 1891–1895 гг. соответственно 55,6; 46,6 и 35,9 копейки⁷. Пали цены и на внутреннем рынке. В отдельных регионах они снизились с 1 рубля в начале 80-х гг. до 20 копеек за пуд в 90-х гг. Этот аграрный кризис серьезно повлиял и на сельское хозяйство России. Кого-то он разорял и вынуждал уйти из этой сферы экономики, а кого-то стимулировал модернизировать производство. В целом хозяйство как у крестьян, так и у помещиков велось экстенсивно. Это несмотря на то, что Россия уже располагала научными разработками, имела специальные печатные органы, университетские кафедры и такую мощную трибуну, как Императорское Вольное экономическое общество.

Н.Д. Кондратьев в своей книге "Рынок хлебов" приводит данные А.А. Кауфмана об урожайности хлебов на крестьянских и владельческих (помещичьих) землях (табл. 3.3)⁸.

Таблица 3.3

Урожайность хлебов, в пудах
с десятины*

Периоды	Крестьянские земли		Владельческие земли	
	пудов	%	пудов	%
1861 – 1870	29	100	33	100
1871 – 1880	31	107	37	112
1881 – 1890	34	117	42	127
1891 – 1900	39	134	47	142
1901 – 1910	43	148	54	164

* Пуд – 16,3 кг; десятина – 2 400 кв. сажень – 1,09 га

Нетрудно заметить, что медленный рост урожайности налицо в обоих секторах хозяйств. Однако в помещичьих хозяйствах выше темпы и абсолютный уровень. Если в 60-е г. разрыв между ними составлял только три пуда на десятину в пользу землевладельцев, то в 10-х гг. XX столетия он уже равнялся 11 пудам. Удивляться этому не приходится: ведь после реформы 1861 г. крестьянин не стал подлинным собственником земли, собственником была община. Частые переделы в связи с изменениями состава семей вызвали невообразимую чересполосицу и парцеллярность. Крестьянин не знал, где он будет пахать и сеять через несколько лет. Из-за слабой обеспеченности скотом единственный вид удобрений – навоз всегда был в дефиците. Архаичные орудия обработки почвы, повсеместная трехполька в центральных районах России, – все это не создавало объективных условий для роста урожайности. Помещичьи хозяйства располагали большими возможностями и, при наличии умного хозяина, использовали эти возможности.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что полностью своих задач реформа 1861 г. не выполнила. Главное в том, что крестьянин оставался экономически закабаленным: землей владела община, выкуп чрезвычайно высок, еще долго сохранялась экономическая зависимость от помещика. П.И. Ляшенко ссылается на сообщение курского губернатора, в котором говорится, что сельское хозяйство “осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян”⁹. Но крестьяне были переобременены платой за землю. “Крестьянские земли были обложены в 10, 20 и даже в 40 раз более, чем помещичьи. Тогда как в помещичьем хозяйстве платежи составляли 2–10% доходности, в крестьянском хозяйстве они везде превышали 50%. Вообще на 208 млн. рублей податных сборов, падавших на все сельское хозяйство, крестьяне платили 195 млн. рублей и помещики 13 млн. рублей”⁹.

Какие же процессы происходили в это время с земельным фондом? По первой земельной переписи в 1877 г. после реформы в 49 губерниях числилось 391 млн. десятин, из них к “крестьянским надельным” относились 131,4 млн. десятин (33,6%), к частным владениям – 93,4 млн. (23,8%) и казне принадлежало 150,4 млн. десятин (38,5%). Если же проследить динамику изменения частновладельческих земель, по сословной принадлежности, то получается следующая картина (в %) (табл. 3.4.)¹⁰.

Таблица 3.4

Сословная принадлежность	1877 г.	1887 г.	1905 г.
Дворянские владения	77,8	68,3	52,5
Крестьянские	7,0	13,1	23,9
Купцов и мещан	14,2	16,3	20,0

Дворянское землевладение сокращается, приобретают землю зажиточные крестьяне и люди других сословий. Продолжается заклад имений. Анализ заложённых в Дворянском банке землевладений показывает, что сами владельцы вели хозяйство в 80-х гг. в 40% случаев, а в конце 90-х гг. – только в 29%. Сдача же в аренду за это время выросла с 39 до 51%¹¹. Аренда и издольщина для землевладельца – дело беспроигрышное: при хорошем или плохом урожае он всегда получит свою долю. Хуже это для арендатора и издольщика: в случае неурожая он обязан все равно по договору за землю расплачиваться. Аренда и покупка земли, залог и другие операции с недвижимостью приобретают широкие масштабы.

Реформа ускорила переход к капиталистическим методам хозяйствования: производству продукции для рынка, найму рабочей силы; специализации регионов и хозяйств; интенсификации производства; расширению частнособственнических хозяйств и приобретению земли в собственность. Возрастают поставки и переработка сельскохозяйственного сырья на открываемых предприятиях. Так, переработка сахарной свеклы в юго-западных губерниях возросла за время с 1860 по 1882–1883 гг. с 5,5 млн. до 22,9 млн. берковцев (берковец = 10 пудам = 163 кг). Переработка картофеля на спирт за это же время выросла с 5,5 млн. до 43 млн. пудов. Вместо экстенсивных овцеводческих латифундий на юге с десятками тысяч десятин каждая возникают крупные специализированные хозяйства по выращиванию товарного зерна. В нечерноземной полосе создаются молочные и мясные предприятия товарного типа¹².

Общим итогом реформы 1861 г. можно считать ликвидацию рабства, правовое уравнивание всех сословий общества, ускоренное развитие рыночно-капиталистических отношений, выход России на мировой аграрный рынок, стимулирование развития промышленности и транспорта, расширение внутривосточного рынка. Рыночно-капиталистические отношения охватили практически все помещичьи хозяйства, а также часть крестьянских слоев. Зажиточные крестьяне сами становятся поставщиками товарной продукции и применяют наем рабочей силы. Беднейшие же слои продают свою рабочую силу и часто сдают в аренду свой земельный надел. Иначе говоря, в обществе происходит дифференциация. Однако основная масса крестьянства ведет еще натуральное хозяйство. Производство служит единственной цели – жизнеобеспечению самой крестьянской семьи, и здесь законы капиталистического хозяйства еще не действуют.

Реформа была проведена руками дворян-землевладельцев, и, естественно, интересы дворянского сословия не были забыты. Крестьянский вопрос до конца не был решен, если вообще его можно было решить “до конца”. Тя-

жесть выкупа, власть общины, податное бремя, чересполосица и плохое землеустройство, нарастающее малоземелье, архаизм хозяйствования и многое другое все больше обостряли недовольство многомиллионных слоев крестьянства, несли в себе семена острейших социальных конфликтов и ставили вопрос о необходимости проведения новой реформы.

АГРАРНАЯ НАУКА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Говоря в начале этой главы о выдающихся достижениях литературы и искусства во второй половине XIX в. как важнейшей отличительной черте этой эпохи, мы сознательно не коснулись науки, чтобы сказать о ней особо. В это же время наука России также выдвинула множество имен, снискавших мировое признание, с которыми связан прогресс различных направлений: математик Пафнутий Чебышев, физиолог Илья Сеченов, химик Дмитрий Менделеев, почвовед Василий Докучаев, физиолог Иван Павлов, уже в начале нового века, в 1904 г., ставший нобелевским лауреатом. Успехи русской исторической науки тех лет в решающей мере определили Василий Ключевский и Сергей Соловьев.

Многие выдающиеся люди этой эпохи выступали как бы в двух или трех ипостасях: ученых, писателей и революционеров.

Если в прошлом интеллектуальным трудом занимались преимущественно выходцы из дворянского сословия, то в 60-е гг. плотными рядами выступили на российскую историческую сцену разночинцы – выходцы из других, недворянских сословий русского общества, которым, как бы мстя дворянству за мятежное посягательство на трон, Николай I дозволил приблизиться к образовательным учреждениям и чиновным ступеням. Они составили ядро “пес-тидесятников”, а также и последующих поколений. Основным органом печати, идеологом движения разночинцев, стал некрасовский “Современник”. Виднейшим представителем этой когорты был Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889).

Чернышевский родился в семье священника в городе Саратове. Окончил здесь же духовную семинарию и историко-филологический факультет Петербургского университета. Испытал влияние Гегеля, Фурье, Рикардо, Фейербаха, Белинского и Герцена. Преподавал литературу в Саратовской гимназии, затем работал в редакциях “Отечественных записок” и “Современника” в Петербурге. В 1855 г. защитил магистерскую диссертацию по эстетике. Вскоре стал родоначальником и идейным вождем народничества, вдохновителем создания революционной организации “Земля и воля”. В июле 1862 г. арестован. В тюрьме и сибирской ссылке провел более 20 лет, с 1883 г. переведен в Астрахань под надзор полиции, и лишь за 4 месяца до кончины в 1889 г. ему было разрешено вернуться в родной Саратов.

В трудах по аграрному вопросу, в значительной мере способствовавших усилению антикрепостнических мнений накануне реформы, – это прежде всего следующие работы: “О земельной собственности” (1857), “О новых условиях сельского быта” (1858), “Устройство быта помещичьих крестьян” (1858), “Критика философских предубеждений против общинного владения” (1858), “Суеверие и правила логики” (1859), “Очерки политической эконо-

мин (по Миллю)” (1861) – Чернышевский выступал за революционное решение крестьянского вопроса, за общинную собственность. Он видел в общине форму перехода к социалистической формации. Он понимал, что экономические формы (феодализм, капитализм и др.) имеют исторически обусловленные пределы, они переходны. Он надеялся, что Россия еще сможет избежать “язвы пролетариата”. Он мечтал о том, что “отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе”¹³.

Частную собственность на землю Чернышевский называет “местной припаркой” для большого организма. Он пишет: “Позаботьтесь о том, чтобы мы получили хорошую администрацию и справедливый суд, тогда вы увидите, что... общинное владение не будет мешать успехам сельского хозяйства, потому что тогда будет исчезать наша бедность и явятся те условия, которых теперь нет и без которых ни при какой системе земледелия сельское хозяйство не может прийти в удовлетворительное состояние”¹⁴.

Чернышевский внимательно анализирует условия землепользования в Северной Америке того времени с огромными просторами свободных земель и в России, особенно в ее густонаселенных районах. Взгляды Чернышевского по проблемам русского общинного землепользования относятся к кульминационным моментам исторического спора об общине (не законченного и сегодня), не снятым ни усилиями социалистов начала XX в., ни крайних реакционеров типа Победоносцева, ни современных реформаторов.

Ярчайшей фигурой в агроэкономической науке пореформенного периода является Александр Николаевич Энгельгардт (1832–1893). Мы не будем рассматривать его специальные работы по агрохимии. Сосредоточимся лишь на классическом труде “Из деревни. 12 писем 1872–1887”. Это на редкость талантливое сочетание художественной прозы с глубоким экономическим и социальным анализом пореформенной деревни, живой слепок из реальной жизни, освещенный научным анализом. Неординарна также и сама личность ученого.

А.Н. Энгельгардт – далекий прапра... правнук плененного войсками Ивана Грозного в 1558 г. ливонского рыцаря Роберта Энгельгардта с тремя сыновьями. Позднее они приняли православие, и эта семья дала многих видных деятелей и патриотов России. Недавно скончавшийся на 91-м году жизни академик Владимир Александрович Энгельгардт рассказывал автору этих строк, что большая семья Энгельгардтов делилась на три ветви: петербургскую, смоленскую и ярославскую. Знаменитый биохимик Владимир Александрович (в годы гражданской войны – начальник госпиталя Первой конной армии) принадлежал к ярославской, а Александр Николаевич – к смоленской ветви.

Профессор химии и основоположник агрохимии, организатор первого химического журнала, талантливый исследователь в годы Крымской войны успешно занимался отливкой пушек для армии. Блестящий офицер и педагог одновременно состоял в революционной организации “Земля и воля”, за что и поплатился пожизненной ссылкой в небольшое село Батищево Смоленской губернии. Это имение располагало всего 618 десятинами удобной земли, а старопахотной оставалось только 88 десятин. Нужны были коренная мели-

опрация, расчистка залежей, удобрения, травосеяние. Этим и занялся хозяин. Но не только этим.

А.Н. Энгельгардт получает письмо от М.Е. Салтыкова-Щедрина с просьбой “изобразить современное положение” русской деревни, ее быт. И Александр Николаевич в течение 15 лет (из 22 лет сельской жизни) “изображал” ее в своих знаменитых письмах, имеющих огромное научное значение. Не будем останавливаться на его народническом мировоззрении и соответствующих рассуждениях, на его успешном хозяйствовании чисто капиталистическими методами, о чем очень лестно в свое время отозвался В.И. Ленин, посвятив истории хозяйства Энгельгардта целый раздел своей работы “Развитие капитализма в России”¹⁵.

Энгельгардт понимал, что после отмены крепостного права должно измениться как крестьянское, так и помещичье хозяйство. Он писал: “Если в хозяйстве выделяете какое-нибудь существенное изменение, то оно всегда влияет на все отрасли его и во всем требует изменения. В противном случае нововведение не прививается”¹⁶.

Понимая необходимость изменения системы со всеми ее элементами, он на первое место ставит человека, хозяина: “Различные факторы в хозяйстве, по их значению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут; потом работник, потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мертвым; хозяйство не фабрика, где люди имеют второстепенное значение, где стругающий станок важнее, чем человек, спускающий ремень со шкива; в хозяйстве человек прежде всего; потом лошадь, потому что на дурной лошади плуг окажется бесполезным; потом уже машины и орудия. Но ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его улучшить могут только хозяева”¹⁷.

Энгельгардт связывает будущее российского сельского хозяйства с культурным крестьянином. Он пишет: “Я убежден, что нам более всего нужны интеллигентные мужики, деревни из интеллигентных людей, что от этого зависит наше будущее”¹⁸.

Он подчеркивает, что “нет химии русской, английской или немецкой, есть только общая всему свету химия, но агрономия может быть русская, или английская, или немецкая... Мы должны создать свою, русскую агрономическую науку, и создать ее могут только совместные усилия ученых и практиков, между которыми необходимы практики, теоретически подготовленные”¹⁹.

А.Н. Энгельгардт ратует за артель, за артельное хозяйство. Он говорит не об общине, а об артели. Он пишет: “Я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее”²⁰.

Выступая столь решительно за артельное хозяйство, Энгельгардт тем не менее не попытался последовать опыту Роберта Оуэна, не создавал “новых гармоний” или “городов солнца”. Он стал на путь модернизации своего хозяйства чисто капиталистическими методами: перешел на наемный труд, завел севообороты с клеверами, стал вносить удобрения, приобретать технику.

О русской агрономии он заговорил тогда, когда перечитал по этой науке уйму книг, не найдя в них дельных советов, пригодных для местных российских условий конца XIX в.

Еще одно существенное положение. Энгельгардт считает необходимым перерабатывать продукцию на месте, использовать все отходы. Промышленность должна размещаться в сельской местности. Он пишет: "Нужны не фабрики, не заводы, а маленькие деревенские винокурни, маслобойни, кожевни, ткачешки и т.п., отбросы от которых тоже будут с пользой употреблены в хозяйствах"²¹. К сожалению, этот вопрос не решен в российской аграрной сфере и по сей день, отчего страна несет огромные потери.

Итак, система хозяйства, учитывающая все изменяющиеся факторы производства и быта, должна включать: культурного, образованного человека как центральный фактор; тесный союз науки и практики; артельный принцип организации труда; переплетение сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью. Многие идеи Энгельгардта получают развитие в начале XX в. в трудах организационно-производственной школы. Наряду с этим он успешно поставил свое хозяйство, за 15 лет удвоив урожай.

Энгельгардт имел учеников. В их числе были выдающиеся ученые А.С. Ермолов и П.А. Костычев. Кроме того, первый из них стал министром, а второй директором Департамента земледелия. Частыми гостями в Батишеве у опального ученого были В.И. Вернадский и В.В. Докучаев, с которыми он поддерживал дружеские связи до конца жизни.

Видное место в пореформенный период принадлежит представителю агроэкономической науки Александру Васильевичу Советову (1826–1901). Он был, как и многие его предшественники, агрономом-экономистом. Родился в селе Гульнево Дмитровского уезда Московской губернии. Окончил Дмитровское духовное училище, Троице-Сергиевскую духовную семинарию и Горьгорский земледельческий институт. В течение двух лет проходил стажировку в Германии, Австрии, Бельгии, Голландии. По возвращении занял кафедру сельскохозяйственной технологии в Горьгорском институте, а с 1859 г. – кафедру сельского хозяйства Петербургского университета. В течение 12 лет был деканом физико-математического факультета, 25 лет редактировал Труды Вольного экономического общества, долгие годы состоял членом Ученого совета Министерства земледелия. Написал ряд статей в словаре Брокгауза и Ефрона. Имел небольшое имение в Клинском уезде, которое превратил в своеобразную опытную станцию. Отличался гуманностью, демократичностью, его называли "совестью русской агрономии."

Основные работы Советова: "Разведение кормовых трав на полях" (1859) и "О системах земледелия" (1867) – продолжают и развивают идеи А.Т. Болотова, В.А. Левшина, Д.М. Полторацкого и других агрономов-экономистов прошлого. Он занимался также историей сельского хозяйства и написал работу: "О земледелии в древней России" (1866). Хорошо владея данными по отечественному и мировому сельскому хозяйству, он сосредоточился на системах земледелия. Советов отмечал, что подсечно-огневая система еще в 60-х гг. существовала в Америке и северных лесных губерниях России, а залежная – в южных степных районах, показал эволюцию систем и неизбежность перехода к более интенсивным.

Советов писал: «Россия в своих обширных пределах заключает местности, совершенно различные по климату, почвам, народной деятельности. Однообразие в ее системах земледелия, казалось бы, и быть не могло, и, однако ж, вследствие преобладания одинаковых общественных и экономических условий, повсюду видим мы у себя поразительное однообразие форм земледелия, несмотря на все различие территориальных условий»²². Таким образом, Советов совершенно обоснованно придает решающее значение в формировании систем не природным, а общественным факторам. Он показал взаимосвязь форм земледелия и скотоводства: форм земледелия, очевидно, очень много, но все они могут быть подведены под две категории, смотря по тому, в каком отношении находятся они к скотоводству»²³. Исходя из этого, главными типичными являются:

1. Независящие от скотоводства как источника удобрения, или вольные: а) огневая и б) переложная;

2. Зависящие от скотоводства: а) паровая и б) плодосменная. Далее он подробно излагает эти четыре типа систем. Поражают обилие фактического материала по России и другим странам мира, иллюстрирующего эволюцию систем, ссылки на исследования ученых, опыт хозяйств. Особо останавливается он на земледельческом опыте России, начиная с древнейших времен: «По древним русским законам, и в самой жизни на Руси никто не был исключен из права поземельной собственности, только бы имел средства приобрести ее. Кто успел расчистить участок, кто положил в него труд и капитал, тот был и собственник; завоеванный его трудом участок назывался частным или вотчинным... Во всех обществах бывают и богатые и бедные; так было и на Руси. Еще в XI в. здесь являются бездомные бобыли, ролейные закупы, которые охотно сядутся на чужие земли общинные; но чем дальше развивается русский народ, тем больше является охотников жить на чужих землях»²⁴.

Советов резко отзываясь о крепостном праве, не приемлет его. Пишет, что изжившая себя трехполька должна пасть вместе с падением крепостничества. Он показывает преимущества плодосменной системы, отмечая, что она не новое изобретение, а была известна еще в древности. К нам пришла из Англии, а в Англию из Бельгии. Но плодосменность нельзя путать с интенсивностью, эта система может вестись как на очень интенсивном, так и на экстенсивном уровне. России, по его мнению, пора переходить к большему многообразию культур. При этом он подчеркивал, что без скотоводства в условиях России успешным земледелие быть не может.

Близким к А.В. Советову по направлению научной деятельности находился другой агроном-экономист пореформенного периода – Иван Александрович Стебут (1833–1923). Он воспитал не одно поколение русских специалистов сельского хозяйства и оказал заметное влияние на развитие науки, опытного дела, обучение кадров. В круг его интересов входили такие вопросы, как система хозяйства, возделывание полевых культур, известкование, гипсование и удобрение полей, практика хозяйствования; методология опытного дела и учебный процесс; высшее сельскохозяйственное образование.

И.А. Стебут родился в г. Великие Луки Псковской области, в семье аптекаря, выходца из литовской дворянской среды. Окончил Петербургскую гимназию, Горьгорецкий земледельческий институт, где был оставлен для

преподавания и работы на опытной ферме. В течение года изучал состояние сельского хозяйства в Остзейских губерниях, а затем два года знакомился с этим предметом в Германии, Бельгии, Англии, Шотландии, Франции. Слушал лекции Лемана, Пабста, Буссенго и других видных ученых того времени. С 1860 г. он – младший профессор Горьгорецкого института, а после закрытия последнего в связи с активным участием студентов в польском восстании, перешел на короткое время в Петербург, а с 1865 по 1895 г. работал в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. С 1875 г. оставил по состоянию здоровья кафедру, но продолжал вести преподавательскую работу и управлял имением Кроткое в Ефремовском уезде Тульской губернии. С 1898 г., будучи председателем Ученого комитета Министерства земледелия, продолжал управлять имением, превращенным в образцовое хозяйство.

Трудом жизни И.А. Стебута является капитальная монография: “Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России” (1873–1879). На данных мирового и отечественного опыта, массы исследований и обобщений автор обосновывает экономикку, организацию, технологию производства растениеводческих продуктов с учетом биологических требований культур и условий внешней среды.

Он подробно рассматривает паровой клин: зеленый, черный, занятой и полупар; паровые растения, возделываемые для корней (сахарная и кормовая свекла), для клубней (картофель и топинамбур), для стеблей (кольраби), для листьев (табак, вайда), для стеблей и листьев (капуста, кормовая кукуруза), для цветочных частей (сафлор и шафран), для соцветий (хмель), для плодов (тыква), для зерен (кукуруза), бобов (фасоль и конские бобы), для масла (озимый рапс, сурепица, подсолнечник, мак, кунжут, клещевина, арахис), для волокна (хлопок); полевой клин с зерновыми хлебными растениями (пшеница, рожь, ячмень, овес, просо, рис, гречиха), бобовыми (горох, чечевича, вика, чина, горчица, китайская редька), пряными (тмин, анис, укроп, кориандр), прянливыми (лен, конопля), красильными (церва), однолетними кормовыми травами (вика, сераделла, люпин, могоар); луговой клин с многолетними травами (клевер, люцерна, эспарцет, тимopheевка, травосмеси)²⁵.

Стебут рассматривает систему хозяйства, систему полеводства, севооборот и систему культуры растений. Это уже шаг вперед в развитии учения о системах сельского хозяйства, их дальнейшая детализация. Систему хозяйства он понимает как взаимосвязанную совокупность частей, составляющих саму хозяйственную единицу, предприятие. Система хозяйства “...зависит от климатических, почвенных, главным же образом экономических условий данной местности: от того, что требуется и что можно производить в данной местности; от того, как далеко приходится отвозить произведения на рынок; от того, как густо население, как высока цена земли и легко или трудно можно иметь оборотный капитал, необходимый для ведения хозяйства. Насколько разнообразны условия, настолько разнообразная может быть система хозяйства”²⁶.

И дальше: “...как система хозяйства, так система полевого хозяйства и система культуры могут быть различны по количеству капитала и труда, которых требует их выполнение на единицу пространства (десятины); они более интенсивны... если выполнение их требует сравнительно большего, и

более экстенсивны... если оно требует сравнительно меньшего количества труда и капитала на десятину земли. Из вышесказанного следует, что цель полевого хозяйства – извлечение из земли возможно высокого и постоянного дохода с помощью возделывания полевых растений – достигается известной организацией этого хозяйства и применением известных культурных приемов”²⁷. Красною нитью проходит мысль “получения наиболее выгодных урожаев” и “наиболее высокого дохода”.

Великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) в научных изысканиях не ограничивался лишь химией, а в своей деятельности одной только наукой. Его энергия, пылливость, работоспособность, кругозор, интеллектуальный потенциал позволили охватить умом и руками многие сферы человеческих интересов. Он успешно вел хозяйство в своем имении Боблово в Клинском уезде Московской губернии, занимался исследованиями по растениеводству и животноводству, мелиорации и лесоводству, виноделию и сыроварению, пищевой индустрии и экспорту хлеба, другим аграрным проблемам. Принципиальное значение имеют его идеи и предложения по общим вопросам сельского хозяйства.

Менделеев считал, что современное сельское хозяйство начинается только там, где соблюдаются следующие условия: а) создаются более выгодные человеку породы животных и растений; б) осуществляется сбыт продукции на сторону в качестве товара; в) развивается специализация; г) неуклонно сокращается доля затрат физического труда за счет применения машин²⁸.

Сельское хозяйство, по Менделееву, представляет собой “страшную сложность задач”²⁹. Суть в том, что оно имеет дело с лучистой энергией солнца; землей, водой и воздухом; живыми организмами; капиталом и трудом³⁰. При этом “сельский хозяин больше раб, стесненный в своих действиях, чем большинство других промышленников. Они свободнее, властительнее владеют огнем, колесом и паром, чем хозяин может владеть даже почвою, хотя ею уже и начали более или менее распоряжаться с давних пор, вводя обработку и удобрения”³¹.

Менделеев напоминает, что непеременимыми условиями для “современного сельского хозяйства должны считаться земля, капитал и труд, подразумеваемая под землей вся совокупность материала и вечно бодрых сил природы, действующих независимо от воли людей... Капитал есть в известном смысле материализованная история людского труда”³².

Менделеев обосновывает положение о том, что сельское хозяйство нуждается в гораздо больших капиталах, чем любая другая отрасль народного хозяйства. Он доказывает необходимость улучшения самой земли, приобретения машин и орудий, возведения построек и сооружений. Когда-то все делалось в домашних условиях, по-робинзоновски. Но эти времена давно прошли. “Капиталы нам до крайности необходимы... особенно в сельском хозяйстве”³³. Он ругает за развитие специализации, большого приложения к земле капитала и науки. Предлагает покрыть страну сетью образцовых ферм “с немногочисленными, строго определенными задачами, например, с разведением хороших пород скота... с еще более тесными и простыми требованиями разнообразнейшего свойства, смотря по спросу, почве и климату...”³⁴ И дальше: “...капиталы и науки не родятся без земли, труда и специализации

и что для самого насаждения наук нельзя обойтись без капиталов, а их без наук распределять легче, чем кажется на первый взгляд"³⁵.

Все сказанное свидетельствует о прозорливости Д.И. Менделеева. Великий химик многое видел и понимал лучше, чем его коллеги, непосредственно занятые в сельском хозяйстве. Он был свободен от некоторой зашоренности, смотрел шире, глубже и дальше. Он чувствовал невообразимую сложность той суперсистемы, какую представляет собою сельское хозяйство. И как плохо выглядит Петербургская Академия наук, так и не сумевшая избрать великого ученого действительным членом, оставшимся в течение 30 лет, до конца жизни, ее членом-корреспондентом.

До 70-х гг. прошлого века самостоятельного курса в учебных заведениях и самостоятельной научной дисциплины "Экономика сельского хозяйства" не было. Экономика и организация входили в агрономию. И агрономия имела широкий профиль, включающий экономические вопросы. Впервые самостоятельный курс экономики был подготовлен Алексеем Петровичем Людоговским (1840–1882)³⁶. Он же возглавлял впервые созданную кафедру экономики в Петровской сельскохозяйственной академии.

Учебник состоит из четырех разделов: политической экономии и сельскохозяйственной экономии, составляющих вместе теоретическую часть, затем – организации хозяйства и счетоводства, названных частью практической. По поводу этого первого русского труда по экономике сельского хозяйства в советское время было сказано и написано много нелестного, автор был забыт и нигде не упоминался. Даже добросовестнейший исследователь Ф.С. Крохалева на каждой странице соответствующего раздела называет Людоговского не иначе как "буржуазным" ученым, упрекает его за ссылку на Мальтуса, на неоригинальность всей работы. Став на такой путь, можно очернить и выбросить всех ученых, не успевших освоить марксизма-ленинизма, начиная с Вильяма Петти и Адама Смита. Ознакомление же в оригинале с трудами Т. Мальтуса показывает, что мы знаем далеко не всего Мальтуса и судим на основе одной лишь критики его ошибок методологического характера, а пишем о нем только в ругательном духе.

В предисловии к своему труду Людоговский пишет, что "цель сочинения – дать книгу на русском языке, не существовавшую доселе, которая могла бы служить источником изучения по возможности цельного круга знаний, относящихся к экономической стороне сельскохозяйственного производства и приобретающих у нас более и более возрастающее значение"³⁷.

В очень сжатой, изложенной на 76 страницах политэкономической части даны основные понятия классической политэкономии. Автор использует работы Дж. Милля, В. Ропера, К. Тау и др. Он исходит из трех основных положений: а) существования в стране неограниченного права собственности; б) свободного труда и в) неограниченной конкуренции на рынке³⁸. Все это ничего другого не означает, как типичное рыночное капиталистическое хозяйство.

Раздел сельскохозяйственной экономии полностью оригинален. Здесь рассматриваются внутренние признаки систем хозяйства: интенсивность, способ обеспечения плодородия почвы, экономическое положение скотоводства, распределение земли между кормовыми и товарными растениями.

Затем дается характеристика самих систем хозяйства и их история: пашбишной, переложной, зерновой, улучшенной зерновой, плодосменной, выгонной, травяной и вольного хозяйства. При описании географического размещения систем хозяйства Людоговский ссылается на работу И.Г. Тюнена, но тут же формулирует 8 условий отклонения от идеальной схемы Тюнена в реальных условиях России³⁹.

В третьем разделе излагаются принципы и методы организации земельной площади, применения удобрений, производства растениеводческих и животноводческих продуктов, рабочей силы, капиталов, управления⁴⁰. Четвертый раздел целиком посвящен простому и двойному счетоводству, ведению главной книги⁴¹.

Крупнейший экономист в области сельского хозяйства конца XIX – начала XX в. – Алексей Иванович Скворцов (1846–1914), профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства (современный город Пулавы к югу от Варшавы), эвакуированного в начале первой мировой войны в Харьков. Он автор трехтомного учебника “Основы экономики земледелия”. Первый том, посвященный учению о внешних факторах хозяйства, написан в 1900 г., вышел третьим изданием под редакцией профессора Н.Н. Кажанова в 1925 г. Второй том – “Учение о формах хозяйства” также в 1925 г. и третий – “Организация сельскохозяйственных предприятий и сельскохозяйственное счетоводство” – в 1926 г. Все три книги вышли в издательстве Брокгауза-Ефрона и больше в России и СССР они не издавались. Первый фундаментальный труд, представляющий собой докторскую диссертацию автора, “Влияние парового транспорта на сельское хозяйство” издан в Варшаве в 1890 г. Начнем с него.

Весь 700-страничный том фактически посвящен одному вопросу: как развитие железнодорожного транспорта влияет на экономику и организацию сельского хозяйства. При этом Скворцов впервые заменяет термин “экономия” на “экономика”. Он подробно излагает суть учения Тюнена и его метода, подвергнув конструктивной критике его “Изолированное государство”, рассматривает учение Рикардо, теорию ренты Ротбертуса, характеризует современный железнодорожный и водный транспорт, показывает влияние улучшенных путей сообщения и парового транспорта на промышленность, торговлю и цены, развитие и размещение сельского хозяйства.

Весь труд свой А.И. Скворцов резюмирует следующими словами: “Огромное удешевление транспорта уничтожает значение того единственного фактора, который вынуждал концентрическое расположение систем хо-

³⁹ В советской экономической литературе в адрес Тюнена можно было прочесть только брань да ссылку на одно критическое замечание К. Маркса по его адресу. В действительности это был исключительно добросовестный и по-немецки пунктуальный исследователь. Автору этих строк в конце 80-х гг. довелось в Ростовском университете ознакомиться с архивом Тюнена, полистать рукописные варианты его главного труда, посетить его могилу на сельском кладбище недалеко от Ростова, побывать в его доме и усадьбе Телтов, где энтузиастами из местной школы устроен музей с инвентарем и техникой начала XIX в. Руководитель музея рассказал, что многие годы жизни большого ученого и землевладельца были омрачены длительной судебной тяжбой в мекленбургском земельном суде. Дело в том, что Тюнен прибыть от своего хозяйства в значительной части делил между своими работниками, считая это справедливым. Для соседних баронов это был дурной пример, подрывавший их личные доходы. Они обзавелись на ученого и завели против него судебное дело.

зяйства... и, наоборот, выдвигает вперед значение естественных факторов, определяющих строй хозяйствам, следовательно, дает возможность сделать хозяйства технически рациональными; при этом каждое хозяйство будет производить, при помощи соответствующих приемов, только те продукты, которые (при данных естественных условиях) могут быть произведены в наибольшем количестве и наилучшего качества с единицы площади и вместе с тем с наименьшей, сравнительно с другими областями и хозяйствами, затратой труда и капитала⁴². Эти идеи корреспондируются с теорией “штандорты”, обстоятельно разработанной применительно к сельскому хозяйству Ф. Азребоз⁴³, Е. Лауром⁴⁴, Т. Бринкманом⁴⁵, а к промышленности – А. Вебером⁴⁶.

Скворцов считает, что “каждое земледельческое хозяйство представляет организм, все части которого находятся между собой в определенной связи, в постоянном взаимодействии, и для правильного функционирования этого организма органы его, – которым в данном случае отвечают отрасли хозяйства, – должны находиться в определенном сочетании”⁴⁷. И дальше: “...способ ведения хозяйства определяется не одними природными условиями данной местности и даже не этими условиями прежде всего, а главным образом теми требованиями, которые предъявляет рынок...”⁴⁸ Таким образом, здесь ясно и четко выражена рыночная ориентация хозяйства. Прибыль и рента выдвигаются в качестве цели производства.

Скворцов пишет, что “экономика земледелия изучает законы образования ренты при различных естественных и общественных условиях и указывает приемы (технику), с помощью которых при данной комбинации условий хозяйства получается наивысшая возможная в данном случае рента”⁴⁹.

Системой хозяйства, по Скворцову, называется “та форма сочетания элементов производства (природы, труда и капитала), которая определяет собою способ получения ренты в данном хозяйстве, указывая главный род продукта, который это хозяйство поставляет на рынок”⁵⁰.

К внешним факторам хозяйства Скворцов относит прежде всего транспорт, затем формы землевладения (частное, общинное и др.), государственную экономическую политику, природные условия. Автор показывает преимущества “участкового”, или “отрубного”, или хуторного землепользования перед общинным. К концу столетия во многих районах Европейской России община уже умирала, отживала.

В учении о формах хозяйства дается история и эволюция систем хозяйства, сочетание систем хозяйства с системами полеводства, географическое размещение систем хозяйства в мире, способы повышения ренты в различных условиях⁵¹.

Третий том трудов А.И. Скворцова посвящен организации сельскохозяйственного предприятия: организации территории, выбору систем хозяйства и полеводства, организации скотоводства, применению удобрений, рабочим силам, переработке продукции, капиталу и управлению, а также контролю и счетоводству⁵².

Крупнейший ученый последней четверти XIX и начала XX в. – Алексей Сергеевич Ермолов (1846–1916), ученик А.Н. Энгельгардта, первый министр земледелия в правительстве Александра III. Его классический труд “Организация полевого хозяйства”⁵³, над которым он работал более 30 лет, если

считать от первого до последнего издания, был переведен на многие языки и признан одним из лучших в Европе. Его содержание охватывает практически все стороны экономики и организации сельского хозяйства.

Ермолов дает четкое определение системы хозяйства, понимая ее как “характер хозяйства по степени его интенсивности, соотношению в нем производства животных и растительных продуктов, возделывания кормовых и непосредственно продажных растений и отчуждения продуктов земледелия и скотоводства в большей или меньшей степени переработки”⁵⁴. Исходя из этих основных признаков, различаются системы интенсивные и экстенсивные, растениеводческие или животноводческие, реализующие сырые продукты или переработанные.

Под системой земледелия (или системой полевого хозяйства) понимается способ пользования территорией имения по отношению собственно к производству растительных продуктов”⁵⁵. Основными признаками систем земледелия служат способы поддержания или восстановления производительных сил земли, доля тех или иных культур и сочетание отдельных групп между собой. Исходя из этих главных признаков различаются следующие системы земледелия: переложная (лесопольная или залежная); паровая (зерновая, улучшенная зерновая); многопольно-травяная, или выгонная; плодосменная; вольная и огородная. Важнейшим признаком, характеризующим систему земледелия, является севооборот, то есть “определенное чередование отдельных растений или отдельных способов эксплуатации земли в течение установленного ряда лет”⁵⁵.

Ермолов высказывает интересную мысль о выборе систем. Систему хозяйства владелец должен выбрать такую, которая при данных естественных и ценовых отношениях на труд, капитал и реализуемую продукцию обеспечивает максимальную прибыль. В рамках же системы хозяйства он может выбрать более подходящую систему земледелия. Что же касается севооборотов, то здесь выбор более широк, и он может остановиться на любом. При неверном выборе системы хозяйства дело может вовсе пойти в тупик и погибнуть, при ошибке с системой земледелия дело может пострадать и скомпрометироваться, а при неудачных севооборотах доход будет ниже оптимального.

Ученый подробно описывает системы хозяйства и земледелия, дает характеристику севооборотов по многочисленным регионам России, оценивает также общее состояние дел в стране. Россия экспортировала много зерна, ведя борьбу с Северной Америкой за европейские рынки. Но само хозяйство в целом велось экстенсивно, при редкой населенности и слабо развитом животноводстве. Россия экспортировала 33% сбора пшеницы, 41% ячменя, 44% кукурузы, 10% овса, тогда как США соответственно 10%, 5%, 3% и 1%⁵⁶. Значительные масштабы экспорта отнюдь не свидетельствовали о действительном избытке зерна в России, как это нередко утверждается в нашей печати последних лет. Производство зерна на душу населения России было низким. Таким образом, Россия экспортировала в ущерб себе.

Ермолов был идеологом крупного товарного хозяйства. При этом он считал, что Россия должна быстрее преодолеть остатки феодализма и твердо идти европейско-американским путем. Он писал: “Развитие сельского хозяйства, как основной промышленности русского народа, должно идти у нас тем

же путем, каким оно шло во всех других странах Европы. Всякое уклонение с этого пути, какими бы радужными, но несбыточными мечтаниями оно ни обставлялось, грозит полной гибелью всего экономического строя страны, разрушением культуры, всеобщим разорением и возвращением России ко временам варварства". Так он закончил свое знаменитое "Слово о земле"⁵⁷.

Ермолов считал, что прирезка земли крестьянам, уравнительность, национализация и экспроприация ничего не дадут, кроме смуты и разрухи. Нужны последовательные, спокойные, рассчитанные на длительные сроки крупные меры. Сюда он относит: интенсификацию и уход от архаичных систем хозяйства; упорядочение землепользования и переход к хуторскому хозяйству; право частной собственности на землю как для крестьян, так и для помещиков; ширококомасштабную переселенческую политику с освоением незаятых земель на Востоке; сочетание крупных, средних и мелких хозяйств, с учетом их различных функций; передачу в собственность крестьян арендуемых ими земель; использование для крестьянских нужд 10-миллионного земельного фонда в Европейской части России; включение Крестьянского банка в операции по закреплению крестьянами земли в собственность с существенным снижением банковского процента; последовательное мирное, неторопливое решение аграрного вопроса. Эти принципы и были положены в основу аграрной реформы Столыпина.

Вторая половина XIX в., особенно его последняя четверть, отмечена высокой активностью российской аграрной науки, появлением новых имен и целых школ. Подробное изложение их воззрений, даже беглый обзор дать в рамках нашей работы невозможно. Многие из них не только находились на мировом уровне, стояли, по выражению Н.И. Вавилова, "на шарике", но кое в чем и опережали зарубежных исследователей. В это время разворачивается работа таких выдающихся ученых, как почвоведы и специалисты по борьбе с засухой В.В. Докучаев, П.А. Костычев, А.А. Измаильский, физиолог растений, ученик и друг Ч. Дарвина – К.А. Тимирязев, экономисты А.Ф. Фортуна-тов, А.Н. Шишкин и многие другие.

Василий Васильевич Докучаев (1846–1903), уроженец села Милпоково Сычевского уезда Смоленской губернии, окончил отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. Работал там же доцентом, а затем профессором. Некоторое время был директором Новоалександрийского института и здесь впервые в России в 1895 г. учредил кафедру почвоведения.

Его работы "Русский чернозем" (1883), "Наши степи прежде и теперь" (1892), "Способы образования речных долин Европейской России" (1878) составили эпоху в мировой науке почвоведения. Он обследовал почвы Нижегородской, Полтавской, Казанской, Тульской, Курской, Орловской, Киевской, Саратовской, Ставропольской и других губерний, Донской, Кубанской и Терской областей и многих других регионов России. "Русский чернозем" – это научный отчет Вольному экономическому обществу по итогам экспедиций. Специальная экспедиция 1892 г. в Каменную степь Воронежской губернии под руководством В.В. Докучаева, куда входили, кроме почвоведов, ботаники, гидротехники, лесоводы, метеорологи и зоологи, заложила здесь систему лесополос, каскады прудов и разработала комплексную систему мер

по борьбе с засухой и оживлению мертвых опустыненных почв, осуществив эти меры на деле. Так появился и ныне существующий зеленый оазис в сухой степи, успешно выдерживающий удары стихии. Здесь и расположен Научно-исследовательский институт сельского хозяйства центрально-черноземных районов им. В.В. Докучаева.

Важно отметить в научной работе В.В. Докучаева строгую системность его исследований, а также практическую реализацию полученных знаний. Работы В.В. Докучаева, П.А. Костычева, А.А. Измайловского фактически являются основой развивающейся в наши дни науки экологии. Ведь здесь все направлено на сохранение почвы, воды, флоры и фауны, на создание благоприятных условий для всего живого, включая и человека.

Работы В.В. Докучаева оказались весьма плодотворными. Его школа почвоведения долго лидировала в мире. На основе принципиальных положений учения В. Докучаева в XX в. были осуществлены крупные и широкомасштабные программы. И не будь мы столь одиоки и бессистемны в аграрной политике, воплощение их в жизнь могло бы обеспечить создание стабильного и эффективного земледелия в России. Это относится как к прошлому, так и к нынешнему столетию.

По данным Всероссийской переписи 1897 года, сельские жители составили 85% всего населения, а 74% жили за счет земледелия и животноводства. Уровень жизни был низким. Частыми были неурожаи и голод, охватывавший большие территории и уносивший много человеческих жизней. Особенно тяжелым был голод 1891 г. И не случайно В.В. Докучаев свою классическую работу "Наши степи прежде и теперь" предпослал словами: "Издание в пользу пострадавших от неурожая"⁵⁴.

Заключая краткий раздел об аграрной науке России второй половины XIX в., нельзя умолчать о Владимире Ильиче Ульянове (Ленине) (1870–1924). В его личности сконцентрировано многое, столь многообразна была его деятельность: экономист, философ, политик, государственный деятель, создатель крупнейшей Российской коммунистической партии (большевиков), профессиональный революционер. В период господства коммунистической идеологии любое отступление от духа и даже буквы, когда-то написанной им, строго каралось в нашей стране. Сейчас его имя чаще всего упоминается в негативном свете или же просто замалчивается. Но мы не можем быть Иванами, не помнящими родства. Хотя большевистские методы построения социализма и управления обществом связаны с морем крови невинных людей, с невообразимыми жестокостями и насилием, – это, к сожалению, наша история. И просто от нее отмахнуться нельзя.

Мы абстрагируемся здесь от политических, идеологических и философских сторон деятельности и работ Ленина. Возьмем только экономические работы 90-х гг. прошлого века. Трудно не заметить капитального труда В.И. Ульянова, изданного под псевдонимом "Владимир Ильин" – "Развитие капитализма в России" (1899). Эта работа базируется на огромном статистическом материале и вышла в свет через пять лет после выпуска Энгельсом третьего тома "Капитала" Маркса. Своим острым она направлена против народников и является убедительным документом, показывающим зарождение и рост капитализма в городе и деревне. В историческом плане капита-

лизм по сравнению с феодально-крепостническим строем – явление положительное, и сожалеть об уходе “доброе старого времени” в этом смысле безрассудно.

Автор “Развития капитализма в России” скрупулезно исследует возникновение специализации, формирование специализированных районов по тем или иным культурам, рост переработки сельскохозяйственного сырья, покупок машин, возникновение внутреннего рынка, все большее производство продукции для продажи, социальное расслоение деревни. Он пишет: “Капитализм впервые сломал эти чисто средневековые перегородки (речь идет о феодальной раздробленности производства и производителей. – А. Н.) – и прекрасно сделал, что сломал... впервые подорвал под корень отработки и личную зависимость земледельца”⁵⁹.

Ленин считает, что община не является препятствием для проникновения и развития капитализма в деревне, на что упорно ссылались народники, видя в общине панацею от всех социальных зол. Дело в том, что капитализм неуклонно наступает в силу объективных законов экономического развития. Он прорастал и в феодальное поместье, и в общину, и в хуторную систему фермерского типа. И задерживать его развитие не стоит. Другой вопрос: как бороться с негативными проявлениями капитализма? Ленин делал ставку на революционные методы, на углубление дифференциации крестьянства, на пролетарские слои деревни, их союз с городским пролетариатом. Но есть другой путь – эволюционный, путь кооперации, объединения крестьян против ростовщиков, монополистов и эксплуататоров. Да и с государством кооперация, будучи хорошо организованной, может померяться силами. На этот путь в свое время встало большинство развитых стран мира.

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

Крестьянская община – это исторический институт, появляющийся на определенных ступенях развития человечества. Б.Д. Греков писал: “С распадом родовых отношений у многих народов возникает сельская община как переходная ступень от родовой организации к политической”⁶⁰. Общину знают практически все народы мира. Она не является чем-то специфически русским, присущим только одной России. В свое время славянофилы и народники пытались в этом уверить общество для обоснования русского особого пути развития, особого решения аграрного вопроса, особого менталитета русского крестьянина. Дело в том, что в России она дольше других стран задержалась, позднее здесь изживались феодальные элементы, медленнее шло капиталистическое развитие.

В XIX и XX вв. община стала разменной картой в борьбе различных политических сил. Характерно, что крайности здесь сомкнулись: как реакционеры во главе с Победоносцевым, так и социалисты, ратовали за сохранение и укрепление общины, но с диаметрально противоположными целями: одни видели в ней сохранение устоев самодержавия, православия и народности, а другие – быстрейший путь к социализму.

Что же представляет собою община в действительности, каков путь ее эволюции и как эта эволюция преломлялась в реальных условиях России?

Документальные сведения о восточно-славянской общине уже имеются за VII–XI вв. в “Русской Правде”. В отличие от первоначального кровно-родственного союза людей, или крупного кровно или брачно-родственного коллектива, она – община, или вервь, представляла собою состоящий из больших и малых семей соседский коллектив, куда входили как связанные, так и не связанные брачно-родственными узами семьи. Уже в это время первичной общественной единицей выступает малая семья с одним общим жилищем, большие семьи постепенно отмирают. Становится правилом экзогамия.

Община – вервь – выполняла производственные, социальные, политические и судебные функции. О производственной стороне в “Русской Правде”, Новгородской летописи и новгородских берестяных грамотах сведений мало. Однако это было само собой разумеющимся повседневным делом, без чего человек существовать не мог. Социальная функция выражалась в поддержании имущественного равенства и недопущении эксплуатации людей. Политическая роль заключалась в защите общины прежде всего извне. Суд вершился на основе обычного права.

Уже в IX–XII вв. община испытывала на себе давление трех нарождавшихся сил: во-первых, государства, выражавшего интересы князей и бояр и узурпировавшего у нее часть функций с возложением некоторых обязанностей; во-вторых, церкви, взявшей у общинных организаций оформление семьи, регулирование некоторых социальных вопросов, и, в-третьих, вотчины, под воздействием которой община теряет остатки своих доклассовых функций или даже разрушается.

О жизни, функционировании и роли сельской общины в XVIII – первой половине XIX в. имеется очень много документальных данных, включая протоколы общих собраний, мирские приговоры по различным губерниям Европейской России. Более 30 мирских приговоров 1713–1760 гг. сохранилось по вотчине князей Долгоруких с центром в с. Лежневе Суздальского уезда Владимирской губернии⁶¹. Обильная документация имеется по вотчине с. Писново Нерехтского уезда Костромской губернии⁶². Также – по вотчинам А.Г. Орлова⁶³, и многим другим. Если кратко суммировать имеющиеся материалы, то жизнь общины того периода выглядит следующим образом.

Решения мирских приговоров во многом зависели от воли помещика. В некоторых общинах вся внутренняя жизнь регламентировалась вотчинным управлением, назначенным самим феодалом, в других – мирскими представителями, разумеется под общим руководством феодала, а кое-где эти два принципа сочетались.

Если важнейшие вопросы крестьянской жизни решались, обсуждались и предложения утверждались общим мирским сходом, то более мелкие, текущие дела возлагались на избранное правление. Оно же (старосты, позднее бургомистры) занималось судебными делами. Подготовку предложений для общих сходов, списки кандидатов в рекруты готовили специальные комиссии. Мирские комиссии разбирали различные жалобы, проводили ревизии. Помещики издавали различные “уложения”, “наказы”, требовали повинностей старостам и бургомистрам. Жалобы крестьян на бургомистров были разрешены, но это было делом рискованным: если жалоба признавалась “не дельной”, то челобитчика, как “кляузника” подвергали телесному наказу.

нию.⁶⁴ С незначительными делами было запрещено обращаться в домовую контору феодала. Орловы рекомендовали на сходах избирать в правление “способных, верных, умных и совестных” людей.

Из всего сказанного видно, что община в то время имела двойственный характер: она была, с одной стороны, орудием частнофеодального управления, а с другой – органом защиты интересов крестьян перед феодалом и царской администрацией. Вместе с тем община – сословный институт крестьян. Она выполняла многочисленные хозяйственные, фискальные, административные, социальные и бытовые функции. Она регулировала все многообразие крестьянской жизни.

Реформа 1861 г., как известно, общину сохранила, хотя дискуссии по этой проблеме были. Закреплялось общинное землевладение крестьян и подтверждалась сословная обособленность крестьянства. Первый председатель редакционных комиссий по подготовке актов реформы писал, что “общинное устройство теперь... для России необходимо”, во-первых, потому, что “народу нужна еще сильная власть, которая заменила бы власть помещика”, во-вторых, потому, что “без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство своих податей и повинностей”⁶⁵.

О земской реформе и местном самоуправлении уже говорилось во второй главе. Посмотрим, как это выглядело в жизни при реализации законов и положений 1861 г. Возникла двухъярусная система крестьянского самоуправления, остававшаяся строго сословной. Низший уровень – сельская община, а также общество, объединявшие всех домохозяев села или несколько мелких деревень. Высший орган – мирской сход, представленный всеми главами семей, решал вопросы местной жизни и принимал соответствующие постановления о пределах земли, раскладке и взимании денежных сборов и других повинностей, благоустройстве села, избирал старосту, а при необходимости еще и сборщика податей, полевых и лесных сторожей, писаря.

Несколько сел, общин или обществ составляли волость – высшую ступень крестьянского самоуправления. Время от времени собирался волостной сход, в котором участвовали все старосты и выборные по одному от каждого десяти домохозяев. Сход избирал волостного старшину и решал другие вопросы местной жизни. Старшина выполнял постановления схода и указания более высокого начальства: мирового посредника, исправника, судебного следователя, объявлял законы и распоряжения правительства, обеспечивал безопасность, ведал денежными средствами, наблюдал за отбыванием повинностей, содержанием дорог и мостов на территории волостей.

При волостном старшине состояло волостное правление в качестве совещательного органа. В него входили все сельские старосты и сборщики податей. Волостной суд избирался из крестьян на сходе. Он разбирал всякие жалобы, тяжбы между крестьянами, выносил приговоры, которые обжалованию не подлежали. Старшина в дела суда не имел права вмешиваться, но наблюдал за исполнением приговоров. Все делопроизводство волости, включая и суд, вел писарь. От этого человека, на фоне низкой грамотности крестьян и даже выборных лиц, зависело многое в решении местных вопросов.

Над крестьянским самоуправлением стояла целая иерархия начальства из дворянских кругов: мировые посредники, губернское присутствие по кре-

стьянским делам, Главный комитет по крестьянскому делу, департаменты и Государственный совет с его структурами.

Особое место занимали мировые посредники. Эта должность была установлена в 1861 г. Они подбирались из дворян, назначались Сенатом на 3 года, а затем стали несменяемыми. Всего по России было 1 700 мировых посредников, по несколько на каждый уезд, то есть на посредника приходилось несколько волостей. В их обязанности входил контроль за реализацией положений аграрной реформы 1861 г., рассмотрение жалоб крестьян на помещиков и разрешение споров между ними, формирование органов крестьянско-общинного самоуправления и надзор за их деятельностью. Обладали они по отношению к крестьянам и судебно-полицейской властью. Обжаловать решения мировых посредников можно было только перед их уездным собранием с участием представителя правительства. Поначалу мировыми посредниками было выдвинуто много прогрессивных деятелей, искренне борющихся за интересы крестьян. Так, в этой должности был Л.Н. Толстой, декабристы А.Е. Розен и Г.С. Батеньков. С усилением реакционного курса состав мировых посредников стал меняться, а в 1874 г. этот институт был упразднен.

Со второй половины 60-х гг. началось наступление на крестьянскую демократию. Выступавших на мирских сходах с прогрессивными и антипомещичьими предложениями называли "подстрекателями", "говорунами", "зачинщиками", нередко их репрессировали, выселяли. Постепенно крестьянское самоуправление подпадает под сильное влияние вышестоящего начальства и становится фактическим орудием в руках исправников, предводителей дворянства и других чуждых интересам крестьянства сил. Распространяется взяточничество и вымогательство.

Никакой существенной свободы крестьянин не получил. Вместо прикрепления к помещику он стал прикрепленным к общине. Первые девять лет после акта 19 февраля 1861 г. крестьянин не имел права отказываться от надела. Выход из общины был практически невозможен. Все повинности за выходящего должны были исполнять оставшиеся члены общины. Свобода передвижения была ограничена паспортным режимом.

Главная же особенность общины состояла в том, что крестьянин не являлся собственником земли. Потому и речь идет о поземельной общине. В основе распределения земли лежал уравнительный принцип. Суть его, казалось бы, соответствует требованиям социальной справедливости: обеспечить каждой крестьянской семье или домохозяйству равные экономические возможности. Поэтому пахотные, луговые и лесные угодья распределялись так, чтобы всем было поровну в расчете на рабочую силу или дупу, чаще только мужскую. Если при крепостном праве переделы земли проводились от ревизии к ревизии (с 1719 по 1857 г. было 10 ревизий), то после реформы они стали гораздо чаще. Росла численность сельского населения, семьи делились. Если менялась меньшая часть состава общины, то передел считался частным, если же большая – общим. Размеры наделов становились меньше, так как от частновладельческих имений земля для родившихся больше не партелась. Росла чересполосица, дальнеполосица. Основной же порок состоял в том, что у крестьянина не было никакого стимула улучшить землю.

ибо у него не было уверенности и правовой гарантии, что имеющиеся в данном году полосы останутся и закрепятся за ним надолго. Поэтому более сильные и зажиточные семьи стремились уйти от власти общины, выделиться из нее, получить самостоятельный, собственный надел, отруб или хутор. И в ряде губерний России расширяется подворная, или хуторская, система земле-владения и расселения, хотя этот сектор был еще очень мал.

В 80–90-е гг. XIX в. царское правительство предприняло меры по укреплению общины в целях сохранения патриархального строя и противодействия развитию капитализма в деревне. Принимается ряд законов, ужесточающих режим закрепления крестьян за общиной. Так, в 1886 г. ограничиваются семейные наделы. В 1889 г. вводится институт земских начальников из числа помещиков, получающих практически неограниченную власть над крестьянским миром. Законом от 14 декабря 1893 г. запрещается выход крестьян из общины. Этим попирается положение 1861 г., в соответствии с которым крестьянин мог выйти из общины без ее согласия при условии погашения выкупных платежей за землю. Тогда этим кое-кто воспользовался, теперь же выход стал возможным лишь при согласии общины, а следовательно, и земского начальника. Но последнему поручено охранять “основы” и, прежде всего, крепить общину. Этот же закон запрещает продажу, залог и дарение земельного надела лицам, не приписанным к сельской общине. Таким образом, правительство стало на путь репрессивных мер в целях сохранения общины. Не предвосхищает ли все это меры, которые обрушатся на крестьянина во второй половине XX в.?

Положение крестьянства остается тяжелым. Не забыт жестокий 1891 г. Новые неурожай и голод разразились в 1901 г. В 1902 г. начались крестьянские волнения в южных губерниях России. Правительство начинает понимать необходимость принятия крупных мер по крестьянскому вопросу. Создаются новые комиссии. Готовятся новые предложения. И опять обостряются дискуссии вокруг судьбы крестьянской общины. В наследство новому, XX в. переходит болезненно требовавший своего разрешения судьбоносный для России узел аграрных проблем, включая и вопрос об общине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.: Огиз, 1948. Т. 2. С. 149–154; 158–160.
2. БСЭ. 3-е изд. Т. 4. С. 112–113. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.: Огиз, 1948. С. 186–188.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 3. С. 248.
4. Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 80.
5. Сельскохозяйственный промысел в России. Пг.: Изд. Департамента земледелия, 1914, ч. 2. С. 125.
6. Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 80.
7. Лященко П.И. С. 90.
8. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов. М.: Наука, 1991. С. 89.
9. Лященко П.И. С. 68.
10. Там же. С. 82–83.
11. Там же. С. 87.

12. Там же. С. 86.
13. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 9. С.487.
14. Сочинения Н.Г.Чернышевского. Статьи по крестьянскому вопросу. (Современник 1857-1858). Спб., 1905. С. 685.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 3. С. 210-213.
16. Энгельгардт А.Н. Из деревни. М.: Мысль, 1987. С. 193.
17. Там же. С. 166-167.
18. Там же. С. 448.
19. Там же. С. 190.
20. Там же. С. 381.
21. Там же. С. 369.
22. Советов А.В. Избр. соч. М.: Сельхозгиз, 1950. С. 239-240.
23. Там же. С. 240.
24. Там же. С. 325.
25. Стебут И.А. Избр. соч. М.: Сельхозгиз, 1956. Т. 1. С. 39-40.
26. Там же. С. 41.
27. Там же. С. 59.
28. Менделеев Д.И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М.: Изд. АН СССР, 1954. С. 527-531.
29. Там же. С. 533.
30. Там же. С. 533-537.
31. Там же. С. 535.
32. Там же. С. 537-539.
33. Там же. С. 543.
34. Там же. С. 541.
35. Там же. С. 548.
36. Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства. Опыт руководства... Спб.: Изд. Девриена, 1875.
37. Там же. С. 5.
38. Там же. С. 7.
39. Там же. С. 77-214.
40. Там же. С. 215-399.
41. Там же. С. 400-481.
42. Скворцов А.И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава, 1890. С. 698.
43. Азребоц Ф. Основы сельскохозяйственной экономики. Спб.: Изд. Девриена, 1912.
44. Лаур Е. Экономика сельского хозяйства. М.: Кооперат. изд., 1926.
45. Бринкман Т. Экономические основы сельскохозяйственных предприятий. М.: Экономическая жизнь, 1926.
46. Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.:М.: Книга, 1926.
47. Скворцов А.И. Основы экономики земледелия. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. Т. 1. С. 18.
48. Там же. С. 25.
49. Там же. С. 28.
50. Там же. С. 48.
51. Там же. Т. 2.
52. Там же. Т. 3, 1926.
53. Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Спб.: Изд. Девриена, 1914.
54. Там же. С. 8.
55. Там же. С. 9.
56. Там же. С. 18.
57. Слово о земле. Речь А.С.Ермолова в клубе общественных деятелей 7 апреля 1907 г. Спб. 1907.
58. Докучаев В.В. Избр. соч. М.: Сельхозгиз, 1949. Т. 2. С. 163.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 3. С. 313-314.
60. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. М.:Л.: Изд. АН СССР, 1946. С. 65.
61. ЦГАДА. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1, 5, 7-9, 13, 16, 30, 31, 31об, 51, 54; Д. 28. Л. 1об; Д. 81. Л. 2об-4об; Д. 88. Л. 1.
62. ЦГАДА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 781, 912.

63. ЦГАДА. Ф. 1384. Ф. 1273. Оп. 1,2. Ф. 1454. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-14. Д. 15. Л. 1-3. Д. 728. Л. 1-22. Д. 72. Л. 1-19. Д. 82. Л. 1-25. Д. 115. Л. 1-64. Д. 344. Л. 1-IV, 1-66. Д. 368. Л. I-3. 3-56, Д. 467. Л. 1-43.
64. ЦГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 28. Л. 7об-9об. Д. 113. Л. 27об; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 508. Л. 66; Д. 510. Л. 18-20.
65. Материалы редакционных комиссий. 2-е изд. Спб., 1889. Т. 1. С. 250. 66. БСЭ. 3-е изд. Т. 16. С. 322.

Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его – крестьянство слабо.

Сергей Виште

ГЛАВА 4. АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И НАУКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые два десятилетия XX в., как и все столетие, наполнены для России крупнейшими и драматическими событиями. Это и бессмысленная русско-японская война, и революция 1905 г., и первая мировая война, и две революции 1917 г., и братоубийственная гражданская война. На эти десятилетия приходится эксперимент планетарного масштаба по созданию на одной шестой части земли нового, социалистического общества. И несмотря на все эти бурные события, повседневная жизнь людей шла, люди работали, стремились развивать экономику и культуру, приобщаться и адаптироваться к новым условиям. Что же происходило в сельском хозяйстве?

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сельское хозяйство продолжало испытывать влияние реформы 1861 г. со всеми ее плюсами и противоречиями. Росли объемы производства и экспорта, хотя и очень медленно, появились признаки интенсификации. Вместе с тем острее стала проявляться дифференциация среди крестьян, разрастались социальные конфликты, выливавшиеся в местные бунты и восстания против помещиков.

Посевные площади всех культур по 71 губернии выросли с 88,3 млн. десятин в 1901–1905 гг. до 96,6 млн. десятин в 1911–1913 гг.¹ Если же взять валовой сбор и экспорт хлебов только по пяти культурам: пшенице, кукурузе, ржи, ячменю и овсу за три пятилетия, то картина будет такая². (табл.4.1)

Таблица 4.1

Годы	Производство хлебов		Экспорт хлебов	
	млн. пудов	%	млн. пудов	%
1895 – 1900	3,03	100	446,9	100
1901 – 1906	3,52	116	483,3	108
1907 – 1912	3,98	131	653,6	146

Как видно, за указанный период производство выросло почти на одну треть, а экспорт поднялся значительно выше.

Сельское хозяйство России в 1913 г. давало больше половины национального дохода (51,4%), тогда как промышленность – 28,0; строительство – 4,1; транспорт – 7,9; торговля и связь – 8,6%. В денежном выражении производство сельскохозяйственной продукции составляло 8 792 млн. рублей. Общий объем национального дохода был 17 108 млн. руб., а в расчете на душу населения – 102,2 руб. В это же время на душу населения в Англии было

463 руб., Германии – 292, Франции – 355 и США – 695 руб³. Несмотря на рост производства и его товарность, Россия была отсталой аграрной страной. (К сожалению, разрыв в уровне производства на душу населения между Россией и развитыми странами мира сохранится и в последующие годы и десятилетия.)

Увеличилось поголовье скота. По подсчетам П.И. Лященко, с 1900 по 1913 г. поголовье лошадей возросло с 19,7 до 22,8 млн., крупного рогатого скота соответственно с 31,7 до 31,9 млн., свиней – с 11,7 до 13,5 млн., а численность овец уменьшилась с 47,6 до 41,4 млн. голов. В расчете же на душу населения поголовье продуктивного скота заметно снизилось⁴. Увеличилось число безлошадных крестьянских хозяйств.

Расширилось применение техники и удобрений. Если общая стоимость используемых машин в 1900 г. составляла 27,9 млн. руб., в 1908 г. – 61,3 млн.; то в 1913 г. – 109,2 млн. руб., из которых на 48,9 млн. руб. было импортных⁵. Об уровне технического оснащения можно судить по данным учета 1910 г.: в России применялось 6 млн. железных и 3 млн. деревянных плугов, 7,9 млн. деревянных сох, 15,9 млн. деревянных борон с железными зубьями, 490 тыс. железных борон, 27 тыс. паровых молотилок⁶. Что касается минеральных удобрений, то в 1900 г. их было ввезено 6 млн. пудов, а в 1912 г. – 35 млн. пудов, да в России произведено 3,2 млн. пудов фосфатных туков⁶.

Вследствие отсталой технологии, преобладания трехпольной системы, неупорядоченного землеустройства и фактической обезлички при общинной собственности на землю с частыми переделами урожаи в России были низкими. В среднем за 1909–1913 гг. зерновых собрано по 45 пудов с десятины (около 7 п/га), тогда как во Франции – 90, в Германии – 152 и в Дании – 195 пудов с десятины. На душу населения в хлебэкспортирующей России производилось по 26 пудов, тогда как в США – 48 и в Канаде – 73 пуда⁷. Низкой была и продуктивность животноводства, хотя и по этому показателю в производстве экспорт возрастал. Общая стоимость экспортной продукции в 1911–1913 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. увеличилась в 1,5 раза, в том числе по зерну – в 1,3 раза, по продукции интенсивных культур – в 1,8 и по животноводческой продукции – в 2,4 раза⁸. Характерно, что очень большую долю в экспорте занимает сырье. Так, за 1909–1912 гг. по 27 льноводческим губерниям было собрано 24 млн. пудов льноволокна, из них 14,7 млн. отправлено на экспорт, 3,4 млн. пудов поступили на российские текстильные фабрики, а 6 млн. пудов использовано в домашних условиях⁹.

Под влиянием неурожая и крестьянских волнений 1901 г. правительство создает комиссии и комитеты, проводит различные совещания по аграрному вопросу; создается “Комиссия по исследованию причин оскудения центра”, в 1902 г. – “Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах”; тогда же созывается “Особое совещание о нуждах крестьянской промышленности”. Председателем “Особого совещания...” был Сергей Юльевич Витте, экономист, крупнейший государственный деятель России конца XIX и начала XX в. Работы этого совещания, его протоколы и особенно обобщающая записка самого С.Ю. Витте¹⁰ на имя императора представляют большой научный и практический интерес. Они показывают эволюцию взглядов

Витте на аграрный вопрос. Ценны тем, что опираются на данные губернских и других местных совещаний, на весь потенциал земской статистики. В 49 губернских комитетах работало более 11 тыс. человек. Рекомендованные "Особым совещанием..." меры позднее были положены в основу аграрной реформы, проведенной под руководством П.А. Столыпина.

В "Записке" Витте рассматривает вопросы о землепользовании, личной собственности, местном самоуправлении, суде и сословном состоянии крестьян, останавливаясь на особенностях крестьянской общины в современных условиях, аргументирует необходимость и пути изменений в этих сферах жизни крестьян прежде всего. Он, Витте, пишет, что "переход от общинного владения к личному желателен, но без каких-либо принудительных к тому мер; равным образом недопустимо и принудительное удержание отдельных крестьян в общине, и поэтому каждый из ее членов должен иметь право выделить свою часть в личное владение независимо от согласия остальных"¹¹. И дальше: "Если способ общинного владения крестьяне признают для себя выгодным, то надлежит их оставлять при таком порядке владения. Но вместе с тем не должно искусственным покровительством системе общинного владения преграждать крестьянам путь к общему и отдельному выходу из общинного порядка"¹².

Общине пели дифирамбы левые и крайне правые за то, что она якобы препятствует пролетаризации деревни, что уравнительный порядок соответствует принципам справедливости. По массовым данным местных комитетов, как пишет Витте, "община не предупреждает развития пролетариата, а ведет к постепенной общей пролетаризации населения... к быстрому изменению отдельных владений... надел не в состоянии ни прокормить, ни занять рабочих рук живущей на нем семьи... временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры... временность владения воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы вспахать побольше, хотя и как-нибудь... незначительной распаханкой уничтожаются кормовые угодья, а те, что остаются, лишены всякого ухода... увеличивается пространство неудобных земель в виде заболоченных или заиленных лугов, истощенных и обратившихся в пустыри пашен, разединенных оврагами склонов, балок, обнаженных пахотой песков, заросших порослью и мхом сенокосов и пастбищ"¹³.

Этим выводам трудно не верить, они построены на массовых наблюдениях. Дальнейшая история уже в период колхозно-совхозной системы показала, что названные Витте в начале века негативные процессы с землей, ставшей общей, национализированной, а фактически лишьей, пошли вглубь и вглубь, приняв угрожающие масштабы. Таким образом, общинно-уравнительное землевладение перестало быть прогрессивной формой в конце XIX и начале XX в., стало тормозом развития села.

Далее Витте рассматривает вопрос о соотношении общины и кооперации. Зачастую в научной полемике тех лет раздавались голоса о том, что община якобы чуть ли не кооператив. К тому времени на Западе крестьянская кооперация уже получила широкое распространение, и, характеризуя ее, Витте пишет, что "основанием земледельческих коопераций... является твердое право собственности... доля участия в доходах... свобода вступления и

выхода из союза... сознательное чувство общности экономических интересов, возможное лишь в условиях высокой культурности... все эти условия совершенно отсутствуют при уравнительном землепользовании... общинное владение менее всего воспитывает общественные чувства; напротив того, порождает скорей эгоизм и, что еще хуже, индифферентное, почти апатичное, отношение к делу, вообще общинное землепользование не соответствует формам свободного труда и свободных рабочих коопераций, оно – враг всякой свободной ассоциации”¹⁴. И дальше: “...кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности. В порядке эволюционном общинное землепользование составляет одну из первичных ступеней, естественную и даже полезную в условиях примитивного земледелия и неразвитого гражданского строя, неспособного обеспечить индивидуальные права”¹⁵.

Высказывалось также мнение о том, что община является препятствием для возникновения латифундий, что это – гарант устойчивости мелкокрестьянского производства. Но ведь на деле имеются правовые и другие общезвестные нормы защиты мелкого производства. Витте резюмирует, что “не следует ни понуждать к переходу в личное владение, ни препятствовать... община должна быть союзом добровольным, а не принудительным...”¹⁶

Говоря об имущественных правах, семейной или индивидуальной собственности, Витте пишет, что личное начало “является условием, без которого немислимо развитие экономического благосостояния нашего крестьянства, ибо поступательное движение материальной культуры основано на личной предприимчивости, личной трудоспособности, личном умении и личном расчете”¹⁷. Известно, что примитивный экономический строй ослаблял значение личного начала. Патриархальная семья, много семейный двор обуславливали коллективность владения. Но обстоятельства изменились: натуральное хозяйство заменяется денежным, наделная земля не стала единственным источником существования крестьянина, расширились отхожие промыслы и несельскохозяйственный труд, при экстенсивном ведении хозяйства прожить трудно, возросла ценность земли и “вообще установился тот экономический строй, в котором личное начало приобретает первостепенное значение”¹⁸.

Витте радуется за предоставление крестьянам всех прав и свобод. Поэтому “выход совершеннолетних крестьян из общества и временные отлучки по паспортам должны быть поставлены вне всякой зависимости от согласия мира, сельских властей, домохозяина и родителей, как в настоящее время”¹⁹.

Витте требует прекращения всякой сословной обособленности крестьян. Волость, по его мнению, должна быть территориальной единицей общего характера для людей всех сословий, проживающих в границах этой территории; не нужны и волостные крестьянские суды, которые руководствуются обычным правом, а не законом; для граждан всех сословий должен быть один закон; сословные особенности сохраняются лишь там, где это обусловлено производственными обстоятельствами.

С.Ю. Витте испытывал на себе влияние Н.Х. Бунге, и об этом он пишет в своих воспоминаниях: “...мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, почтеннейший ученый и деятельный по крестьянской реформе 60-х годов. Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз эко-

номического развития крестьянства – это средневековая община, не допускающая совершенствования. Он был ярый противник общины. Более всего меня просветили ежедневно проходившие перед моими глазами цифры, которыми столь богато Министерство финансов и которые служили предметом моего изучения и анализа...”²⁰ И дальше: “Я составил себе также совершенно определенные мнения, в чем заключается беда и как ее нужно лечить. Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его – крестьянство слабо”²¹.

Здесь же, в воспоминаниях, обобщая свой опыт на посту министра финансов и председателя Кабинета министров и оценивая свою роль в подготовке аграрной реформы, Витте рассуждает о закономерной исторической необходимости устранения принудительности крестьянского труда: “...экономическая и политическая мощь страны заключается в трех факторах производства: природе, природных богатствах, капитале, как материальном, так и интеллектуальном, и труде”²². Но труд, в свою очередь, связан с собственностью. Поэтому надо освободить крестьян от всякой принудительной зависимости как от общины, так и от других феодальных и сословных пережитков.

Недовольство среди крестьян нарастало. Назревала революционная ситуация. Царское правительство начало форсировать подготовку к реформе. Осенью 1905 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием в кабинете Витте Н.Н. Кутлер начал подготовку проекта “принудительного отчуждения” за выкуп части частновладельческих земель²³. Это вызвало пелую бурю среди дворян. На своем съезде 4 января 1906 г. предводители дворянства категорически отвергают предложения Кутлера и выдвигают свои предложения: а) взять курс на переход крестьян к подворному и хуторскому хозяйству; б) форсировать продажу казенных, монастырских и удельных земель по существующим ценам; в) расширить деятельность крестьянского банка по перепродаже частновладельческих земель; г) поощрять переселение крестьян из густонаселенных и малоземельных губерний в Сибирь и Среднюю Азию²⁴.

Еще раньше, в ноябре 1905 г. был издан царский манифест, которым отменялись крестьянам выкупные платежи с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 марта 1907 г. полностью. Дело в том, что эти платежи экономически привязывали крестьян к общине, лишали их возможности выхода из нее. Кроме того, с самого начала эти платежи были весьма обременительны. Таким образом, практически все было подготовлено к новой реформе, нацеленной на всемерное развитие в российской деревне капиталистических отношений.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА

Эта реформа связана с именем Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), председателя Совета министров России с 1906 по 1911 г. О его личности, взглядах, практической деятельности и месте в истории России высказываются самые крайние, диаметрально противоположные и взаимоисключающие суждения, от резко негативных до апологетических. Так было при его жизни, так продолжается и сегодня. И если в прошлом советская историография представляла его крайним реакционером, вспятым, то последнее время ему приписыв-

вают роль великого государственного деятеля, полагая, что, отведи ему судьба долгую жизнь, он обеспечил бы стране неуязвимую экономическую и политическую мощь, процветание и благоденствие. Как известно, пуля Богрова, двойного агента, получавшего исправно жалование в охранном отделении и одновременно состоявшего в революционной террористической организации, помощника присяжного поверенного и сына богатого киевского домовладельца, оборвала жизнь Столышина, когда ему не было еще и 50 лет.

Неоднозначно отношение и к осуществленной им аграрной реформе. Крайне правые и социалисты с самого начала ее отвергали (и сегодня эти крайности сходятся!); сторонники же ее в наши дни особенно старательно доказывают ее закономерность и последовательный характер и видят возможность ее завершения в новых условиях, в новых попытках решить земельный вопрос.

Полярность точек зрения по вопросу о собственности на землю особенно четко выразилась в полемической переписке Л.Н. Толстого с П.А. Столышиным, хотя они дружили и были близки семьями. Л.Н. Толстой упрекал Столышина и писал ему: "...несправедливость состоит в том, что как не может существовать право одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею". (К этой позиции Л.Н. Толстого примыкают взгляды социалистов и коммунистов, наиболее непримиримых противников и критиков Столышина.)

П.А. Столышин отвечал Льву Николаевичу: "Вы считаете злом то, что я считаю благом для России. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян и создает все наше неустройство. Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п., и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей. Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств... Смешно говорить этим людям о свободе или свободных. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным... Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения... Как же буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и главное – греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем..."²⁵

В наши дни полемика на страницах печати и с трибун различных форумов идет примерно по такому же сценарию. Противники частной собственности особенно яростно выступают против купли-продажи земли, заявляя, что ею нельзя торговать так же, как своей родиной и собственной матерью. В обществе, где царит беспредел, законы не выполняются, народ нищает и, как метастазы раковой опухоли, разрослись коррупция и мафиозные структу-

ры, – это действительно опасно. Но для цивилизованного правового государства частная собственность на землю наряду с государственной – норма.

Столыпинская реформа ведет свой отсчет с 9 ноября 1906 г., когда был издан соответствующий Указ. Позднее, 14 июня 1910 г., после утверждения III Государственной думой и Государственным советом, он стал законом. Суть и методы реформы лучше всего изложить словами самого П.А. Столыпина. Ее цель состоит в том, утверждал он, чтобы сделать “...крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там... просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тисков... в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему... собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже нежизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная”²⁶.

Собственность понималась Столыпиным в полном ее смысле: “Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту, он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее”²⁷.

Община сама по себе не ликвидируется административно, “отменяется лишь насильственное прикреплении крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда”²⁸.

Столыпин считает, что “государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью... является крестьянство... все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей”²⁹. Речь идет о льготных кредитах, о помощи в землеустройстве, строительстве, помощи в переселении. Дело ставится так, что “все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются”³⁰.

Столыпин критикует сторонников уравнительного подхода: “Нельзя ленивого равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному”³¹. Он резко выступает также против национализации земли как проявления насилия, и в речи на заседании Государственной думы 10 мая 1907 г. он произносит знаменитые слова, ставшие афоризмом: “...в деле этого нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовалось десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия (курсив наш. – А.Н.)”³².

Итак, крестьянская собственность на землю, свободный выход из общины, льготное кредитование, землеустройство и хуторное расселение, безупречный приоритет сельскому хозяйству за счет всего общества.

Вернемся к содержанию Указа от 9 ноября 1906 г. и процитируем некоторые его статьи³³.

“1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24-х лет... за каждым домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все участки общинной земли, состоящие в его постоянном пользовании...

3. Домохозяева... сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделываются на особых основаниях...

4. Требование об укреплении в личную собственность части из общинной земли предъявляется через сельского старосту обществу, которое по приговору, постановленному простым большинством голосов, обязано в месячный срок со дня подачи заявления указать участки, поступающие на основании ст. 2 и 3 в собственность домохозяина.

Если в течение указанного срока общество такого приговора не постановит... то все означенные действия исполняются на месте земским начальником...

12. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответствующий участок по возможности к одному месту.

13. В тех случаях, когда требование о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел оказывается неудобным и невозможным, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному соглашению, а при недостижении согласия – волостным судом...

18. Действие настоящих правил распространяется на крестьян всех наименований...”

Этот Указ дополнялся и уточнялся. Так, в законе от 14 июня 1910 г.³⁴ был специальный пункт, которым предусматривались меры против скупки укрепленных наделов в целях спекуляции: “...воспрещается в пределах одного уезда сосредотачивать путем покупки и принятия в дар надельную землю... свыше шести душевых, высших или указных наделов”.

В дополнение к закону от 14 июня 1910 г. был издан закон от 29 мая 1911 г. “О землеустройстве”³⁵. Этим законом расширялись права ранее созданных губернских и уездных землеустроительных комиссий, а также Комитета по землеустроительным делам. Эти комиссии наделались судебными функциями по разрешению земельных споров. Главные задачи их состояли в выделении земель, уничтожении чересполосицы, разграничении земельных владений. Всего с начала работы этих комиссий до 1915 г. поступило 5 793 тыс. ходатайств по производству землеустроительных работ, из которых было выполнено 3 509 тыс.

Всего только уездных комиссий, на которых ложилась основная тяжесть работ, было 463. В состав этих комиссий в качестве председателя входил уездный предводитель дворянства, председатель земской управы, член окружного суда, три представителя уездного земского собрания, три представителя от волостных сходов, представители волостей, где проводились землеу-

троительные работы. Руководил всеми работами непреходящий член комиссии, в ведении которого была канцелярия. Техническими землеустроительными работами занимались казенные землемеры, объединенные в землемерную часть.

Реформа Столыпина была рассчитана на 20 лет. Она была начата фактически в 1907 г. и отменена Временным правительством 28 июня (11 июля) 1917 г. Из 10 лет на мирное время приходится 7 лет. Каковы ее итоги? В.И. Ленин и большинство советских историков и экономистов считали, что она провалилась. Едва ли сегодня можно столь категорически и однозначно отвечать на этот вопрос. Ведь прав был Столыпин в том, что нужны были десятилетия упорной работы, преодоления некоторых традиций. Да реформа и не предполагала сплошного насаждения индивидуального хозяйства для всех регионов. Учитывался и различный уровень их экономического развития, и то, что по природе своей люди никогда все не смогут быть предпринимателями, да еще индивидуальными.

По состоянию на 1 января 1916 г. из общин вышло 2 478 тыс. домохозяев с 16,9 млн. десятин земли, что составляет 26% общинных крестьянских дворов и 15% общинных земель. Особенно интенсивным был выход в густонаселенных, малообеспеченных землях регионах. Лидировали западные губернии, особенно правобережные губернии Украины. Из 2 755 633 домохозяев по 40 губерниям европейской России, потребовавших землю в собственность, 1 489 980, или 54%, приходится на два первые годы реформы, 1907 и 1908 гг.³⁶ Очевидно, это наиболее предприимчивые крестьяне. Затем этот процесс стал затухать, особенно с началом войны.

По данным Вольного экономического общества за 1910–1911 гг., охватывающим 10 губерний Центрально-Черноземного и Средне-Волжского районов³⁷, можно судить о социальном составе крестьян, порвавших с общиной. Это прежде всего зажиточные домохозяева, стремившиеся вырваться из оков мира и самоутвердиться полноценными собственниками, а также люди, не желавшие заниматься вообще сельским хозяйством и решившие воспользоваться правом продать закрепленную за ними землю.

Земельный фонд реформы к ее началу составлял 9 млн. десятин. Кроме того Крестьянский банк располагал 2 млн. десятин. Этот банк в годы реформы резко усилил свою деятельность. Если за десятилетие, с 1896 по 1905 г., через него было продано 504 имения с 961 тыс. десятин стоимостью 68 млн. руб., то в следующее десятилетие, с 1906 по 1915 г. – 3 257 имений с 4 326 тыс. десятин на 465 млн. руб.³⁸ Крестьяне и товарищества купили за это время с помощью банка 4 868,4 тыс. десятин и прочие граждане – 1 043,4 тыс. десятин. Из земельного фонда в 1907–1916 гг. продано 54,6% отрубникам, 23,4% хуторянам, 17% сельским обществам и 5% прочим владельцам³⁹.

В итоге был создан слой предприимчивых самостоятельных крестьян в 2,5 млн. семей, стали интенсивнее развиваться сельская кооперация и банковская система, возрастали объемы производства и экспорта, строились перерабатывающие предприятия, расширялся внутренний рынок.

Значительный поток безземельных крестьян направлялся в Сибирь и районы Средней Азии. Осуществлялось освоение этих земель. При любой поли-

тической оценке реформы это следует считать весьма положительным и прогрессивным явлением. Однако критерии здесь уместнее применять не политические, а экономические. Для сравнения можно сказать, что переселенческое дело в то время было поставлено в финансовом и организационном отношении не хуже, а, пожалуй, лучше, чем через полвека освоение целины. Люди обеспечивались долгосрочным льготным кредитом, строительными материалами, транспортными услугами вплоть до специальных вагонов, приспособленных для перевозки семьи со скарбом и домашними животными.

При оценке личности П.А. Столыпина одинаково неуместны как очернительство, так и апологетика. Конечно же, он был монархист, непримиримый противник социалистических идей и особенно революционной практики с террором, поджогами и захватами имений и прочими якобинскими методами. Но парадокс в том, что царские охранники и крайне правые не менее повинны в его насильственной смерти, чем террористы-революционеры. Столыпин твердой рукой (как бы помня после многочисленных на него покушений о своей неизбежной гибели) вел государственное дело, болел за экономическую мощь России, последовательно проводил реформу, идеология которой была предначертана еще Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и прогрессивной частью дворянства. Роль Столыпина нельзя приуменьшать. Это был сильный, волевой, бесстрашный человек, полностью устремивший свою деятельность к достижению ясно осознанной цели.

В практической работе по аграрной реформе следует отметить роль Александра Васильевича Кривошеина (1857–1921), возглавлявшего Министерство земледелия России с 1908 по 1915 г. Он непосредственно ведал землеустроительными делами и осуществлял организационную работу. В 1920 г., будучи главой “правительства Юга России”, провел аграрную реформу в Крыму.

Так обстояло дело с аграрной реформой и политикой на государственном уровне. Но аграрным вопросом – коренным для условий России – занимались не только государственные органы. Крестьянским делом жили общественность, интеллигенция, возникшие политические партии. Поэтому наряду с правительственной программой существовали аграрные программы различных партий. И мира между ними не было, было много споров, взаимных обвинений, вражды. Как правильно заметил Б.Д. Брункус, “ожесточенная политическая борьба, завязавшаяся вокруг аграрного вопроса, не создала надлежащей атмосферы для спокойного обсуждения аграрных реформ”⁴⁰. Что же касается реформы Столыпина, то она, как уже было отмечено, вызвала яростные нападки с разных сторон.

АГРАРНАЯ МЫСЛЬ И АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Прежде чем излагать сами программы, хотелось бы сделать два предварительных замечания. Суть первого состоит в том, что главные споры велись по трем вопросам: а) за счет каких земельных ресурсов удовлетворить требования крестьян и ликвидировать малоземелье; б) как решить судьбу крестьянской общины, сохранять или разрушать и в) быть ли крестьянской собственности на землю или же ее оставлять за общиной.

Второе замечание сводится к тому, что ни одна партия, каждая из которых в свое время располагала реальными возможностями осуществить свою аграрную программу, не сделала этого. Кадеты имели большинство в I и II Государственных думах, но ни на йоту не продвинулись в это время со своей программой. Эсеры составляли компактное большинство в правительстве Керенского, имели популярную в народе программу, но ничего не сделали для ее реализации в ожидании Учредительного собрания и в итоге потеряли все. Большевики же имели крайне непопулярную программу, но для завоевания власти и привлечения на свою сторону крестьян попросту присвоили программу эсеров. Таковы парадоксы политической борьбы.

Теперь непосредственно о программах. Конституционно-демократическая партия народной свободы (кадеты) приняла основные положения аграрной политики в составе программы на учредительном съезде 12–18 октября 1905 г. Затем уточняла и дополняла ее на следующем съезде в 1906 г., особенно же при работе в Государственной думе, где в первых двух составах эта партия занимала лидирующее положение. К началу 1906 г. в ней состояло около 100 тыс. членов. Вокруг нее группировались преимущественно либеральная интеллигенция, профессоры. Председатель – профессор истории, ученик В.О.Ключевского Павел Николаевич Милоков (1859–1943). Активными членами были А.А. Кауфман, П.Б. Струве, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев, И.И. Петрункевич, В.Д. Набоков, Н.Н. Култер, братья Долгорукие и др. Председателем I Государственной думы был избран член партии кадетов профессор С.А. Муромцев, председателем II – также кадет – Ф.А. Головин. Печатный орган партии – газета “Речь”, которую редактировал И.И. Петрункевич. Не имея возможности рассматривать общеполитическую программу и деятельность кадетов, как и других политических партий начала XX в., ограничимся лишь изложением основных моментов аграрной программы. В целом же нужно сказать, что эта партия была не революционной, она стояла за эволюционный последовательно-постепенный путь развития, исповедуя принципы государственности и либерализма.

Основные положения аграрной программы кадетов сводилась к следующему.

“1. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как безземельных и малоземельных крестьян, а также других разрядов мелких хозяев-земельцев, государственным, удельным и кабинетскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства части частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке.

2. Отчуждаемые земли поступают в государственный фонд. Начала, на которых поступающие из этого фонда в надел земли будут переданы отдельным хозяевам-земельцам, общинам или другим союзам в полную собственность или только пользование, должны быть установлены сообразно с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России.

3. Широкая организация государственной помощи для переселения, расселения и устройства хозяйственного быта крестьян. Реорганизация межевого дела и другие меры для пользы благосостояния сельского населения и улучшения сельского хозяйства.

4. Упорядочение законом арендных отношений путем обеспечения права возобновления аренды, права арендаторов, в случае передачи аренды, на вознаграждение за произведенные, но неиспользованные к сроку затраты на улучшения и учреждение примирительных камер для регулирования арендной платы и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами.

5. Отмена действующих правил о найме сельских рабочих и распространение рабочего законодательства на сельскохозяйственных рабочих, применительно к техническим вопросам земледелия”⁴¹.

Итак, расширение крестьянского землепользования, отчуждение в пользу крестьян казенных, удельных, монастырских земель, а также части помещичьих за умеренную плату, учет региональных особенностей, государственная помощь, правовое обеспечение аренды и наемного труда.

Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919), выпускник Петербургского университета, профессор политекономии и статистики, был одним из главных идеологов кадетской партии по аграрному вопросу. Он – автор таких работ, как “Крестьянская община в Сибири” (1897), “Переселение и колонизация” (1905), “Формы хозяйства в их историческом развитии” (1910), “Статистика. Ее приемы и значение для общественных наук” (1911), “Аграрный вопрос в России” (1918). Кауфман видел суть решения аграрного вопроса в преодолении крестьянского малоземелья путем наделения землей на основе отчуждения казенных, удельных, пустующих, рентных, за исключением леса, а также части помещичьих земель за справедливое вознаграждение⁴².

Александр Иванович Чупров (1842–1908), видный экономист и статистик, близкий по идеологическим взглядам к кадетам, или, как его называли, “глава либерально-народнического направления” в экономической мысли, считал необходимым проведение реформ при сохранении одновременно и крупного землевладения и крестьянской общины. Он писал: “...Единственным надежным способом разрешить аграрный вопрос и открыть сельскому люду пути к благосостоянию является поднятие производительности земледельческого труда... Поэтому аграрная реформа должна быть проведена такими способами и приемами, которые не мешали бы осуществлению необходимых агрикультурных улучшений... Среди крестьян популярна мысль об экспроприации частновладельческих земель без выкупа... Было бы ошибкой думать, что прирезка земли сейчас же преобразит психику мужика”⁴³.

А.И. Чупров выступает за развитие образования и технической прогресс на селе, расширение перерабатывающей промышленности в деревне, постепенный переход земли к крестьянам, за крестьянскую кооперацию. Он пишет: “Не эти владельцы латифундий познакомят деревню с великим искусством добывать два колоса там, где прежде рос один, – искусством, без которого страна неизбежно придет к позорному банкротству, а те скромные труженики и труженицы, которые за грошовую плату тянут свою лямку не покладая рук в тиши сел и весей необъятной России и встречают в благодарность за святой труд лишь оскорбления, а часто и гибель личной жизни. Когда со всею яркостью представишь себе тесную связь измывательства, творимых над бедной русской интеллигенцией, с настоящим и грядущим упадком народного благосостояния, то невольно вырывается из груди крик отчаяния за будущность нашей несчастной страны”⁴⁴. Эти вырвавшиеся из глубины души слова взяты из статьи “Горькие мысли”, написанной в связи с увольнением и арестом московского земского агронома Алексея Зубрилина. Это слова, не утратившие актуальности и сегодня.

А.И. Чупров считает необходимым отчуждение большей части помещичьих земель в пользу крестьян. Он называет вандализмом и делом вредным как для государства, так и для самих крестьян раздел образцовых имений, таких как шатиловское в Орловской губернии, стebuтовское в Тульской, а также высокоинтенсивных свеклосахарных, винокуренных, маслодельных и

сыроваренных заводов с образцовым оборудованием. Но таких имений 2–3%, и в целом в начале XX в., например, в Московской губернии в 46% имений пашня вообще отсутствует, в остальных же она занимает 11,7%. Да и из этой площади половина сдается в аренду крестьянам. Аренда обычно погодовая, поэтому арендатор стремится урвать, но землю не улучшить. Поэтому отчуждать у помещиков землю необходимо⁴⁵.

Уже в I Государственной думе кадеты повели атаку на правительственную программу реформы. Их позиция была изложена в “Записке 42-х членов партии”⁴⁶. Борьба продолжалась во II и III Государственных думах. Главным вопросом было отчуждение помещичьих земель, на что правительство не шло. Позднее П.Н. Милюков писал: “Наш план мирной крестьянской реформы оставался красной тряпкой для дворянских зубров и мишенью для правительственных атак; самих крестьян наши “друзья-враги” настраивали против нас, обещая черный передел, социализацию земли, что угодно, только не мирный компромисс с участием государства и по “справедливой оценке”⁴⁷.

Депутаты-кадеты профессора А.А. Кауфман, А.А. Мануйлов (1861–1929), политэконом, преподаватель и ректор Московского университета; Н.А. Каблуков (1849–1919), экономист, статистик, а также Н.Н. Кутлер, С.А. Котляровский и другие аргументированно критиковали программу правительства, называя ее доктринерской, полицейской, в которой “чувствуются зловещие признаки невиданной гражданской войны”⁴⁸.

Кадеты не выступали против частной собственности на землю, против крупных культурных хозяйств, против выхода из общины. Но они категорически отвергали административный и принудительный путь. Община, по их мнению, должна подвергнуться исторической эволюции. Нельзя возбуждать деревню.

Андрей Иванович Шингарев (1869–1918), кадет, врач-повивчик, автор известной книги “Вымирающая деревня” (1901), единомышленник П.Н. Милюкова, министр во Временном правительстве, зверски убитый матросами и красногвардейцами в больничной палате 7 января 1918 г., в то время говорил: “...этот кошмарный аграрный вопрос в России обладает странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего огня”⁴⁹. По его предложению 25 марта 1917 г. был принят закон о хлебной монополии. О нем А.И. Шингарев сказал: “Это неизбежная, горькая, печальная мера – взять в руки государства распределение хлебных запасов. Без этой меры обойтись нельзя”⁵⁰.

Не возражая в принципе против фермерства, некоторые кадеты считали организацию фермерских хозяйств преждевременной. По их мнению, крестьянин не имеет средств для ведения хуторского хозяйства. По выражению депутата Родичева, это – невероятный “скачок в будущее”⁵¹. Это тот Федор Измаилович Родичев (1853–1932), выходец из дворян Тверской губернии, адвокат, лучший оратор партии, названный за темпераментные выступления “первым тенором партии Народной Свободы”⁵², который бросил с трибуны Государственной думы крылатые слова о “стольпинских галстуках”, но после объяснения с П.А. Столыпиным извинился и взял свои слова обратно. И тем не менее эти “галстуки” прочно вошли в литературу вплоть до “Краткого курса истории ВКП(б)”.

Аграрная программа кадетов была слишком радикальной для того, чтобы стать государственной в дореволюционные годы. Она могла бы стать такой, если бы устранила "левые" увлечения и, по выражению С.Ю. Витте, отрезала "революционный хвост"⁵³. Но она была слишком умеренной со своими призывами к эволюционному процессу в момент высочайшего накала страстей возбужденных крестьянских масс, да еще с оплатой отчуждаемой помещичьей земли крестьянами. В сложнейшей социально-политической обстановке 1917 г. этой партии не хватило столь необходимого понимания действительности, чтобы ее программа была воспринята и поддержана. Если со Столыпиным партия кадетов не могла найти взаимопонимания из-за отчуждения помещичьих земель и поддержки общины, то после октября 1917 г. она восстала против большевистских методов. Итог: декретом за подписью В.И. Ленина от 28 ноября 1917 г. кадеты были объявлены партией "врагов народа"⁵⁴ со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые не замедлили сказаться.

Всемерного внимания заслуживает аграрная программа Партии социалистов-революционеров – эсеров (ПСР). Прежде чем изучать ее, необходимо сказать несколько слов об этой партии. Она оформилась в декабре 1901 г. путем объединения ряда групп и организаций народнического направления. В течение четырех лет оживленно обсуждались программные положения на страницах официальных органов "Революционная Россия" и "Вестник русской революции". Программа принята на первом съезде ПСР, который состоялся на острове Иматра в Финляндии с 29 января 1905 г. по 4 января 1906 г. К концу 1906 г. в партии состояло 65 тыс. членов⁵⁵.

Во главе ПСР стояли Е.К. Брешко-Брешковская (1844–1934), В.М. Чернов (1873–1952), М.Р. Гоц (1866–1906), Н.С. Русанов (1859–1939), М.А. Натансон (1850–1919) и другие. В рамках партии действовала независимая от ЦК Боевая организация (БО), которая осуществляла террористические акты. Эту организацию возглавляли Г.А. Гершунн, провокатор Е.Ф. Азеф, затем Б.В. Савинков. В период революции 1905–1907 гг. ими проводилась кампания "аграрного террора" по поджогу усадеб, захвату имущества, вырубке лесов⁵⁶.

В Государственной думе ПСР занимала промежуточное место между социал-демократами и кадетами. Популярная после Февральской революции среди крестьян, она несколько утратила доверие из-за проволочек с аграрной реформой, откладывая ее до созыва Учредительного собрания. На выборах Учредительного собрания получила большинство голосов избирателей.

Идеологом ПСР, включая и аграрные вопросы, был Виктор Михайлович Чернов, уроженец города Камышина, из дворян, воспитанник юридического факультета Московского университета. Народоправец. Чернов – узник Петропавловской крепости, один из основателей Аграрно-социалистической лиги, а затем и ПСР. Долгие годы находился в эмиграции, занимаясь аграрной теорией. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Вернулся в Россию в апреле 1917 г. Будучи министром земледелия во Временном правительстве, противостоял правым силам в нем. Октябрьской революции не принял. Был избран председателем Учредительного собрания. В эмиграции с 1920 г. Пытался поддержать восстание в Кронштад-

те и крестьянскую войну на Тамбовщине. В годы второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления. Умер в США. Автор работ: "Собрание сочинений" (1917), "Наша программа" (1917), "Интернационал и война" (1915), "Марксизм и славянство" (1917), "Сквозь туман грядущего" (1917), "Записки социалиста-революционера" (1922), "Рождение революционной России" (1934), "Перед бурей" (1953). Суть своих воззрений высказал в речи на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. Он предлагал всю землю передать в общенародное достояние, считал земельную реформу фундаментом всех преобразований. "Социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете (не есть азартные и рискованные ответы на почве общего упадка, лишь ускоряющие разложение и разруху...), а это есть огромное строительство, развивающее одновременно производительные силы страны... производительную мощь его трудового населения"⁵⁷.

Чернов выступал против частной собственности на землю. Он писал: "...для социалиста в деревне нет ничего опаснее, как насаждение частной собственности, приучение мужика к мысли о праве торговать, барышничать землей... Поэтому партия эсеров, как социалистическая, должна увеличивать крестьянское землепользование на основе не личной, а социализированной собственности"⁵⁸.

Суть аграрной программы ПСР является ядром всей ее программы. Она выражена следующими словами: "В вопросах переустройства земельных отношений партия социалистов-революционеров стремится опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности – на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд. В согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне партия будет стоять за социализацию земли, то есть изъятие ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведение резервным земельным фондом и т. п.); пользование землей должно быть уравнительно-трудовым, то есть обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда, единичного или в товариществе; рента, путем специального обложения, должна быть обращена на общественные нужды; пользование землями и угодьями, имеющими не узко местное значение (обширные леса, рыбные ловли и т. д.), регулируется соответственно более широкими органами самоуправления; недра земли остаются за государством; земля обращается в общенародное достояние без выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования...

В вопросах общинного, муниципального и земельного хозяйства партия будет стоять за развитие всякого рода общественных служб и предприятий (бесплатная врачебная помощь и т. д.)"⁵⁹.

В архивных материалах партии левых эсеров за 1918 г. сохранилась статья М.А. Спиридоновой, комментирующая понимание идей программы “О социализации”. Но несколько слов об авторе этой статьи. Мария Александровна Спиридонова (1884–1941), из дворян Тамбовской губернии, еще в гимназии включилась в революционную деятельность, в 1906 г. была приговорена к смертной казни, над арестованной девушкой надругались жандармские офицеры. Ее жизнь, большая часть которой прошла в царских и советских тюрьмах и ссылках, оборвалась от пули энкаведистского палача 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу близ Орла. Она – авторитетный и признанный лидер левых эсеров⁶⁰. Вместе с тем это героиня-мученица.

Спиридонова пишет: “Земля, не будучи продуктом человеческого труда, не есть капитал сама по себе, хотя при существовании частной собственности на землю может служить средством эксплуатации. В мировоззрении трудовых крестьянских масс – земля или Божья или “ничья”.

Существование частной собственности на землю противоречит всему общинному укладу трудового крестьянского миропонимания.

Русское трудовое крестьянство, как и многие другие славянские племена, жило встарь “коммунальной” жизнью – “великой кучей”, “дворицами”, “печицами”, знает в своей истории круговую поруку, до сих пор сохраняло общину с уравнительными периодическими переделами земли.

Широкое развитие кооперации в русском крестьянском сельском хозяйстве, постоянная ожесточенная его борьба за землю и волю и все вышеуказанное еще раз подтверждает в наших глазах, что этот класс является могущественным отрядом единой международной армии труда, борющейся за свое освобождение, за социализм”⁶¹.

Из всего сказанного Спиридонова резюмирует: “Социализация земли заключается в: 1) отмене частной собственности на землю; 2) уравнильно-трудовом начале землепользования; 3) децентрализации в распоряжении и заведывании землей; 4) ряде мер экономического и юридического характера, направленных к переходу от единичного хозяйства к коллективному”⁶².

Программа ПСР по аграрным вопросам подвергалась острой критике как справа, то есть со стороны правительственных кругов и правых партий, включая кадетов, стоявших в центре, так и слева, со стороны марксистов. Петр Павлович Маслов (1867–1946), социал-демократ, в то время меньшевик, экономист, академик Академии наук СССР с 1926 г., назвал программу эсеров “реакционно-утопической программой мелшанского социализма”⁶³, “безжизненной, имеющей право на существование лишь в мечтах”⁶⁴.

В.И. Ленин от имени большевиков откликнулся следующими словами: “Старинное народничество, подновленное модным европейским оппортунизмом (ревизионизм, бернштейнничество, критика Маркса), составляет весь оригинальный идейный багаж так называемых социалистов-революционеров”⁶⁵.

Вот так легко и быстро расправились марксисты с эсерами. Что ж, язык у них был острый, ярлыки они наклеивать умели. Но сами-то в 1917 г. пошли к народу с программой эсеров за непригодностью собственной. В то же время в их критике есть много правды. Все-таки аграрная программа ПСР исходила из устаревшего представления о положении в сельском хозяйстве, особенно в отношении неприкосновенности общины. Диалектика развития

такова, что этот институт размывался, не стимулировал прогресса. Но силой, на которую во всем и всегда делали ставку марксисты-ленинцы, ничего в экономике и в обществе решать нельзя.

Важной вехой в развитии аграрной программы ПСР была ее деятельность в Государственной думе. Хотя I, III, IV созывы Думы эсеры бойкотировали, они влияли на обсуждение аграрных вопросов через думскую фракцию трудовиков – “Трудовую группу”. Эта группа состояла из крестьян и интеллигенции, отражавшей крестьянские интересы. Идеологи ПСР – В.М. Чернов, Н.И. Ракитников (1864–1938) выступали консультантами “Трудовой группы”. В I Государственную думу представлен был “Проект 33-х”, подписанный 33-мя депутатами (24 трудовика, 5 социал-демократов: 2 кадеты и 2 беспартийных). Он предусматривал отмену частной собственности на землю; равное право пользования землею для ведения сельского хозяйства, сооружения усадеб и промышленных заведений; выделение земли общинам, артелям и отдельным лицам в размере потребительной нормы, но не выше трудовой; право передачи земли по наследству; владение всеми земельными богатствами народным правлением и земством, избираемым общей подачей голосов. В общее управление передаются важнейшие лесные, рыбные и горные промыслы, а менее значительные ресурсы – отдельным лицам⁶⁶.

Вторую Государственную думу эсеры не бойкотировали и имели в ней 37 депутатов. Будучи неудовлетворенными “Проектом 33-х”, во II Думе они подготовили “Проект 104-х”, который подписали депутаты “трудовики”, эсеры, социал-демократы и беспартийные крестьяне. Это – компромиссный проект по соглашению названных фракций. Компромисс по сравнению с эсеровским проектом заключался в следующем:

Уравнительность землепользования достигалась прежде всего налоговым обложением изысков земли и переселением безземельных; поровнительные переделы предусматривались лишь в крайних случаях; отсутствовал прямой запрет аренды земли; устанавливалась очередность наделения землей в противоположность эсеровскому принципу равного права всех трудящихся на землю⁶⁷.

Трудовики во II Государственной думе вели активную работу. В большинстве своем это были крестьяне. Среди них не было юристов, экономистов, лиц с опытом государственной деятельности. Зато они выступали образно, с примерами из практики. Так, депутат А.Л. Караваев дважды выступал, пользуясь “языком цифр”, с докладами против правительственного проекта. Особенно ярким был его ответ на знаменитую речь Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 г.⁶⁸

Февральская революция 1917 г. внесла раскол в ряды ПСР. Из нее выделилась самостоятельная группа “народных социалистов – энесы” со своей программой. Они группировались вокруг журнала “Русское богатство”. Лидеры – Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933), земский статистик, автор работ по аграрному вопросу, неоднократно арестовывался, министр продовольствия в составе Временного правительства, в 1922 г. выслан из России, умер в Риге; Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, сотрудник “Русского богатства”, репрессировался царским режимом, Октябрьскую революцию не принял, в 1922 г. эмигрировал, умер в Праге; Николай Василье-

вич Чайковский (1850–1926), организатор народнического кружка “чайковцев” в 1869 г., был в эмиграции, сидел в Петропавловской крепости, оборонец, Октябрьскую революцию не принял, в 1919 г. эмигрировал, умер в Лондоне.

В аграрной программе энесов и эсеров общим было требование ликвидации помещичьего землевладения, отмена частной собственности на землю, трудовой принцип землевладения. Различие состояло в оценке роли государства, энесы отвергали социализацию и стояли за национализацию земли.

В июне 1917 г. энесы и трудовики объединились в единую Трудовую народно-социалистическую партию.

В этом же году, после Февральской революции произошел раскол в ПСР, окончательно оформившийся после Октябрьской революции, когда левые эсеры вошли в состав Советского правительства.

Лидеры левых эсеров: М.А. Спиридонова; Борис Давидович Камков (1885–1938), уроженец Бессарабии, выпускник Гейдельбергского университета, многократно репрессировался царским режимом, расстрелян 29 августа 1938 г. по делу “правотроцкистского блока”; Марк Андреевич Натансон, из мешан Виленской губернии, учился в Петербургской медико-хирургической академии и в Земледельческом институте, один из организаторов “Земли и воли”, многократно репрессировался, последовательный сторонник союза с большевиками, осудил левозероковский мятеж, умер в Швейцарии; Пропп Перчевич Проппян (1883–1918), из семьи писателя, учился на юридическом факультете Новороссийского университета, эсер с 1903 г., в первую мировую войну интернационалист, участник покушения на Мирбаху, умер в Москве от тифа.

Лидеры правых эсеров: Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943), из дворян, учился в Московском университете, активный противник Советской власти, умер в эмиграции, в США; Е.К. Брешко-Брешковская; Александр Федорович Керенский (1881–1970), из семьи директора гимназии в Симбирске, внук священника, выпускник юридического факультета Петербургского университета, приобрел популярность в качестве защитника на политических процессах, депутат IV Государственной думы от группы трудовиков, мавсон, премьер-министр Временного правительства, автор ряда работ, умер в Нью-Йорке; Борис Викторович Савинков (1879–1925), писатель, участник многих террористических акций, товарищ военного министра во Временном правительстве, враждебно встретил Октябрьскую революцию, покончил жизнь самоубийством после оглашения решения Верховного суда над ним.

Левые эсеры недолго сотрудничали с большевиками в правительстве. Хотя методы управления тех и других были близкими, те и другие были революционными экстремистами, но эсеры обвинили большевиков в том, что, приняв принцип социализации земли, на деле они стали осуществлять национализацию. Усилились реквизиции крестьянского имущества и другие революционные, пролетарские крайности якобинского характера. 18 ноября 1918 г. Мария Спиридонова выступает с открытым письмом в ЦК РКП (большевиков), где, ссылаясь на массовые жалобы крестьян на действия комитетов бедноты, продотрядов, произносит такие слова: “Этой крови вам не смыть, не очиститься от нее даже во имя самых “высоких” лозунгов”⁶⁹.

В.М. Чернов возглавил центральное крыло эсеров. Он полностью переключился на работу во Временном правительстве, приняв портфель министра земледелия. Министерство тогда решало следующие задачи: а) устранение некоторых дореволюционных земельных порядков, не затрагивающих землевладения в целом; б) приостановка работы стольпинских комиссий; в) локализация анархических выступлений крестьян по захвату земель, усадеб и др.; г) расширение земельной аренды, с целью частичного утолнения земельного голода; д) запрещение сделок по купле-продаже для предотвращения спекуляции землей⁷⁰. В своей работе Чернов опирался на созданный 21 апреля 1917 г. Главный земельный комитет с Советом Комитета в качестве постоянно действующего органа. В этот Совет первого состава на паритетных началах входили представители четырех партийных групп: кадетов, прогрессистов и правых; трудовиков и энесов; эсеров и социал-демократов интернационалистов и меньшевиков. Позднее, в третьем составе эсеры составляли 60% общей численности Совета⁷¹.

Функции Главного земельного комитета сводились к подготовке земельной реформы и принятию временных мер по предупреждению и разрешению разного рода споров⁷². Созданы примирительные камеры для разбора жалоб. В порядке подготовки основ земельной реформы рассматриваются вопросы: ликвидация крупного землевладения; расчет норм землепользования; очередности при наделении землей; контингента наделяемого землей населения и др.

Вопрос "О ликвидации крупного землевладения" рассматривался на "комиссии о перераспределении земельного фонда". В архивах имеются протоколы четырех заседаний: от 24, 26, 27 июля и 7 августа. Докладчиками выступали А.А. Кауфман и Александр Николаевич Челинцев (1874–1962), экономист, ученик А.Н. Скворцова, профессор ТСХА и НИИ сельскохозяйственной экономики и политики, репрессирован по делу так называемой "Трудовой крестьянской партии", посмертно реабилитирован. В этой комиссии активно работали: Николай Павлович Макаров (1886–1980), экономист, профессор ТСХА, соратник А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, автор многих крупных работ, в том числе "Крестьянское хозяйство и его эволюция" (1920), также был в 1930 г. репрессирован; Семен Леонтьевич Маслов (1873–1938), экономист, правый эсер, работал в земских статистических органах, автор ряда трудов по сельскохозяйственной кооперации, после 1917 г. – на преподавательской работе, в 1938 г. расстрелян; Николай Петрович Огановский (1874–1938), из семьи военных, экономист, работал в земствах, профессор ряда университетов, состоял в ПСР и энесах, расстрелян в 1938 г.

Эта комиссия разработала принципы и порядок ликвидации помещичьего землевладения. Земли помещиков предполагалось передать трудовому крестьянству; не подлежали передаче владения или их части, за которыми признана особая народнохозяйственная ценность; прежним владельцам сохранялся участок в размере не свыше трудовой нормы, а также усадьба с возведенными постройками⁷³.

5 января 1918 г. открылось Учредительное собрание. Большевики, хотя и захватили в октябре власть, выборы проиграли. Из 715 избранных депутатов эсеры имели 412, или 57,6%, тогда как большевики только 183 мандата, или 25,6%. У кадетов было только 16 мест⁷⁴. Собрание осудило большеви-

ков как “захватчиков власти, которые ввергли страну в бездну гражданской войны и анархии, вконец разрушили ее государственную и хозяйственную жизнь и создали почти неодолимое препятствие для спасения России”⁷⁵. Председатель В.М. Чернов зачитал проект закона о земле, предложенный фракцией эсеров. Однако успели проголосовать только десять пунктов, как появился легендарный матрос Железняк (Анатолий Григорьевич Железняков, 1895–1919) и произнес историческую фразу: “Караул устал”⁷⁶. На этом работа Учредительного собрания закончилась. Вот эти первые десять пунктов Закона:

“1. Право собственности на землю в пределах Российской Республики отныне и навсегда отменяется.

2. Все находящиеся в пределах Российской Республики земли, со всеми их недрами, лесами и водами, составляют народное достояние.

3. Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит Республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления, на основаниях, установленных настоящим законом.

4. Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской Республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеральной конституцией.

5. Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют: а) создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил; б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения.

6. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляются только в форме правопользования.

7. Пользователями земель, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальностей и вероисповеданий, и их союзы, а равно государственные и общественные учреждения.

8. Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим основным законом.

9. Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат сему закону, отменяются.

10. Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союзов и учреждений на праве собственности, или ином вещном праве, производится без выкупа”⁷⁷.

Состоявшийся 7–16 мая 1918 г. VIII Совет ПСР записал в своей резолюции: “Шестимесячная большевистская политика привела страну к государственному распаду... Россия перестала существовать как национальное государственное целое”⁷⁸. Позднее В. Чернов обвинил большевистскую партию в том, что она “чисто индустриальная, исключительно пролетарская”, не способная понять крестьян. Похитив у ПСР программу, обюрократила ее”⁷⁹.

Столь подробно мы остановились на аграрной программе социалистско-революционеров по двум причинам:

во-первых, это была наиболее разработанная и наиболее популярная среди крестьян программа и, во-вторых, ее мало знает наша общественность, так как советская историография всю честь принятия Декрета о земле приписала Второму Всероссийскому съезду рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и лично В.И. Ленину. В действительности же коротенький, всего из пяти пунктов Декрет о земле целиком построен на принципах эсеровской программы. Приложенный к Декрету “Крестьянский наказ о земле” – это наказ, составленный на основании 242-местных крестьянских наказов редакцией “Известий Всерос-

сийского Совета Крестьянских Депутатов” и опубликованный в “Известиях” за 19 августа 1917 г.⁸⁰ Позднее, 27 января 1918 г. был принят декрет “О социализации земли”⁸¹. Его содержание также хорошо известно.

Обобщая раздел об аграрных программах различных партий, сошлемся на табличку из лекции А.К. Болдырева, прочтенной в 1917 г. Она изложена в вопросах и ответах (табл. 4.2)⁸².

Таблица 4.2

Вопросы	Ответы		
	Эсеров	С.-большевиков	С.-д.-меньшевиков
1. Название предлагаемого земельного устройства?	Социализация	Национализация	Муниципализация
2. Что делать с частновладельческой землей?	Отобрать	Отобрать	Отобрать, кроме мелкого землевладения
3. С выкупом отбирать или без выкупа?	Без выкупа	У помещиков без выкупа	?
4. Кто будет владеть землей?	Народ	Государство	Область, земства, города
5. Кто будет распоряжаться земельным фондом? Кому будет отводиться земля?	Тот, кто ее обрабатывает своим трудом, а не наемным (трудовое землепользование)	Тот, кому постановят распоряжающиеся землей выборные. Наемный труд допускается	То же, что и большевики
8. Кто будет верховным распорядителем земельного фонда?	Центральные выборные учреждения, общие для всего государства	Местные выборные учреждения	Областные выборные учреждения
7. Будут ли земельные наделы уравниваться?	Земельные наделы уравниваются переделами, расселением, переселением, обложении излишков налогом (уравнительное землевладение)	Против уравнительности	Против уравнительности

ЛИГА АГРАРНЫХ РЕФОРМ

По инициативе Вольного экономического общества, Всероссийского кооперативного съезда, Всероссийского земского союза, Московского общества сельского хозяйства и Харьковского общества сельского хозяйства в начале 1917 г. была создана Лига аграрных реформ с отделениями в 33 губерниях. Костяк этой структуры составили ученые-экономисты, работающие по проблемам аграрной экономики.

В Организационный комитет Лиги вошли: Н.П.Макаров, П.П. Маслов, С.Л. Маслов, К.А. Мацеевич, Н.П. Огановский, А.В. Пешехонов, М.И. Ту-

ган-Барановский и А.В. Чайнов. Вскоре в работу Лиги включились Б.Д. Бруцкус, П.А. Вихляев, А.Г. Дояренко, В.Я. Железнов, Н.А. Каблуков, Л.Б. Кафенгауз, Б.Н. Книпович, Е.Д. Кускова, Л.Н. Литошенко, П.И. Лященко, А.Н. Минин, С.Н. Прокопович, Н.А. Рожков, А.А. Рыбников, П.Б. Струве, А.В. Тейтель, А.Н. Челинцев и многие другие. Фактически весь цвет аграрной науки был здесь.

Анализ персонального состава Лиги показывает, что в ней были представлены видные ученые, придерживавшиеся различных политических взглядов, принадлежавшие к различным политическим партиям и группам. Здесь были и марксисты (П.П. Маслов, Н.А. Рожков и др.), и кадеты (М.И. Туган-Барановский и др.), и народные социалисты (Н.П. Огановский, А.В. Пешехонов), и эсеры (С.Л. Маслов и др.) и многие беспартийные. А.В. Чайнов считал себя "беспартийным социалистом." Все эти люди, за немногими исключениями, в период великих репрессий были либо расстреляны (А.В. Чайнов, Н.П. Огановский, Л.Н. Литошенко, Л.Б. Кафенгауз, А.В. Тейтель и др.), либо прошли круги Гулаговского ада (Н.П. Макаров, А.Г. Дояренко, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников и др.), либо еще в 1922 г. депортированы из России (Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович и др.). Для нашей Родины и науки они на долгие десятилетия были потеряны и забыты.

16–17 апреля 1917 г. состоялся учредительный съезд Лиги аграрных реформ. С основным докладом на нем от Оргкомитета выступил А.В. Чайнов. Он изложил проект положения и план работы. Затем с докладами выступали Н.П. Огановский, Н.Н. Черненко, П.А. Вихляев и П.П. Маслов. Еще Оргкомитет в преддверии съезда выдвинул следующие положения:

"1) трудовое крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России и ему должны быть переданы земли нашей Родины;

2) передача эта должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства, разработанного при учете бытовых и экономических особенностей отдельных районов нашего Отечества, планомерно и организованно осуществляемого без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства;

3) земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями сельскохозяйственного производства, организацией трудовых хозяйств и организацией связи этих хозяйств с общим мировым хозяйством"⁸³.

Следующий съезд Лиги состоялся в июне и третий – в ноябре 1917 г. Труды Лиги изданы отдельными выпусками, а также отдельными работами Чайнова, Макарова, Бруцкуса, Мозжухина, Маслова, Вихляева и других ученых. Наиболее полно взгляды и предложения Лиги отражает работа А.В. Чайнова "Что такое аграрный вопрос?"⁸⁴ Автор стоит на позиции социализации земли, которая является общенародным достоянием, а не чьей-то собственностью, ни отдельных лиц, ни государства. В основном к этой позиции склонялась Лига аграрных реформ в целом (кроме марксистов). "Земледелец должно быть организовано исключительно на трудовых началах, никакой наемный труд не может быть допускаем"⁸⁵. Постройки же, скот, техника и производственная продукция являются частной собственностью.

Идея национализации земли исходит из того, что она является объектом собственности, но собственник только один – государство, которое присваивает себе земельную ренту и распоряжается всеми земельными ресурсами.

Этих взглядов придерживались, как уже упоминалось ранее, большевики и не находили на этой почве понимания и поддержки крестьянства.

Разновидностью национализации можно считать муниципализацию земли, которая является собственностью местных органов власти. Такой подход разделяли марксисты-меньшевики.

К этим взглядам примыкает принцип единого налога на землю в размере ренты, что, по мнению его сторонников, вполне достаточно для решения аграрного вопроса, так как с изъятием ренты земля утрачивает притягательную силу для капитала. Это корреспондируется с идеей государственного регулирования землевладения.

Сторонники социализации были приверженцами крестьянской общины и уравнительного распределения земли. При этом "право на труд" предусматривает получение земли для полной загрузки всех членов семьи, а в малоземельных и густонаселенных районах "право на жизнь" диктует необходимость обеспечения угодьями в размерах, удовлетворяющих потребности семьи. Лига аграрных реформ резко выступала против шаблона и унификации в аграрном вопросе вообще, в формах собственности и хозяйствования в особенности. А.В. Чаинов писал: "...по мере развития торгового земледелия, по мере того как земля становится ценностью и капиталом, уравнительная община начинает умирать, и идеология частной собственности на землю начинает завоевывать ум земледельца. Кое-где мы встречаемся только с зарождением этого процесса, но весь Запад и Юго-Запад России уже давно перестроен на подворное владение"⁸⁶. И дальше: "Мы обязаны учесть бытовые и хозяйственные особенности отдельных районов, мы не можем навязывать местной жизни рецептов в тех сторонах аграрного устройства, которые касаются только их, но мы все в своем аграрном строительстве ни на минуту не должны забывать интересов всего нашего народного хозяйства в целом"⁸⁷.

Чаинов выступает против кампанийщины и любых скоропалительных решений. Он пишет: "...какой бы мы режим ни приняли за идеал, мы можем подойти к нему только после довольно значительного переходного периода"⁸⁸.

Таким образом, Лига аграрных реформ как в решениях своих конференций, так и в работах ее членов – видных ученых страны, целиком стояла на стороне трудового крестьянства, трудового распределения земли, необходимости проведения всесторонней аграрной реформы с максимальным учетом региональных особенностей и свободного выбора форм хозяйствования. Она вместе с тем считала нецелесообразным какие-либо стихийные и самоуправные действия и не поддерживала самозахвата земель, полагая, что столь крупный вопрос правомочно решить только Учредительное собрание. Правительство же в это время, предупреждая стихийные захваты, давало противоречивые указания на места. Крестьяне проявляли нетерпение, вспыхивало недовольство, устраивались и погромы. И когда во Временном правительстве в большинстве были социалисты (А.Ф. Керенский, В.М. Чернов и др.), уже имевшие Аграрную программу в духе разработок Лиги и своих партий, продолжало расти упование на будущее Учредительное собрание. Крестьяне терпели веру в справедливое решение своего вопроса, обвиняли правительство в защите интересов помещиков. А когда собралось Учредительное собрание, оказавшееся в нем в меньшинстве большевики его просто разогнали.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Первые полтора десятилетия XX в. отмечены таким прогрессивным явлением в экономической и научной жизни России, как бурное развитие сельскохозяйственной кооперации. Не кооперации вообще, а исключительно сельской, крестьянской. Дело в том, что всего лишь около 10% кооперативов было в городах, главным образом в форме потребительских и ссудно-сберегательных товариществ, основная же масса кооперативов (около 90%) создавалась в деревнях. О росте кооперативного движения в России свидетельствуют следующие данные (табл. 4.3)⁸⁹:

Таблица 4.3

Общее число кооперативов в России

	1.01.1901 г.	1.01.1917 г.	Рост (раз)
Кредитных кооперативов	837	16055	19
Потребительских обществ	600	20000	33
Сельскохозяйственных обществ	137	6032	44
Сельскохозяйственных товариществ	—	2100	—
Маслодельных артелей	51	3000	59
Кустарных и иных артелей	—	600	—
Итого	1625	47787	29

Россия уже к 1915 году вышла по числу кооперативов на второе место в мире, вслед за Германией, занимавшей со своими 37 тысячами первое место. В 1917 г. в кооперативах России состояло до 14 млн. человек. Если принять во внимание, что в среднем семья составляла 6 человек, то общий охват населения товариществами достигал 84 млн. граждан⁹⁰.

Быстрый рост кооперации начался только после 1905 г. Россия серьезно отставала от таких стран Европы, как Германия, Англия, Голландия, Дания, Швеция, Франция, Италия. Однако начавшаяся аграрная реформа П.А. Столыпина, крупное железнодорожное строительство, особенно прокладка Транссибирской магистрали, развитие российского рынка и включение его в мировой ускорили этот процесс. Дело в том, что раздробленное и распятое, закабаленное ростовщиками и перекупщиками крестьянство не имело доступа на рынок и не могло на него пробиться порознь, вне кооперации.

Колыбелью и родиной кооперации является Западная Европа. Отсюда она пошла на все континенты мира. Ее отцами стали великие гуманисты и реформаторы общества англичане Роберт Оуэн (1771–1858) и Уильям Кинг (1776–1865), француз Шарль Фурье (1772–1835), немцы Франц Герман Шульце-Делич (1808–1883) и Фридрих Райфайзен (1818–1888). Сам термин “кооперация” был предложен Оуэном, хотя существовала она в жизни в различных формах с незапамятных времен.

Роберт Оуэн изложил свои взгляды в “Книге о новом нравственном мире, содержащей рациональную систему мира” (1842 и 1844), а также в работе “Революция в понятиях и деятельности человеческого рода” (1849). Этот

неутомимый и благородный сын шорника и почтальона попытался осуществить на практике свои гуманные идеи. Он накопил денег, приобрел землю в штате Индиана (США) и организовал коммунистическую общину, получившую название "Новая гармония". Жизнь общины строилась на таких принципах: добровольный труд по способностям и влечению; все продукты (физические и умственные) изготавливаются совместно; земля и все средства производства находятся в общей собственности; предметы потребления становятся собственностью потребителя во время потребления; права и обязанности всех равны; полная свобода и никакого принуждения; богатые уравниваются с бедными; разногласия улаживаются путем соглашения, самое строгое наказание – удаление из общины; дети воспитываются общиной вместе после того, как они перестают нуждаться в заботе матери.

"Новая гармония" Оуэна просуществовала всего лишь три года. За это время Оуэн семь раз менял конституцию общины до предоставления себе диктаторских полномочий. Но и это не спасло ее. Создавшиеся новые общины также быстро распались. Оуэн пришел к выводу, что для функционирования подобных структур необходимы такие качества как честность, трезвость, прилежание, опрятность, забота об общем благе, стремление к знанию. Всего этого не хватало⁹¹.

Основателем теории кооперации является Уильям Кинг. Он изложил свои взгляды в издававшемся им с мая 1828 г. по август 1830 г. ежемесячно журнале "Кооператор." Кинг считал, что в основе всего лежит труд. Кто трудится, у того должно быть все. Труд же надо объединить и разделить на основе кооперации. Но у людей труда нет капитала, и никто его не даст. Капитал можно собрать путем объединения и сбережения. Кинг не питал тех коммунистических иллюзий, которыми страдали Оуэн и другие утописты. Он видел выход в сознательном труде, объединении усилий и средств самих рабочих. Кооперативное движение должно исходить из возможностей самих трудящихся. Его высказывания: "Сила рабочего класса заключается в его потребительской способности", отсюда – собственные кооперативные лавки. Дальше: "капитал есть не что иное, как сбереженный продукт труда". Отсюда – собственные кассы. Затем: "...социально-экономическая основа кооперации – это организация труда в интересах тех, кто эту работу исполняет"⁹².

Кинг отделяет кооперацию от политических партий, профсоюзов, не приемлет революционных методов. Он пишет: "Революционный принцип – разрушительный, кооперативный же созидательный и миротворческий. Первый – испровергает, последний – воздвигает, первый рассеивает, последний соединяет, первый желает жать не сея, последний же – сеет, для того чтобы пожать"⁹³.

Франц Герман Шульце-Деллч – отец германской кооперации, прежде всего кредитной. Он считал, что все формы кооперации должны начинаться с кредита и потребительских обществ. Затем следуют закупки и сбыт, приобретение сырья. Влияние этого деятеля распространялось далеко за пределами Германии, охватывало оно в известной мере и Россию.

Защитателем и отцом крестьянской кооперации считается Фридрих Раифайзен, ближайший сотрудник Шульце, в течение долгих лет бургомистр

малых городов Германии. В 1849 г. создал объединение для защиты малоимущих крестьян от ростовщиков. Основатель крестьянской кредитной кооперации. Его посещали и у него учились пионеры российского крестьянского кооперативного движения. Кооперация привлекала внимание многих ученых экономистов и социологов.

Хотя Россия в кооперативное движение включилась позднее стран Западной Европы, она дала миру много талантливых теоретиков и практиков кооперации. Литература по этой проблеме чрезвычайно обильна. И сейчас ведутся научные исследования, выпускаются монографии, защищаются диссертации. Мы еще вернемся к этой проблеме во второй и третьей частях настоящей работы. Сейчас же ограничимся наследием ученых начала XX в., а также обобщением практики этого же времени.

Если Пестель, Герцен, Огарев в свое время изучали и знали утопистов, то Чернышевский был открытым пропагандистом и теоретиком идеи ассоциации трудящихся. Затем к этим идеям подключился и Н.А. Добролюбов. Глубокие исследования проблем кооперации на грани веков и позднее вели Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919), Александр Иванович Чупров, Константин Алексеевич Пажитнов (1879–1937), Николай Павлович Макаров и многие другие. М.Н. Туган-Барановским написаны классические работы: "Социальные основы кооперации" (1916); "Экономическая природа кооперативов и их классификация" (1914); "О кооперативном идеале" (1918). Перу К.А. Пажитнова принадлежит замечательная книга: "История кооперативной мысли" (1918). Весьма ценная работа, обобщавшая дореволюционную практику российской кооперации, выпущена С.Н. Прокоповичем – "Кооперативное движение в России. Его теория и практика" (1918). О работах А.В. Чайнова и Н.П. Макарова будет сказано во второй части настоящей книги. Сейчас же остановимся на наиболее характерных мыслях и обобщениях названных авторов для уяснения сути кооперации и ее опыта в условиях дореволюционной России.

Мы уже знаем, что кооперация не партия, не профсоюз, не революционная организация. В основе кооперации эволюционная тактика и идеология, это не разрушительная, а созидательная сила. Сфера ее деятельности – экономика. И она объединяет людей труда, физического и умственного, включая и сельскохозяйственную практику. Кооперативное движение – движение социальное, защитное.

М.И. Туган-Барановский пишет: "...кооператив есть хозяйственное предприятие, как и всякое другое. Кооператив обращается, прежде всего, к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. В этом же и его огромная сила"⁹⁴. Дальше он пишет, что "кооператив не только есть капиталистическое предприятие, но именно в борьбе с капиталом и заключается самая сущность кооперативного движения. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала"⁹⁵. И, наконец, "кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей

до конца, как и политическая борьба... Но кооперация борется не насилем, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами"⁹⁶.

Принципиальное значение имеет различие между кооперацией и коллективизмом. Это важно понять, так как в дальнейшем по этой линии пойдут извращения и бирку кооперации навесят на нечто прямо противоположное. Вот как толкует и понимает эту разницу М.И. Туган-Барановский: "...Кооперация представляет собою более высокий социальный тип, чем коллективизм, ибо коллективизм является организацией, основанной на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза... Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации". Эти пророческие слова сказаны в третьем издании его "Социальных основ кооперации"⁹⁷. Запомним это на будущее. Сегодня, к сожалению, на смену грубому и насильственному коллективизму приходит не свободный кооперативизм, а нечто хаотичное, напоминающее первоначальное накопление капитала путем форсированной приватизации и разрушения созданной инфраструктуры.

Туган-Барановский делает вывод, что "крестьянская кооперация ни в каком случае к коллективизму вести не может, какого бы развития она ни достигала... Наоборот, факты показывают, что по мере развития кооперации крестьянин все крепче сидит на своем поле и не обнаруживает ни малейшей охоты отказаться от своего хозяйственного предприятия и передать его какому-либо кооперативу... Благодаря кооперации создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область – сельскохозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции, – купли, продажи, получения кредита и переработки сельскохозяйственных продуктов – используются не единичными силами сельскохозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей. В результате получается некоторая новая система крестьянского хозяйства, но система совершенно иная, чем та, к которой приводит естественный ход развития пролетарской кооперации"⁹⁸.

Это положение позднее получило развитие в трудах А.В. Чаянова. Он писал, что "кооперация крестьянская... представляет собой весьма совершенный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаро-производителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего оригинала те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями..."⁹⁹.

Имеются различные подходы к классификации кооперативов. Например, Кауфман выделяет денежные, товарные и потребительские. Якоб же все многообразие кооперативов сводит к двум большим группам: производителей и потребителей. Туган-Барановский предпочитает принцип Якоба и различает следующие 9 видов кооперации: 1) кредитные, 2) потребительские, 3) домо-строительные, 4) закупочные, 5) бытовые, 6) по переработке, 7) производя-

тельно-подсобные артели, 8) трудовые артели и 9) производительные артели. Все они расположены в порядке возрастающей сложности их функций. Самые простые – кредитные, затем потребительские. Первые четыре группы сводятся по своим функциям к приобретению хозяйственных предметов. Сбытовые действуют в сфере обращения, переработка кроме сбыта осуществляет производство товарной продукции из сельскохозяйственного сырья. В производительно-подсобных артелях люди работают порознь, но сообщество владеют некоторыми средствами производства (артельными кузницами, молотилками и другими машинами). В трудовых артелях сообща работают и совместно владеют средствами производства (строительные артели, грузчики и др.). Производительные артели владеют средствами производства, совместно работают и являются собственниками произведенного продукта. Это наиболее сложная форма и нуждается в учете многообразных факторов¹⁰⁰.

Не имея возможности рассматривать все типы кооперативов, ведь они, в свою очередь, дробятся на подтипы и виды, остановимся лишь на российском опыте того времени в кредитном и маслодельном кооперировании.

С.Н. Прокопович сообщает, что в 1863–1865 гг. двое русских, Св. Ф. Лучинин и Н.П. Колопанов, посетили Германию, где ознакомились с деятельностью кредитных товариществ. В 1865 г. в селе Дороватове Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии создается первое русское ссудо-сберегательное товарищество. В 1869 г. Новгородское и Псковское губернские земства выступают с поддержкой ссудных товариществ. Колопанов, Лучинин и другие выступают по этим вопросам в печати. Проводятся съезды представителей товариществ. В Пскове они состоялись в 1875, 1879, 1884, 1889, 1896 и 1900 гг. Проходят они и в Смоленске, Перми, Мелитополе¹⁰¹.

Характерно, что членами таких товариществ становились преимущественно крестьяне среднего достатка, но уже вовлеченные в меновой оборот. Богатые обходились своими средствами, а бедняки были некредитоспособны, они вели натуральное хозяйство. Прокопович пишет: «Особенности русской жизни таковы, что не имеющий имущества фабричный рабочий в общем кредитоспособнее имеющего землю крестьянина. Участие в ссудных товариществах не нужно зажиточным и богатым крестьянам, невозможно для бедных; оно доступно только средним, маломощным, но хозяйственным крестьянам»¹⁰².

Кроме ссудо-сберегательных, с 1895 г. существовали кредитные товарищества. От первых они отличались двумя особенностями: а) отсутствием паевого капитала, следовательно, принудительного накопления и б) наблюдением со стороны правительственных кредитных инспекторов. В их деятельность нередко вмешательство этих инспекторов и других чиновников. Однако отсутствие паевых взносов облегчает создание таких товариществ. Характерно, что в западных губерниях (Прибалтийских, Польских, Северо-Западных) преобладают ссудо-сберегательные товарищества (88% из общего количества), тогда как в остальной России – кредитные. Это объясняется большей зажиточностью крестьян в западных регионах, а также ограниченным доступом к ссудам Государственного банка для поляков, латышей и евреев. Кредитные товарищества бурно росли. Если в 1900 г. их было всего 40, в 1905 г. – 782, то в 1910 г. уже 4 543 и в 1913 г. – 9 552¹⁰³.

9 мая 1912 г. был открыт и начал функционировать Московский народный банк. Он обеспечивал ссудами только кооперативные товарищества. Акционерами банка состояли 1 483 товарищества и 148 частных лиц. Только за один год, с 1.01 1913 по 1.01 1914 г. вклады на текущие счета его выросли в 3,4 раза, учет векселей и прочие ссудные операции удвоились, а закупка товаров за год возросла в 64 раза¹⁰⁴.

В связи с развитием рыночных отношений и проникновением их в деревню потребовалось менять всю систему крестьянского хозяйства, приспособлять его к новым требованиям. Это значило: производить больше продукции, повышать ее качество и конкурентоспособность, получать определенную прибыль. Для этого приходилось мелнорировать землю, приобретать машины, подбирать высокоурожайные сорта, заводить племенной скот, устанавливать связи с покупателями, строить добротные склады и хранилища, перерабатывать сельскохозяйственное сырье в готовую продукцию. Крупные машины, даже молотилки среднему крестьянину купить не просто. Еще сложнее ему приобрести перерабатывающее оборудование. В этой обстановке перед крестьянином стояла дилемма: либо обратиться за помощью к перекупщику, либо объединиться в кооперативы. Такая же альтернатива возникала при решении финансовых вопросов: либо идти в кабалу к ростовщику, либо создавать ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. Крестьяне России, как и всего мира, избрали второй путь.

В 1847 г. на острове Эзель Лифляндской губернии (современный Сааремаа Эстонской республики) возникло первое в России сельскохозяйственное общество. Процесс создания таких обществ и товариществ поначалу шел медленно, прибавлялось по одному-два в год. Процесс бурно ускорился после 1905 г. Так, в 1906 г. организовано 265, в 1907 г. – 363, в 1908 г. – 324, в 1909 г. – 310, 1910 г. – 418¹⁰⁵. Позднее общества и кооперативы стали объединяться в союзы. Первый союз был основан в 1906 г. в Риге, в 1907 г. – в Петербурге, в 1910 г. – в Ревеле (Таллин), в 1911 г. – в Пскове. Сельскохозяйственные товарищества обычно сотрудничали с потребительскими обществами. Прокопович пишет, что “добрый хозяин всегда будет членом обоих кооперативов”¹⁰⁶. В этих обществах, как и вообще в кооперативах, преобладал “хозяйственный мужичок,” то есть относительно состоятельный средний крестьянин, работающий своими руками на своей земле. По данным кооперативного съезда 1908 г., крестьяне составляли 91% общего числа членов кооперативов. Данные за 1911 г. показывают, что 427 кооперативов (17,5%) охватывают несколько волостей, 863 (35,4%) – одну волость, 635 (26,0%) – менее волости и 516 (21,1%) – неопределенную территорию¹⁰⁷.

Сельскохозяйственные товарищества работали в тесном контакте с земскими агрономами, последние на них опирались. Средства обществ формировались из членских взносов, которые обычно составляли в пределах от 50 коп. до 1 руб. 50 коп. в год. Некоторые субсидии выделяло земство, а также поступали доходы от коммерческих операций. Основные функции этих товариществ: а) выяснение хозяйственных нужд и потребностей своих членов; б) распространение теоретических и практических знаний; в) освоение передовых приемов хозяйствования, усовершенствование пород скота, орудий, машин, семенного дела; г) посредничество в снабжении крестьян нуж-

пыми предметами и товарами, а также в сбыте продукции хозяйств. Товарищества следили за рыночной конъюнктурой, ценами и в случае необходимости принимали соответствующие меры.

В качестве примера деятельности сельскохозяйственных товариществ может служить товарищество по сбыту и обработке молока. Пионером в устройстве кооперативных сыроварен в России является Н.В. Верещагин, брат знаменитого художника-баталиста В.В. Верещагина, организовавший в 1866 г. в селе Отроковичи Тверского уезда Тверской губернии первую сыроварню. Отсюда они распространились в Новгородскую, Петербургскую, Ярославскую, Вятскую, Архангельскую, Вологодскую губернии, на Кавказ и в Сибирь. Содействовало этому делу и Императорское Вольное экономическое общество. Поначалу дело шло плохо. Многие сыроварни закрывались. Верещагин и его помощники, обстоятельно исследовав причины неудач, выявили, что прежде всего это — отсутствие квалифицированных мастеров, низкий уровень кормления животных, разногласия среди крестьян. Мастеров выписали из стран Западной Европы для организации обучения отечественных; сыроделние переместили в богатые кормовыми угодьями губернии: Вологодскую, Тобольскую, Томскую.

Особенно в артельном сыроделии преуспели сибиряки. Здесь быстро расширялась сеть сыроварен, а кооперативные стали преобладающими. Об этом свидетельствуют данные только по двум губерниям: Тобольской и Томской (табл. 4.4)¹⁰⁸.

Таблица 4.4

Годы	Число сыроваренных заводов в Тобольской и Томской губерниях	в т.ч. артельных	% артельных
1895	15	—	—
1900	277	35	12,6
1905	1181	359	30,4
1910	3109	1337	43,0

Молочные товарищества объединяются в союзы, которые строят склады, базы, конторы. В 1908 г. в Кургане создается Союз сибирских маслодельных артелей, затем филиалы в Петропавловске, Барнауле, Бийске, Челябинске. В 1911 г. образовался Союз прибалтийских кооперативных товариществ молочного хозяйства и скотоводства в Риге, затем союзы в Юрьеве (Тарту) и Петербурге. Крупными центрами маслоделия на кооперативной основе становятся Вологда, масло- и сыроделия — Ярославль. В Московской губернии первое молочное товарищество возникает в 1909 г., через четыре года их уже 17¹⁰⁹.

Маслодельные и сыродельные заводы обычно обслуживаются наемными рабочими и специалистами, получающими заработную плату. Сами заводы являются собственностью кооперативов. Оплата труда членов кооператива ведется по количеству сданного молока, тогда как работников завода — по затратам труда.

Товарищества виноградарей, садоводов, огородников, пчеловодов занимаются сбытом и переработкой продукции, снабжением своих членов инвен-

тарем, посадочным материалом. В 1909 году в Костромском уезде появляется картофелеводческое товарищество. Отсюда они распространяются в села Владимирской, Ярославской, Нижегородской губернии. В южных губерниях получили распространение кооперативные мельницы¹⁰.

Из всего сказанного видно, что к началу первой мировой войны Россия вышла на широкую дорогу кооперации, шагала в ногу с Европой. И не будь дальнейших катаклизмов, страна имела бы стабильное положение в аграрной сфере. Кооперация развивалась снизу, иногда при поддержке земств. Она строилась на принципах добровольности, выборности, отчетности перед низами, демократичности, взаимопомощи, защиты интересов крестьянина. И еще раз стоит вспомнить, продолжая мысли М.Н. Туган-Барановского, что она – антипод того коллективизма, который Россия получила в результате “Великого перелома”. Там не было добровольности, там не было демократизма, там была отчетность только перед верхами, там были только команды и их беспрекословное выполнение.

НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОФИЛЯ

Годы, предшествовавшие началу первой мировой войны и революции в России, ознаменованы активным открытием научных учреждений и учебных заведений сельскохозяйственного профиля. Только за пять лет, с 1909 по 1914 г., расходы на содержание сельскохозяйственных заведений возросли с 4 337,3 тыс.руб. до 11 200,0 тыс.руб. или в 2,58 раза, в том числе за счет государственной казны – с 1 929,5 тыс. до 6 835,9 тыс.руб., или в 3,5 раза¹¹.

Общие затраты Департамента земледелия на агрономические мероприятия в 1895 г. составляли 2,4 млн. руб., а в 1913 г. – 29,4 млн., то есть в 12 раз больше. Если на 1 января 1910 года в стране насчитывалось 239 сельскохозяйственных учебных заведений, то на начало 1915 г. – 341¹². В их финансировании неуклонно возрастала доля государства (с 42% в 1909 г. до 60% в 1914 г.), тогда как доля земств и других источников сокращалась.

К 1 января 1915 г. было зарегистрировано 287 казенных опытных учреждений, из которых только за последние 10 лет было создано столько, сколько за всю предшествующую историю¹³. Страна была покрыта сетью опытных станций и полей от Вислы до берегов Тихого океана и от Полярного круга до Закавказья.

Учебная сеть и вся система сельскохозяйственного образования в дореволюционной России была довольно сложной. Так, высшее образование было сосредоточено в университетах с их соответствующими кафедрами. Создаются специальные сельскохозяйственные вузы в системе Министерства государственных имуществ, а затем Министерства земледелия. В начале XX в. возникают высшие сельскохозяйственные женские курсы. Позднее Д.Н. Прянишников писал: “Основным злом в жизни русской высшей школы является ее постоянное реформирование сверху, в самых противоположных направлениях, поэтому нет характерного, исторически сложившегося типа русской школы, в отличие от школы, например, немецкой или противоположной ей, но строго специальной школы французской”¹⁴. Прянишникову, хорошо знав-

шему дореволюционную высшую школу, можно верить. Но это были только "цветки". Что пережили наша школа и наука в эпоху постреволюционную, при диктатуре пролетариата и тоталитарной системе, уму непостижимо. Эти перманентные реорганизации, перемещения, переименования, разукрупнения и укрупнения, чехарда с методами обучения, программами, политический диктат... Все это в полной мере испытывает на себе система сельскохозяйственных учебных заведений.

Кроме высших, в ведении Департамента земледелия было 18 средних учебных заведений, 61 сельскохозяйственное училище, 74 низших сельскохозяйственных школы I разряда, 35 – II разряда, 60 практических низших сельскохозяйственных школ, 34 начальных и народных сельскохозяйственных школы, 26 постоянных сельскохозяйственных курсов, 9 исправительных приютов с обучением сельскому хозяйству, 9 детских сельскохозяйственных приютов, 4 учебные фермы. Все эти школы и курсы были мужскими, женскими и смешанными, общими и специализированными¹¹⁵.

Несколько подробнее остановимся на высших учебных заведениях, поскольку здесь наряду с учебным процессом была сконцентрирована фундаментальная наука. Соответствующие факультеты и кафедры вели учебную работу в аудиториях и лабораториях, на опытных фермах, лесничествах, имениях, где студенты проходили практику и ставились эксперименты. В опытных учреждениях велись исключительно прикладные работы, связанные с селекцией и семеноводством, шпеленным делом, технологиями производства.

В Московском университете кафедра земледелия, или сельскохозяйственного домоводства с 1770 по 1777 г. возглавлялась М.И. Афонинным, в конце XVIII в. А.А. Антонским-Прокоповичем, в течение 20 лет (1820–1840 гг.) – М.Г. Павловым. Уставом 1804 г. подобные кафедры были созданы в Харьковском и Казанском университетах. В 1827 г. при Виленском университете учрежден Институт сельского домоводства с двумя имениями, которым руководил профессор А. Огановский. Однако он существовал недолго, так как в 1830 г. Виленский университет был закрыт в связи с польским восстанием¹¹⁶.

В мае 1834 г. при Юрьевском (Дерптском, Тартуском) университете открывается Альткунстгофский институт сельского хозяйства. Предводитель дворянства Лифляндской губернии предоставил институту имение. Сюда прибыли казеннокоштные студенты. Окончило этот институт только 42 человека, в апреле 1839 г. он был закрыт в связи со сменой хозяина имения¹¹⁷. Вот так решалась судьба высшего учебного образования.

В апреле 1836 г. Министерству просвещения было предписано открывать кафедры агрохимии во всех университетах, где их еще не было. Кроме того, вскоре эти кафедры появляются в Ришельевском лицее в Одессе и в Демидовском лицее в Ярославле¹¹⁸. В Петербургском университете с 1836 г. сельское хозяйство, лесоводство и счетоводство преподает профессор С.М. Усов, позднее здесь долгие годы будет работать А.В. Советов.

В Киевском университете Святого Владимира еще с 1835 г. была кафедра агрономии, земледелия и экономики, на которой работали: Э.О. Мерц, а затем профессор П. Якубович¹¹⁹. Созданный в 1865 г. на базе Ришельевского лицея Новороссийский университет в Одессе, к чему много сил приложил

великий русский хирург Н.И. Пирогов, уделял серьезное внимание не только медицинской и другим традиционным наукам, но и аграрным. Здесь работали Н.И. Мечников, И.М. Сеченов, В.В. Марковников, Н.А. Умов. Здесь также трудился с 1905 по 1928 годы Гавриил Иванович Танфильев (1857–1928), выдающийся геоботаник и почвовед, ученик А.Н. Бекетова и В.В. Докучаева, крупнейший исследователь географии и истории культурных растений, болот и торфяников²⁰. (Его сын Вадим Гаврилович Танфильев, один из создателей Ставропольского ботанического сада, ботаник, доктор сельскохозяйственных наук, последние годы жизни работал в Ставропольском НИИСХ.)

Уставом университетов 1884 г. кафедры агрохимии были заменены кафедрами агрономии, куда входили общее и частное земледелие, агрохимия, учение о системах хозяйства и севооборотах²¹. На этих кафедрах работало много выдающихся ученых. Например, в Московском университете с 1894 г. по 1931 годы читал лекции Д.Н. Прянишников.

В декабре 1910 г. Государственной думой был рассмотрен вопрос о создании самостоятельных агрономических факультетов в университетах²². Факультеты были организованы в Юрьевском, Казанском, Новороссийском, Киевском и других университетах. Но они были малочисленными²³.

Первым самостоятельным высшим сельскохозяйственным учебным заведением был Горьгорецкий земледельческий институт. Он был открыт в 1848 г. в Могилевской губернии на базе созданной здесь земледельческой школы. Он готовил ученых агрономов с высшими теоретическими и практическими познаниями для организации управления, а также преподавания в других сельскохозяйственных училищах, работы в своих и чужих имениях. При институте было училище – среднее учебное заведение, а также земледельческие классы. Для прохождения практики полевых работ, по скотоводству, пчеловодству, лесоводству, ветеринарии, ботанике, геодезии, архитектуре, механике были лаборатории, опытные поля и фермы. Действовал завод по изготовлению машин и орудий. Здесь работали видные ученые России: агроном И.А. Стебут; экономисты Ю.Э. Янсон (1835–1893), член-корреспондент Академии наук, автор крупных работ по статистике и политэкономии, а также А.П. Людоговский. Многие выпускники позднее сами стали крупными учеными, например, академик ВАСХНИЛ М.Ф. Иванов, профессор М.В. Рыжов и многие другие. Всего этот институт окончил 566 человек. В 1865 г. институт был переведен в Петербург в связи с участием многих студентов в польском восстании в 1863–1864 годах²⁴.

Позднее Петербургский земледельческий институт из Горок был реорганизован в лесной, а в Горках была открыта Белорусская сельскохозяйственная академия с использованием базы Горьгорецкого института.

Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства создан в 1862 г., реорганизован после восстания 1863–1864 гг. Расположен на правом берегу Вислы (современный г. Пулавы), с прекрасным парком, богатым плодовым садом, опытной фермой, имением. Здесь работали многие видные ученые: В.В. Докучаев, К.Д. Глинка, В.И. Зайончковский, В.К. Залесский, В.Н. Паладин, А.И. Скворнов, А.Ф. Фортунатов. Почетными членами института были: Д.Н. Прянишников, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев,

И.А. Стебут и другие ученые¹²⁵. В 1914 г., когда германские войска подошли к Висле, институт был переведен в Харьков.

Петровская земледельческая и лесная академия открыта в 1865 г. в имении графа Кирилла Разумовского "Петровско-Разумовское" Дмитровского уезда Московской губернии. Неоднократно реорганизовывалась. В настоящее время – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева (ТСХА). Поначалу это было нетрадиционное учебное учреждение с весьма демократическим режимом. Оно строилось на следующих принципах: а) свобода и доступность без различия сословий для обучения в академии; б) свобода в выборе изучаемых предметов, отсутствие вступительных и переводных экзаменов; в) выпускной экзамен для желающих получить диплом об окончании; г) оплата за год 25 рублей...¹²⁶ Бывший студент, известный писатель-демократ В.Г. Короленко писал, что "свобода изучения и вера в молодые силы обновляющейся страны – таковы были основания устава"¹²⁷. В жизни академии были черные дни. Она закрывалась. Даже обсуждался проект размещения здесь кавалерийского училища, но министр земледелия А.С. Ермолов отстоял это учебное заведение. По данным А.Ф. Фортунатова за 50 лет, до 1915 г. Петровская академия выпустила 2 792 специалиста, в том числе 2 455 агрономов и 337 лесоводов¹²⁸. Это крупнейший сельскохозяйственный вуз России как в дореволюционный, так и в послереволюционный период. Здесь в свое время был сосредоточен мощный научный потенциал страны. Бывший воспитанник, а затем профессор А.В. Чаянов писал: "Бывшая Петровская сельскохозяйственная академия... является по числу студентов самой большой высшей сельскохозяйственной школой во всем мире... Однако наша академия не только школа. Здесь не только учатся, но и изучают, не только черпают знания, но и создают их, творят агрономическую науку"¹²⁹.

Видное место в высшем сельскохозяйственном образовании занимали отделения при политехнических институтах. Заслуживает внимания опыт работы Рижского и Киевского политехнических институтов. Созданное в мае 1861 г. Рижское политехническое училище с 1876 г. было причислено к первому разряду, то есть стало высшим учебным заведением с 4-летним курсом обучения. Сюда принимались лица всех сословий не моложе 17 лет, окончившие полный курс гимназии или реального училища. По данным за 1894 г., оно состояло из семи отделений: сельскохозяйственного, землемерного, архитектурного, химико-технического, инженерного, машиностроительного и коммерческого. Сельскохозяйственное отделение было по тем временам крупным, в 1912 г. на нем обучалось 300 человек. После трехлетнего теоретического обучения студенты работали на опытной ферме "Петергоф". Кроме того, в 1912 г. политехникуму было передано 1 200 десятин казенного леса. При училище была контрольная станция по применению удобрений, проводились курсы по луговодству и окультуриванию болот. В качестве субсидий училище ежегодно получало по 10 тыс. руб. от казны, от г. Риги, от рижского купечества, понемногу от лифляндского и курляндского дворянства, поступали доходы от реализации химических удобрений.

В Рижском училище сложилась сильная школа химиков. Здесь работали также крупные ученые профессора, как Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932), уроженец Риги, лауреат Нобелевской премии за 1909 г., член-

корреспондент Петербургской Академии наук, автор известного закона Ост-вальда, а также Павел Иванович Вальден (1863–1957), родом из латышской многодетной семьи бывших крепостных Вольмарского уезда, член Петербургской Академии наук почетный член – Академии наук СССР с 1927 г., автор работ по процессам ионизации и истории химии, в 1919 г. при Советском правительстве П. Стучки – ректор Латвийского университета.

К сожалению, последние годы жизни они работали в университетах Германии. Здесь учились многие известные люди, например, Михаил Михайлович Пришвин, Степан Шаумян и др.¹³⁰.

На базе этого училища позднее были созданы Латвийский университет, Рижский политехнический институт и Латвийский сельскохозяйственный университет.

Образованный в 1898 г. Киевский политехнический институт положил начало высшему сельскохозяйственному образованию на Украине. Его агрономический факультет дал жизнь современному Украинскому сельскохозяйственному университету. С начала века здесь кафедры возглавляли крупные ученые профессора: Н.П. Чирвинский, Д.В. Ключаров, В.В. Колкунов, Е.Ф. Вотчал, А.Г. Лебедев, И.М. Щеголев. До 1917 г. институту принадлежало хозяйство “Затишье” в Нежинском уезде Черниговской губернии, а также опытное поле под Киевом. С 1898 по 1917 гг. сельскохозяйственное образование получили 750 человек.¹³¹

Межевой институт был образован из землемерного училища по инициативе писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859), который некоторое время был его директором. Он также претерпел различные реорганизации, несколько лет находился на положении военного заведения. Готовил межевых инженеров, а также старших землемерных помощников. Срок обучения был увеличен до 8 лет. В настоящее время это – Московский университет инженеров землеустройства.¹³²

В 1894 г. в Никитском ботаническом саду близ Ялты были созданы высшие курсы по виноделию на базе существовавших здесь же практических курсов по виноделию и садоводству. На эти курсы принимались лица с высшим или средним естественно-научным образованием. Здесь готовились преподаватели для винодельческих школ и управляющие крупными винодельческими хозяйствами. Обучение было бесплатным, учащиеся получали стипендию 300 рублей в год.¹³³

Доступ женщин в высшие учебные заведения России долго был запрещен. Попытки изменить ситуацию предпринимались при императоре Павле, но широкого развития они не получили. Горячим энтузиастом подлинной эмансипации и допуска девушек в вузы выступил профессор И.А. Стебут в 90-х гг. прошлого века. По его инициативе было создано общество, которое начало действовать с 1899 г. под девизом: “Вера и терпение все преодолевают”. Тогда министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов утвердил Положение этого общества. Наконец, в Санкт-Петербурге в 1904 г. открылись высшие женские сельскохозяйственные курсы, названные позднее Стебутовскими в честь поборника женского образования и 50-летия его научной деятельности.¹³⁴

В 1908 г. в Москве создаются Голицынские женские сельскохозяйственные курсы также с правами высшего учебного заведения. Их учредителем и

куратором была княгиня С.К. Голицына. Поначалу на этих курсах было только 56 слушательниц, а в 1912 г. уже 539. Первым директором был Д.Н. Прянишников. Преподавание, кроме Дмитрия Николаевича, вели А.Ф. Фортунатов, А.Г. Дояренко, В.Р. Вильямс и др. Московское общество сельского хозяйства передало курсам Богородицкую ферму¹³⁵. Наконец, 30 июня 1913 г. получил Высочайшее утверждение законопроект “О допущении лиц женского пола, имеющих соответствующую подготовку, к педагогической деятельности в сельскохозяйственных учебных заведениях”.

В 1910 г. Совет Департамента земледелия рассматривает перспективный план развития высшего сельскохозяйственного образования в России. В смете департамента на 1914 г. говорится: “Ведомство ввиду всевозрастающей потребности страны в работниках с высшим сельскохозяйственным образованием, а также во исполнение пожеланий Государственной думы об учреждении в главных земледельческих районах России высших сельскохозяйственных заведений... озабочено осуществлением выработанного им проекта... 1910 года”¹³⁶.

И все-таки в соответствии с этим планом до начала войны кое-что удалось сделать. В июне 1911 г. открывается Вологодский молочно-сельскохозяйственный институт, имеющий “особое значение как первое высшее молочно-хозяйственное учебное заведение”. Место размещения выбрано не случайно. Благодаря крестьянской кооперации, здесь возник крупный район маслодела всероссийского порядка с выходом на мировой рынок. При институте была опытная станция, рассадник кормовых растений, машиноиспытательная станция и низшая школа молочного хозяйства и скотоводства¹³⁷.

В 1912 г. создается Воронежский сельскохозяйственный институт, рассчитанный на 400 студентов. Его первым директором стал К.Д. Глинка. Здесь также имеется опытное поле, ботанический сад, библиотека. Он предназначен для подготовки специалистов для работы в Центрально-Черноземной зоне¹³⁸.

В 1913 г. учреждены Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы с правами института, 4-летним сроком обучения. Принято в этом же году 105 человек из всех слоев российского общества¹³⁹.

Своеобразно складывалось ветеринарно-медицинское образование в России. В соответствии с университетским уставом 1804 г. ветеринария преподавалась на кафедрах “скотоврачебных наук” медицинских факультетов, с 1808 г. – в Московской и Петербургской медико-хирургических академиях. В 1835 г. при медицинских факультетах Московского, Харьковского и Казанского университетов вводятся “ветеринарные” заведения с зооанатомическим театром.

В 1873 г. открывается Юрьевский ветеринарный институт на базе существовавшей с 1848 г. здесь ветеринарной школы. Поначалу это учреждение предназначалось для Прибалтийских губерний и преподавание велось на немецком языке, а с 1873 по 1918 г. стало всероссийским и основным языком стал русский. Лишь публикации были как на русском, так и на немецком¹⁴⁰. За 45 лет этот институт окончило 1742 человека.

Столь подробно мы остановились на высших учебных заведениях потому, что кроме подготовки кадров там была сосредоточена практически вся

аграрная наука. Средние учебные заведения имели другую задачу – готовить грамотных управляющих имений, а с началом реформы П.А. Столыпина – компетентных хозяев, наряду с работой в различных учреждениях, низших школах и другой деятельностью в аграрной сфере. В сельскохозяйственных училищах по полному курсу занимались 6 лет, причем последние полтора года отводились практике в частновладельческих имениях. На первый курс принимались юноши любых сословий и вероисповеданий не моложе 14 и не старше 16 лет, окончившие курс в уездных и городских низших сельскохозяйственных школах, сельских 2-классных училищах. Учащиеся разделялись на пансионеров (казеннокоштных и свокоштных), полупансионеров и приходящих. Плата за обучение взималась разная. Имелись казенные стипендии. Окончившие с аттестатом первого разряда получали звание личного почетного гражданина¹⁴¹.

Средние училища существовали с XVIII в. Их было немного. Они претерпевали различные реорганизации, перемещения и другие изменения. Их открывали и содержали и казна, и земства, и отдельные именитые землевладельцы. Так, Петербургская практическая школа земледелия была открыта Именным указом Павла I в 1797 г. вблизи Павловска. Московская земледельческая школа основана в 1822 г. в помещениях, подаренных ей князем Д.А. Голицыным. Школа земледелия и горнозаводских наук с 4-летним курсом была основана в 1825 г. в Петербурге и Марьино Новгородской губернии членом ИВЭО графиней С.В. Строгановой. Были созданы училища в 1902 г. в Харькове, Казани, Умани, Херсоне, Красноуфимске, Богородишке Тульской губернии, Кинели Самарской губернии, Пскове, в 1907 г. близ Новочеркасска Донской области, в 1911 г. Ковенское в имении П.А. Столыпина близ Дотнува, в 1912 г. Омское и Тамбовское, в 1914 г. Таврическое. В 1915 г. было открыто несколько частных училищ, в том числе в Петербурге, Киеве и Одессе.

Опытные учреждения, существовавшие в конце XIX и начале XX в. в России, подразделялись следующим образом:

опытные станции – общие и специализированные (селекционные, садоводческие, винодельческие, шелководческие, машиноспытательные). В их задачу входило проведение научных исследований и постановка опытов по почвам, удобрениям, приемам возделывания культур, кормам, выведению сортов и др.;

опытные поля для постановки различных экспериментов на отдельных участках применительно к климату, почвам и другим объективным условиям данной местности;

опытные хозяйства для проведения полевых опытов в конкретных условиях данной местности;

лаборатории и питомники для выращивания посадочного материала.

Если на Западе преобладающим типом была опытная станция, то в России – опытное поле. Станции представляли собой более крупные учреждения, и их было мало^{142,143}.

По ведомственной принадлежности опытные учреждения были: казенными (в ведении Департамента земледелия), губернских земств, уездных земств, сельскохозяйственных обществ, городских управлений, промышленных об-

ществ, ученых обществ, отдельных групп землевладельцев, частных лиц. Больше всего было государственных¹⁴⁴.

Большую роль в создании сети опытных учреждений сыграли видные ученые, прогрессивные общественные деятели, трезво мыслящие помещики. Среди них следует назвать князя Л.В. Кочубея – президента и основателя Полтавского сельскохозяйственного общества, Д.И. Менделеева, В.В. Докучаева, А.В. Советова, И.Н. Толстого, князя П.П. Трубецкого, баронов А.А. Маса и П.А. Бильдерлинга, И.И. Шатилова, К.А. Тимирязева. Пожалуй, решающая роль принадлежит трем выдающимся ученым и организаторам науки: И.А. Стебуту – председателю Ученого комитета Министерства, П.А. Костычеву – директору Департамента земледелия и А.С. Ермолову – министру земледелия¹⁴⁵. Они разработали план создания, размещения и развития опытных учреждений по различным регионам России и начали его осуществлять.

Профессор В.В. Винер писал, что “возникновение опытных учреждений обязано прежде всего частной инициативе, которая затем встретила поддержку и развитие в инициативе общественной (сельскохозяйственных обществ) и только значительно позже, с середины 90-х гг. проявилась инициатива государственная”¹⁴⁶.

Посмотрим, как протекал этот процесс создания станций. В 1894 г. открывается Валуйская (Костычевская) станция в Новоузенском уезде Самарской губернии, в 1896 г. – Шатиловская в имении И.И. Шатилова Новосильского уезда Тульской губернии, в 1899 г. – Энгельгардтская в имении Батишево Дорогобужского уезда Смоленской губернии¹⁴⁷.

Станции учреждаются государством в лице Министерства сельского хозяйства, земствами, обществами. Так, Вятская станция создана губернским земством в 1895 г. и занялась изучением кормовых трав, хлебных растений, удобрений. Верхнеднепровская в Екатеринославской губернии также учреждается земством с участием пожертвованной землевладельца Э.К. Броцкого, занимается повышением урожайности сельскохозяйственных культур.

Безенчукская организуется в 1903 г. Главным управлением уделов в Самарском уезде той же губернии. Ее главная задача – выработка приемов борьбы с засухой, подбором засухоустойчивых растений.

Московская селекционная станция учреждается при Сельскохозяйственном институте (ТСХА). Заведует ею отец русской селекции Дионисий Леопольдович Рудзинский.

Ростово-Нахичеваньская станция, организованная в 1908 году на средства Доно-Кубано-Терского общества сельского хозяйства, занимается испытанием машин и орудий.

Владимирская опытная станция существует с 1909 г. на средства губернского земства и казенных субсидий. Занимается полевыми культурами, семеноводством, удобрениями.

Псковская опытная станция учреждена в 1910 г. губернским земством с участием пособий Департамента земледелия.

Виленская станция в Лидском уезде Виленской губернии также основана в 1910 г. на средства местного общества с субсидиями Департамента земледелия.

Балтийская станция по культуре болот существует с этого же года за счет Лифляндского экономического общества и субсидий Департамента земледелия.

Саратовская и Симбирская опытные станции основаны тогда же земствами Саратовской и Симбирской губерний при поддержке Департамента земледелия. На первой преобладают селекционные работы, на второй – по борьбе с засухой.

Печорская сельскохозяйственная опытная станция открыта в 1911 г. в Печорском уезде Архангельской губернии Департаментом земледелия. Занимается луговодством, изучает экономические и климатические возможности отдельных культур и сортов.

Каменно-степная опытная станция им. В.В. Докучаева в Бобровском уезде Воронежской губернии организована в 1911 г. на средства казны целиком. Земли имеет – 1 214 десятин. Изучает водный баланс, приемы накопления и сбережения влаги в условиях степи.

Прибалтийская машиноиспытательная станция организована в 1911 г. Рижским сельскохозяйственным обществом. Находится близ г. Венден (современный Цесис) Лифляндской губернии.

Минская болотная станция создана губернским земством и Департаментом земледелия в 1911 г. С 1912 г. здесь издается журнал “Болотоведение”. Изучается культура болот.

Николаевская опытная станция основана в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии на средства казны и губернского земства. Занимается разработкой методов ведения опытного дела, мерами борьбы с вредителями, изучает сорта кормовых растений.

Столь длинный перечень опытных станций позволяет сделать по крайней мере следующие выводы, уже высказанные достаточно в работах В.В. Винера. Во-первых, при создании сети опытных учреждений использовались инициатива и средства отдельных лиц, общественности и государства. Во-вторых, с 1910 г., в условиях аграрной реформы и развития рыночных отношений, ускоренными темпами эта сеть расширялась. В-третьих, делалась попытка охватить многие стороны земледелия с максимальным учетом региональных особенностей и сложившейся структуры хозяйства. В-четвертых, процесс развертывания сети этих учреждений опирался на инициативу заинтересованных людей, но он осмысленно направлялся государством и наукой.

Закрывая главу о науке и политике начала XX в., нетрудно заметить, что Россия, хотя и медленно, может быть, спотыкаясь; но последовательно стала на тот путь развития, каким шли все цивилизованные страны Европы и Америки. Активно велось дорожное и промышленное строительство, страна втягивалась в рынок, началась аграрная реформа, быстро росла крестьянская кооперация. Несмотря на тяжелые последствия двух войн, успешно развивались наука и система образования. Дело шло к лучшему. И вместе с тем бурлили партии, обострялись социальные противоречия. И, как всегда в России, они проявлялись в самых экстремальных формах. Эволюционный путь развития был прерван. Революция 1917 г. действительно потрясла мир. Джон Рид был прав. Но глубже, болезненнее и разрушительнее всего она потрясла Россию, которая положила на жертвенник истории десятки и десятки миллионов жизней своих сынов и дочерей. Это оправдать нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 274.
2. Сельскохозяйственный промысел в России. Изд. Департамента земледелия, Пг., 1914. С. 125–126.
3. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР, М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 348.
4. Там же. С. 275.
5. Там же. С. 275.
6. Там же. С. 276.
7. Там же. С. 277.
8. Там же. С. 279.
9. Там же. С. 280.
10. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. Спб., 1905.
11. Там же. С. 42.
12. Там же. С. 45.
13. Там же. С. 106–107.
14. Там же. С. 108–109.
15. Там же. С. 109.
16. Там же. С. 114.
17. Там же. С. 121.
18. Там же. С. 123.
19. Там же. С. 129.
20. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 510–511.
21. Там же. С. 511.
22. Там же.
23. Аграрный вопрос в Совете министров. М.:Л., 1924, вып. 4. С. 27–41.
24. Там же. С. 23–27.
25. Смена, 1991, № 6. С.31–32.
26. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 93–94.
27. Там же. С. 176–177.
28. Там же. С. 52.
29. Там же. С. 94.
30. Там же. С. 95.
31. Там же. С. 89.
32. Там же. С. 96.
33. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Спб., 1909. Т. 26, № 28528.
34. Там же. Т. 3, № 33745.
35. Там же. Т. 31, № 35370.
36. Лященко П.И. Указ. соч. С. 266.
37. Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. 1917, ч. 1. С.153–158; ч. 2. С. 125–128.
38. Лященко П.И. Указ. соч. С. 269.
39. Там же. С. 270.
40. Бриккус Б.Д. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. Пг., 1918. С. 64.
41. ГАРФ. Ф. 523. Оп.3. Д.1. Л.13.
42. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Курс лекций. М. 1917.
43. Аграрный вопрос. Сб.статей. М.: Беседы, 1907. Т. 2. С. 1–43.
44. Чупров А.И. Речи и статьи. М.: изд. Сабашниковых, 1909. Т. 2. С. 168.
45. Там же. С. 435–464.
46. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 420. Л. 30.
47. Милоков П.Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. С. 406–407.
48. Котляровский С.А. Законодательное творчество министров. Московский еженедельник, 1906, № 37. С. 19.
49. Государственная Дума. Созыв 3. Сессия 5. Стенографический отчет. Спб., 1909. С. 133.
50. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: БРЭ, 1993. С. 359–360.
51. Государственная Дума... С. 112.
52. Политические деятели России. 1917 ... с. 276–277.
53. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 614.
54. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 161.

55. Пролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 135.
56. БСЭ. 3-е изд. Т. 30. С. 246–247.
57. Политические деятели России... С. 350.
58. Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М., 1906. С. 47–48.
59. РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.33. Л.62.
60. Политические деятели России... С. 300–303.
61. РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.30. Л.16.
62. Там же, Л.18.
63. Маслов П.П. Критика аграрных программ и проект-программы. М., 1905. С. 15.
64. Там же. С. 19.
65. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 40.
66. Аграрный вопрос в Думах. ЦГАРФ. Ф.520. Оп.1. Д.1. ЛЛ.15–16.
67. Гусев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л.: Наука, 1983. С.164.
68. ЦГАРФ. Ф.522. Оп.1. Д.2. ЛЛ.19, 20, 25, 26.
69. РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.30. Л.63.
70. Известия. Главного земельного Комитета, 1917, №№ 2–3. С. 3.
71. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. М.: Наука, 1966. С. 295.
72. РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.4. Л.51.
73. Там же, Л.45.
74. Там же, Д.50. Л.6.
75. Там же, Д.49. Л.1.
76. Там же, Д.50. Л.126.
77. Стенографический отчет Всероссийского Учредительного собрания 5–6 января 1918 г. ЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.50. Л.327.
78. РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.5. Л.52.
79. Там же, Д.1. ЛЛ.48–49.
80. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 15–17.
81. Там же. С. 33–35.
82. ЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.5. Л.159.
83. Лига аграрных реформ. Серия А. Органы земельной реформы. М.: Универсальная библиотека, 1917. С. 25–26.
84. Чапнов А.В. Что такое аграрный вопрос? Серия С. М.: изд. Лиги аграрных реформ. 1917. С. 42.
85. Там же.
86. Там же. С. 51.
87. Там же. С. 52–53.
88. Там же. С. 55.
89. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. 3-е изд. 1922. С. 316.
90. Там же. С. 317.
91. Пажитнов К.А. История кооперативной мысли. Пг.: Кооперация, 1918. С. 7–10.
92. Там же. С. 23–44.
93. Там же. С. 427.
94. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. 3-е изд. 1922. С. 68.
95. Там же. С. 96.
96. Там же. С. 107.
97. Там же. С. 504–505.
98. Там же. С. 500–501.
99. Чапнов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Книгосоюз, 1927. С. 20.
100. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. 3-е изд. 1922. С. 114–119.
101. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. 2-е изд. М., 1918.
102. Там же. С. 179.
103. Там же. С. 191–192.
104. Там же. С. 211.
105. Там же. С. 101.
106. Там же. С. 104–105.
107. Там же. С. 99.

108. Там же. С. 114.
109. Там же. С. 116–117.
110. Там же. С. 121–123.
111. Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1915 г. Пг., 1915, вып. 4. С. 10.
112. Там же. С. 1–2.
113. Винер В.В. Сельскохозяйственное опытное дело. М.: Новая деревня, 1922. С. 18.
114. Прянишников Д.Н. Quo vadis, Academia? М., 1922. С. 1.
115. Краткие статистические сведения ... с. 6–72.
116. Мещерский И.И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. Спб., 1893. С. 6 и 240.
117. Там же. С. 9–10.
118. Там же. С. 11–12, 17, 23.
119. Цитович С.Г. Горьгорепский земледельческий институт. Горки, 1960. С. 33.
120. Труды Одесского государственного университета имени И.И.Мечникова. Одесса, 1955. Т. 145. С. 7–12.
121. Острахов А.Н. Об учреждении агрономического института в Казани. Казань, 1914. С. 14.
122. Там же. С. 1.
123. Университет и агрономия. М., 1916, ч. 1. С. 30–31.
124. Мещерский И.И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. Спб., 1893. С. 74–82. Труды Белорусской сельскохозяйственной академии. Горки, 1959. Т. 29. С. 1–5.
125. Труды Харьковского сельскохозяйственного института. Киев, 1966. Т. 59 (96). С. 46, 88.
126. Мещерский И.И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. Спб., 1893. С. 100–107.
127. Немчинов В. Академия имени Тимирязева. – Социалистическое сельское хозяйство, 1941, № 1. С. 75.
128. Катаев Н.М. Петровская академия ... Пг., 1915. С. 33.
129. Чаинов А.В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем. М., 1915. С. 47.
130. Изложено по:
1. Мещерский И.И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей. Спб., 1893. С. 230–240.
  2. Университет и агрономия. М., 1916, ч. 1. С. 99.
  3. БСЭ, 3-е изд. т. 4. С. 270 и т. 18. С. 580
  4. Janis Stradins. Tresa atmoda. Riga, 1992, lpp. 313–316.
131. Труды Киевского сельскохозяйственного института. Киев–Харьков, 1949. Т. 5. С. 36–83.
132. Московский институт инженеров землеустройства. Научные труды, М., 1979, вып. 100. С. 3–4.
133. Сельскохозяйственное образование в России в конце 1894 г. Спб., 1895. С. 11–57.
134. Сборник статей по вопросам женского сельскохозяйственного образования. Спб., 1905. С. 3, 11–12, 22, 23, 99.
135. Отчет Голицынских женских сельскохозяйственных курсов за 1912 г. М. 1913. С. 1–10, 92.
136. Университет и агрономия. М., 1916, ч. 1. С. 90.
137. Труды Вологодского молочнохозяйственного института. Т. 1, №2. С. 77; т. 1, № 1. С. 135.
138. Воронежский сельскохозяйственный институт имени К.Д.Глинки. Воронеж, 1988. С. 19–21; 24–27; 192.
139. Труды Саратовского сельскохозяйственного института. Саратов, 1939. Т. 1 (6). С. 3–4.
140. Ветеринарный факультет ЭСХА. 1848–1983 гг. Тарту, 1984. С. 5, 656 82, 132.
141. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. 1907, Спб. Вып. 10. С. 7–8, 112.
142. Масальский В. Сельскохозяйственные опытные учреждения в России... Спб.; 1899. С. 3.
143. Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях России. Спб., 1911. С. 9–10.
144. Там же, с. 16–17.
145. Винер В.В. Сельскохозяйственное опытное дело. М.: Новая деревня, 1922. С. 10.
146. Там же. С.12.
147. В дальнейшем все данные взяты из Справочника по сельскохозяйственным опытным учреждениям ... за соответствующие годы.

Россия вдруг представилась мне огромной опытной клеткой, в которой некоей целенаправленной волей проводится сейчас чудовищный по своему замыслу эксперимент.

Владимир Максимов

ЧАСТЬ II

АГРАРНАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918 – 1991 гг.)

Рассматриваемый в этой части работы период является едва ли не самым драматическим в истории России. Во всяком случае по отношению к крестьянству и той части интеллигенции, которая связана с аграрной сферой, это, бесспорно, самое мрачное и трагическое время за всю известную нам историю. Прежде чем излагать саму суть предмета, следует уточнить по крайней мере три вопроса: что представляло собой тоталитарное государство, называвшееся Советской Россией, а затем СССР; почему коммунистическая идеология “завоевала” Россию с ее крестьянским, и в основном православным, населением и все ли абсолютно было плохо?

Под тоталитарным государством (от латинского слова *totalis* – целый, полный, весь) обычно понимается такой его тип, в котором все сферы общественной жизни, все виды деятельности, материальное производство, культура и наука, духовная и личная жизнь человека находятся под его контролем. Права и свободы человека в таком государстве урезаны и принижены до минимума. Конституция и представительство существуют для проформы. Непременным атрибутом государства является сильная пропагандистская машина. Людям всеми возможными формами и методами внушается мысль о приоритетности государства над человеком, создается культ руководителей, как бы они ни назывались: императорами, царями, королями, фюрерами, дуче, каудильо или генеральными секретарями. Этот культ вырастает в религию. Господствующая идеология, какая бы она ни была и как бы она ни называлась, не допускает никакой “ереси”. Отступников жестоко карают: держат в тюрьмах и лагерях, депортируют, казнят. Часто это вершится без суда и следствия, по непроверенному доносу. а то и по спущенному “сверху” графику. Люди живут в страхе, боясь откровенно говорить, общаться. Повсюду всевидящее око и все слышащее ухо государственного сыска. Судьбы людей решаются всякими незаконными “тройками”.

Как-то в начале 60-х гг. ко мне зашел отставной полковник милиции, которого я знал по работе в первые послевоенные годы – в одном из уездов Латвии. В ходе беседы гость сказал, что у него есть камень на сердце и он хотел бы рассказать об этом. Но предварительно спросил, знаю ли я, что

такое “тройка”. Разумеется, к этому времени я уже был насыпан о многом, в том числе из доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии. Полковник рассказал, что в 1937 г. он, будучи молодым человеком, работал в милиции г. Смоленска в невысоком офицерском звании. Однажды ночью начальство послало его в обком партии, поручив передать пакет лично в руки первого секретаря. В кабинете, рассказывал он, сидели трое (его хозяин, начальник НКВД и прокурор области) и пили чай с лимоном. Председательствующий спросил: “Сколько там в списке? А-а, 70”. Затем он обратился к остальным: “Возражений нет?” Те кивнули, список был подписан, и в ту же ночь 70 человек были вывезены за город, расстреляны и закопаны. Процедура “суда” заняла не больше минуты без отрыва от чаепития. Мой собеседник сказал, что он кое-кого знал из этих семидесяти... Случай этот не может забыть и часто бессонными ночами видит и пьющих чай с лимоном и увезенных за город...

И.В. Сталин в своей работе “К вопросам ленинизма”¹, ссылаясь на В.И. Ленина, в популярной форме раскрывает сущность и структуру тоталитарного государства. Прежде всего он говорит, что главное в ленинизме – это учение о диктатуре пролетариата. Вопрос о крестьянстве – производный, как о союзнике пролетариата. Заметим, что в стране, где сельское население составляет 82%, крестьянскому вопросу отводить второстепенную роль уже большой риск для судеб страны. Из дальнейшего изложения вытекает, что костяк в архитектонике общества и государства представляет партия как авангард пролетариата. “Ее назначение состоит в том, чтобы объединять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата”². И дальше: “Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата”³. Затем: “Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии... Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, шлюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, шлюс их превращение в жизнь населением”⁴.

Партия имеет “рычаги или привода”, или “приводные ремни”, которыми и являются массовые организации: профсоюзы, советы, кооперация, союз молодежи (комсомол). Сама партия построена по территориально-производственному признаку: первичная организация на предприятии или учреждении каждого города и села, затем районный (городской), областной (краевой) комитет, республиканский ЦК и, наконец, ЦК партии (РКП(б) – ВКП(б) – КПСС). Во главе каждого комитета стоит первый секретарь, а всей партии – Политбюро с Генеральным секретарем. Партия построена по принципу строгой централизации и жесткого подчинения вышестоящим иерархическим инстанциям. Так же строится и вся система “привода”. Получается стройная пирамида с вертикальной подчиненностью и суровой дисциплиной, ответственностью.

Фактическая власть в стране находится не в руках правительства или парламента, и решения судебных органов определяет не сам суд, а все решает в стране Политбюро ЦК и Генеральный секретарь, а в нижних иерархиях – первый секретарь соответствующего парткома. Если сравнить факти-

ческие права и возможности, например, дореволюционного губернатора и первого секретаря обкома партии тоталитарного периода, то они несопоставимы. Власть губернатора ограничивалась административными и полицейскими функциями. Он вмешивался в экономику, земские дела, науку и культуру, семью лишь в пределах компетенции. Обком же брал на себя абсолютно все. Да еще в придачу секретари райкомов и других комитетов, в лучшем случае по согласованию с профсоюзом, а зачастую лично распределяли “дефицит”: технику, автомобили, строительные материалы, даже предметы личного пользования, например, импортную одежду, что имело не последнее значение в условиях перманентно дефицитной экономики. Генеральному секретарю ЦК, имеющему неполное среднее духовное образование, позволялось редактировать доклад президента Академии наук по биологическим вопросам. А другому секретарю этого же ранга, слабо разбирающемуся в вопросах искусства, “распекать” прилюдно в Манеже выдающихся художников и скульпторов. Или ему же брать на себя функции “Главного агронома СССР” и определять, сколько семян надо вложить в гнездо для всех регионов страны, чтобы быть с кормами. Этот пост давал право репашать все. И все исполнители должны были выстраиваться по стойке “смирно”.

Хорошо это или плохо? Это незаменимая система для экстремальных условий, например, во время войны или стихийных бедствий. Она хороша для разрушения. Возможна и для созидания, если во главе ее стоят гуманные, компетентные люди. Но горе, когда во главе оказываются безнравственные, жестокие или некомпетентные люди. Россия полной мерой испила эту чашу. Во всех случаях особенность этой системы состоит в припижении личности человека, превращении его в “винтик” огромной машины. Винтик должен быть хорошо подогнан по всем параметрам к своему месту. Иначе его удаляют, переплавляют, а в периоды жестоких репрессий превращают в “лагерную пыль”!

Почему Россия первой в мире восприняла коммунистическую систему, объявила себя страной победившего социализма, затем развитого социализма? Ведь по уровню экономического развития она была отсталой в сравнении с развитыми странами Запада, а по социальной структуре – крестьянской, где рабочий класс, пролетариат, составлял мизерный процент по сравнению с крестьянством. Ведь перед первой мировой войной, в 1913 г., в промышленности и строительстве было занято только 9% самостоятельного населения, столько же и в торговле, 7% во всех остальных сферах деятельности, тогда как в сельском и лесном хозяйстве – 75%¹.

Вот как объясняет победу большевиков в Октябрьской революции “Краткий курс истории ВКП(б)”:

“1. Октябрьская революция имела перед собой такого, сравнительно слабого, плохо организованного, политически мало опытного врага, как русская буржуазия...

2. Во главе Октябрьской революции стоял такой революционный класс, как рабочий класс России...

3. Рабочий класс России имел такого серьезного союзника в революции, как крестьянская беднота, составлявшая громадное большинство крестьянского населения...

4. Во главе рабочего класса стояла такая, испытанная в политических боях, партия, как партия большевиков... достаточно смелая для того, чтобы повести народ на решительный штурм, и достаточно осмотрительная для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели...

5. Октябрьская революция началась в такой момент, когда империалистическая война была еще в разгаре, когда главные буржуазные государства были расколоты на два враждебных лагеря..."⁶

А теоретик и практик русской революции Л.Д. Троцкий пишет: "Правильно понять Октябрьский переворот можно лишь в том случае, если не ограничивать поле своего зрения его заключительным звеном. В конце февраля шахматная партия восстания разыгрывалась с первого хода до последнего... В октябре правительство Керенского, утерев безвозвратно душу солдата, еще цеплялось за командные высоты... Демонстраций, уличных боев, баррикад – всего того, что входит в привычное понятие восстания, почти не было: революции незачем было разрешать уже разрешенную задачу... Восставшие не были человеческой саранчой. У них был свой политический опыт, свои традиции, свои лозунги, свои безымянные вожди... Спокойствие на октябрьских улицах, отсутствие толп и боев давали противникам повод говорить о заговоре ничтожного меньшинства, об аванюре кучки большевиков... В действительности же большевики могли свести в последний момент борьбу за власть к "заговору" не потому, что были маленьким меньшинством, и, наоборот, потому, что имели за собой в рабочих кварталах и казармах подавляющее большинство, сплоченное, организованное, дисциплинированное"⁷.

Л.Д. Троцкий, как и авторы "Краткого курса", был в числе непосредственных организаторов Октябрьского переворота, хорошо знавший, как он готовился, осуществлялся, на какие социальные силы они опирались, какие ошибки противника, и прежде всего Временного правительства, социалистических партий, сумели использовать. Они гибко меняли тактику для завоевания доверия у широких слоев населения. Особенно показателен в этом отношении факт – временный, тактический отказ большевиков от собственной аграрной программы с непопулярной идеей национализации земли и принятия эсеровской программы.

Бесспорный интерес для понимания факта восприятия коммунизма многомиллионными слоями населения России представляют взгляды крупнейшего философа XX в. Николай Александровича Бердяева (1874–1948). Н.А. Бердяев в молодости увлекался марксизмом, изучал его, считался "легальным марксистом". Будучи студентом, он в 1898 г. был арестован и выслан в Вологодскую губернию, где познакомился с А.А. Богдановым, А.В. Луначарским и другими революционерами. Позже, в 1922 г., за отход от марксизма, за свои новые взгляды Бердяев был выслан из Советской России, жил во Франции. В годы немецкой оккупации его дом был центром русского патриотического движения. Он в самые трудные дни верил в победу русского народа. Мечтал вернуться на Родину, надеясь на смягчение жесткого режима. Но надежды не сбылись. Его авторитет в мире был высок. В 1947 г. Кембриджский университет присвоил ему звание *honoris causa*. Он – третий русский, после И.С. Тургенева и П.И. Чайковского, удостоенный этого звания престижнейшим университетом мира.

Н.А. Бердяев разглядел глубинные корни русского коммунизма, его суть, возникновение и развитие. Он это делал мастерски, объективно и честно, со знанием дела. Помогало такому анализу прекрасное знание истории России, психологии народа (к сожалению, это часто недооценивают), личное знакомство с Лениным и другими вождями русской революции. О диктатуре пролетариата, советском строе, коммунизме в XX в. написаны горы книг, монографий, статей, проведено огромное количество исследований. В СССР издавалась исключительно апологетическая литература. (Сейчас наместились другая крайность.) Работы же добросовестных зарубежных советологов отмечены часто общим недостатком: слабым знанием истории, психологии различных классов и всей российской специфики. На этом фоне выделяются объективность и глубина суждений Н.А. Бердяева. Так, его небольшая, всего в полторы сотни страниц, итоговая работа “Истоки и смысл русского коммунизма”⁸ – классика, из которой нельзя выбросить ни одной строчки. Она вышла в 1937 г. на английском, затем немецком, французском, испанском, итальянском, голландском языках. JMCA-Press в Париже выпустила на русском, а недавно издательство “Наука” осуществило ее репринтное издание. Взгляды Бердяева, его оценки столь важны для объективного понимания сути вопроса, что мы совершим подробный экскурс по страницам этой книги.

Основная идея Бердяева состоит в том, что русский коммунизм не является чистым марксизмом западного типа. Он представляет собою как бы сплав учения Маркса и старого российского этатизма. Государственного тоталитаризма и сформировавшегося в ходе исторического развития русского характера с его мессианством, добротой и жестокостью. Он видит как бы пять разных России: Русь Киевскую, Русь татарского периода, Русь Московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию. Он отмечает, что культура в Киевской Руси была не ниже, чем в Западной Европе того времени. Но уже Московское царство было тоталитарным. Иван Грозный, как глава этого государства, пытался стать и духовным отцом нации. Уже тогда была мессианская идея “Третьего Рима”.

На формирование русского характера большое влияние оказала, с одной стороны, природа, бескрайние просторы, а с другой, полученная от Византии Православная Церковь. Бердяев пишет: “Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры... устремленность... к вечности, к иному миру, к будущему... Русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты”⁹. Раскольниками были старообрядцы XVII в., революционеры, нигилисты, коммунисты в XIX в. Но всегда они остаются ортодоксами своей веры. Раскол нанес первый удар идее Третьего Рима и мощному влиянию церкви, реформы Петра Великого – второй.

Реформы Петра по их оценке разделили мыслящую часть общества на два лагеря: славянофилов и западников. Но неправы были те и другие. Славянофилы, “болевшие” за исконно русские основы, не видели объективной необходимости реформ для отсталой России, не поняли, что эти реформы предопределили взлет русской мысли и слова, феномен Пушкина, приближение России к мировой жизни, культуре, хозяйству. Западники тоже были

неправы в том, что не видели особенностей России, говорили лишь о ее отсталости. Хотя реформа была неизбежна, но осуществлялась она варварскими методами, через насилье души человеческой.

Бердяев сравнивает Петра по методам проведения реформ с большевиками и Лениным. Он пишет: «Приемы Петра были совершенно большевистские... Та же грубость, насилье, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывистость органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации. Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение»¹⁰.

В самодержавной и крепостнической России сформировалась самая радикальная интеллигенция. Первым был Радищев. Религиозная энергия перекладывается на социальную сферу. Чутко воспринимаются западные идеи. Особенно после Отечественной войны 1812 г., когда русское офицерство побывало в Европе. Отсюда декабристы. Из них самый яркий представитель левого крыла – Пестель, автор «Русской Правды» уже был, по выражению Герцена, «социалистом до социалистов». Он не либерал, склонен к насилию. Славянофилы и западники не были между собою противниками по существу. Они были «враги-друзья». Они все болели за Россию, но по-разному. Революционерами были народники. Анархизм же был, как и нигилизм, по словам Бердяева, «характерным порождением русского духа»¹¹. Идеология анархизма – это «создание высшего слоя русского барства»¹². Порождали русский и мировой анархизм дворянин Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой. И если Маркс был интеллектуален, то Бакунин – эмоционален, ненавидел ученых.

Бердяев показывает, что большая русская литература, начиная с Гоголя, учит добру, ищет правды. «Русской литературе свойственны сострадательство и человечность, которые поразили весь мир»¹³. Русская поэзия устами его гениев: Пушкина, Лермонтова прямо призывала к бунту, восхваляя вольность, борьбу, свободу («Памятник», «Деревня», «Вольность» Пушкина; лермонтовское «Предсказание» и др.). Третий великий поэт Ф.И. Тютчев чувствует непрочность, хрупкость мира, грядущий хаос. Бердяев считает, что «и Толстой и Достоевский восстают против неправды закона, выражают русский дух антизаконничества, оба враги буржуазного мира и его норм»¹⁴. В какой-то мере их обоих можно считать революционерами.

Во второй половине XIX в. в России распространилось марксистское учение. Бердяев пишет: «Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности, не желавшей допустить капиталистической стадии в развитии России, с Чернышевским, Бакуниным, Нечаевым, Ткачевым. На этот раз не Фурье, а Маркс был соединен со Стенькой Разиным»¹⁵. Отсюда идет и всемерное отставание крестьянской общины. Отсюда блещавший на поверхности либерализм оказался в условиях России утопичным, а большевизм – реалистичным, «наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году»¹⁶.

Бердяев считает, что “Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерпання с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы... В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хорошим семьянином, любил сидеть дома и работать... Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье... Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к труду и дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению... Он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем”¹⁷.

Характеризуя дальше Ленина как политика и человека, Бердяев пишет: “Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революций... Все мировоззрение Ленина было приспособлено к технике революционной борьбы... и он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло – все, что ей мешает... он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом... допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком... он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он... не был честолюбивым и властолюбивым... он мало думал о себе... Для Ленина марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата... Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию”¹⁸.

Бердяев делает важное обобщение: “Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, – первым явлением было Московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм – за сильное, централизованное государство... Но старое русское государство всегда было милитаризованным”¹⁹.

И дальше он продолжает о Ленине: “Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата... Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров... Ленин сделал все лучше, скорее и более радикально, он дал больше... Ленин – антигуманист, как и антидемократ. В этом он человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов. Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью. Этому будут подражать Муссолини и Гитлер. Сталин будет законченным типом вождя-диктатора. Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм”²⁰.

О Сталине Бердяев скажет: “Сталин – государственник восточного, азиатского типа. Сталинизм, т.е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис – милитаризованная молодежь”²¹.

Бердяев показывает, в чем выражается государство реальной диктатуры пролетариата. Он пишет: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит... Советская Россия есть страна государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитализма... Это прежде всего государство военно-полицейское. Его международная политика как две капли воды напоминает дипломатию буржуазных государств. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло»²².

Бердяев считает, что в такой крестьянской стране как Россия революция должна бы быть аграрной. Крестьянство было недовольно своей неустроенностью, а также горело ненавистью к помещикам за своих делов и прадедов, бывших крепостных. Но вышло иначе. Крестьяне пошли за большевиками и получили диктатуру. «Диктатура эта оказалась также диктатурой и над крестьянством, и она совершила жестокие насилия над крестьянами, как то было при насильственной коллективизации»²³. Русское крестьянство прошло иной путь развития, чем западное. Бердяев верно замечает, что «русским крестьянам были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божья, т.е. ничья... Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины»²⁴. Поэтому они мечтали о «черном переделе». Большевики бросили понятный лозунг: «Земля – крестьянам». И этот могучий великан пошел за ними. В крестьянстве же – «огромная витальная сила»²⁵.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что «русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья, несчастья разлагающейся войны, она не от творческого избытка сил родилась... нет ничего ужаснее разлагающейся войны, разлагающейся армии и притом колоссальной, многомиллионной армии. Разложение войны и армии создает хаос и анархию»²⁶. Понятно, что в подобных условиях демократические методы мало эффективны. В революционную эпоху выдвигаются люди крайних взглядов и склонные к диктатуре. Взбунтовавшимся массам нужны убедительные лозунги. Большевики их дали. В демагогических целях они воспользовались всем: бессилием либерально-демократической власти, объективной невозможностью дальше вести войну, недовольством крестьян, деспотическим управлением сверху, русским максимализмом в искании правды, историческим расколом между народом и культурным слоем, крушением патриархального быта и разложением веры»²⁷.

Третий Рим, о чем веками мечтали в России, не получился. Бердяев пишет, что «вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере»²⁸. Здесь следует сказать об отношении коммунизма и коммунистического государства к религии, к христианству. Оно общеизвестно как крайне негативное, нетерпимое, репрессивное. Бердяев

дает удивительно простое объяснение этой нетерпимости: коммунизм сам хочет стать религией, владеть душами людей. И все для этого делалось: храмы закрывались, взрывались и превращались в склады, священники арестовывались и расстреливались, сама религия шельмовалась.

И последнее в затаившемся экскурсе: отношении самого Бердяева к революции, коммунизму, советскому строю. Он пишет, что «русский коммунизм есть явление вполне объяснимое, но объяснение не есть оправдание. Неслыханная тирания, которую представляет собой советский строй, подлежит нравственному суициду, сколько бы вы ее ни объясняли»²⁹. И дальше: «...я являюсь сторонником бесклассового общества, т.е. в этом отношении я наиболее близок к коммунизму...»³⁰ Он не приемлет капитализма, критикует его. Считает, что крупная промышленность должна быть в руках государства, но вместе с тем должна быть признана «кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек... Более соответствует свободе человеческого духа не монистическая, а плюралистическая социальная система»³¹.

Бердяев тревожится по поводу происходящей дегуманизации человеческой жизни, проявлений жестокости и насилия. Он – гуманист, плюралист, демократ, христианин.

Принося извинение уважаемым читателям за столь длинный экскурс по книге Н.А. Бердяева, хочу объяснить и оправдать это только тем, что она дает ключ к пониманию нашей эпохи тоталитаризма. Отвергнутый и запрещенный тоталитарной советской системой, этот самобытный русский философ сегодня, возвратившись к отечественному читателю, способен, как никто другой, побуждать к поиску истины. Бердяев видел в советском строе не только плохое, но и хорошее. Как глубокий мыслитель он находит не только черно-белые тона, а всю богатую палитру жизни, общественных отношений.

Для людей старшего поколения, вся сознательная жизнь которых прошла в условиях советского режима, объективная оценка далекого и недавнего прошлого особенно сложна и болезненна. Это – сама жизнь с ее горестями и радостями, потерями и находками. А сам человек не наблюдатель, а участник. Он многого не знал, многому верил, но жил и работал. Ни при каких условиях нельзя оправдать, забыть и простить репрессий, насилий и жестокости, всей атмосферы подозрительности, недоверия и сыска. Но при всем этом следует помнить, было сделано много позитивного. Страна спасена от внешнего агрессора. Создана, хотя теперь уже ставшая архаичной, крупная индустрия. Совершены прорывы в науке. Резко расширена сеть учебных заведений и научных учреждений. Хотя и на низком уровне, но были гарантированы лечение, отдых, минимум социального обеспечения. Повсеместно бесплатным было образование. За символическую плату люди пользовались жильем. И эта система рухнула. Не от внешнего нападения, не от буржуазных захватчиков, а от внутренних противоречий и центробежных сил. С плохим рухнуло, распалось и много хорошего, порвались экономические связи, в экономике наступил хаос, а в обществе – аномия. Но обо всем этом по порядку.

ГЛАВА 5. БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ И ИХ КРУШЕНИЕ (20-е гг.)

Октябрь 1917 г. стал поворотным пунктом не только в судьбах России, но и оказал сильное влияние на весь ход мировой истории. Часто революцию в России называли главным событием XX в. Она назревала давно, не была неожиданностью. Царский режим был обречен своей неспособностью преодолеть глубокие внутренние противоречия прежде всего социального характера. Его падение было встречено с энтузиазмом. Однако народившаяся демократия оказалась слабой и не сумела преодолеть обострившийся кризис в обществе. Власть взяла в свои руки самая радикальная партия – большевики. Октябрьский переворот уже не был встречен столь единодушно, как Февральский. Самыми обманутыми чувствовали себя те, кто вместе с большевиками в царском подполье боролись за свержение монархии. Прежде всего это – самая популярная партия социалистов-революционеров, а также кадеты, меньшевики и другие демократы. Но что поделаешь, если партии социалистов оказались организационно разными, не улавливали веяний времени, психологии различных слоев населения, затянули с проведением аграрной реформы.

П.А. Сорокин 28 октября 1917 г. в газете “Воля народа” опубликовал обличительное, под названием “Победителям”, гневное, полное эмоций письмо-памфлет, обвинив большевиков во лжи, вероломстве и предательстве родины и революции³². Подобные настроения активного члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания, неоднократно репрессированного царскими властями, а в дальнейшем – крупнейшего ученого-социолога XX в. разделяли многие. Однако широкие массы народа поверили большевикам и пошли за ними.

ДЕКРЕТ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как уже говорилось, принял Декрет о земле с приложением к нему крестьянского наказа, 27 января 1918 г. ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – декрет о социализации земли. Основные его положения сформулированы следующим образом:

“Ст.1. Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Социалистической Республики отменяются навсегда.

Ст.2. Земля без всякого (живого или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа.

Ст.3. Право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, кроме случаев, особо предусмотренных настоящим законом.

Ст.4. Право пользования землей не может быть ограничено: ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством.

Ст.5. Распоряжение недрами земли, лесами, водами и живыми силами природы предоставляется, в зависимости от их значения, уездной, губернской, областной и федеральной Советской власти, под контролем последней...

Ст.6. Весь частновладельческий живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь переходит без всякого выкупа из нетрудовых хозяйств в распоряжение, в зависимости от их значения, земельных отделов: уездного, губернского, областного и федерального Советов.

Ст.7. Все постройки означенных в ст.6 хозяйств, а равно имеющиеся при них сельскохозяйственные предприятия без всякого выкупа переходят, в зависимости от их значения, в распоряжение уездного, губернского, областного и федерального Советов.

Ст.8. Все неработоспособные лица, которые в силу настоящего закона... лишаются средств к существованию, могут... пользоваться правом получения пенсий... в размере существующей солдатской пенсии.

Ст.9. Распределением земель сельскохозяйственного значения между трудящимися ведают сельские, волостные, уездные, губерньские, областные, главные и федеральный земельные отделы Советов...

Ст.12. Распределение земли между трудящимися должно производиться на уравнильно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма, применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье землевладельца...

Ст.13. Общим и основным источником права на пользование землей сельскохозяйственного значения является личный труд...³³ (Далее здесь же говорится о возможности устройства образцовых ферм или опытных полей с наемным трудом.)

"Ст.17. Излишек дохода, получаемый от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступает на общественные нужды в распоряжение органов Советской власти.

Ст.18. Торговля сельскохозяйственными машинами и семенами монополизирована органами Советской власти.

Ст.19. Торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией"³⁴.

Декрет устанавливает порядок пользования, при котором для сельскохозяйственных целей прежде всего земля выделяется сельскохозяйственным коммунам, сельскохозяйственным товариществам, сельским обществам и, наконец, отдельным семьям и лицам. Здесь очередность такая: а) безземельные и малоземельные местные крестьяне и рабочие (батраки), б) пришлое земледельческое население и в) наконец, неземледельческое население в порядке регистрации³⁵.

Ст.25. Предусматривает, что "количество земли, отводимой отдельным хозяйствам для занятия земледелием... не должно превышать потребительно-трудовой нормы данного пояса"³⁶. Здесь же дается инструкция по исчислению этой нормы. Устанавливается порядок переселения на новые места, причем переселение осуществляется за счет государства.

В статье 35-й отдается "преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным", а в статье 45-й сказано: "Никто не может передавать прав на пользование находящимся у него участком земли другому лицу"³⁷.

Таким образом, декрет "О социализации земли" фактически провозгласил ее национализацию. Он по форме соответствует декрету II съезда, в нем заложен принцип уравнительности, передачи земли без выкупа. Об этом крестьяне давно мечтали, это обещали в своих программах эсеры, это крестьяне осуществляли явочным порядком летом 1917 г. Горели поместья, захватывалось имущество. Приводилась в исполнение формула об "экспроприации экспроприаторов", или попросту говоря, лозунг "грабь награбленное". Легко начать. Позднее грань между помещиком и зажиточным крестьянином стала стираться, под бирку кулацких пошли и средние хозяйства, у которых был дом покрепче, крышка хорошая, скота побольше. Потом начнутся продовольственные трудности. И Советская власть не найдет ничего более разумного,

чем применить силу, создать продотряды, сформировать комитеты бедноты и направлять беднейшую и люмпенизированную часть деревни на состоятельных крестьян. В результате новая власть, которую с чистым сердцем встретило и поддержало трудовое крестьянство, получит крестьянскую войну – русскую Вандею. Но об этом отдельно. Сейчас же напомним, что в декрете уже зазвучали новые ноты: преимущество коммуна и артелям, не сметь передавать землю по наследству, хлебная торговля и реализация средств производства – монополия государства. Только государство имеет право владеть землей, только оно торговать машинами. Это уже – государственно-монополистический капитализм или прямой путь к нему как к основному экономическому укладу. Пока же, по Ленину, в России налицо пять укладов: патриархальный, мелкотоварный (большинство крестьян, продающих хлеб), частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм³⁸. И пока что большинство крестьян поддерживают новую власть, ее декреты о земле и мире как нельзя близко к сердцу принимают пострадавшие в холодных и сырых окопах миллионы крестьян в солдатских шинелях. Их мысли – о семье, о доме, о хлебной ниве. И они “голосуют ногами”. Братаются через траншеи и колючую проволоку с такими же крестьянами и рабочими в шинелях мышиного цвета.

“ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ” И РУССКАЯ ВАНДЕЯ

Мировая война серьезно ослабила сельскохозяйственное производство и продовольственное дело. Но она не привела к полному разрушению производительных сил деревни. Крах продовольственного рынка и сельского хозяйства наступил позднее. Меры Советской власти, жестокие по своему характеру, делу помогли мало, но обострили политическую обстановку, доведя ее до взрыва.

Сопишемся на данные по производству зерна в РСФСР³⁹ (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Годы	Посевная площадь, млн. дес.	1909 - 1913 = 100%	Урожайность, пуд/дес.	1909 - 1913 = 100%	Валовый сбор главных зерновых, млрд. пуд.	1909 - 1913 = 100%
1909 - 1913	63,5	100	47,2	100	2,7	100
1916	60,4	95	42,8	91	2,4	89
1917	60,2	95	41,1	87	2,2	81
1920	46,2	73	30,7	65	1,3	48
1921	41,6	66	27,8	59	1,0	37

Нетрудно подсчитать, что на третий год войны посевные площади сократились менее чем на 5%, урожайность упала на 9,3%, а валовые сборы снизились на 11%. Для такого потрясения, как мировая война, в которую были вовлечены миллионы людей и практически весь экономический потенциал России, такое снижение еще не говорит о катастрофе. Худшее началось позднее. В 1921 г. сокращение площадей достигло 34,5%, урожайность сни-

зилась на 41%, а валовые сборы составили лишь $\frac{1}{3}$ довоенного уровня. Это уже катастрофа, голод, массовая смертность. И если в 1921 г. известную роль сыграли такие природные факторы, как засуха, то ведь и 1920 г. был по показателям не намного лучше, когда сбор зерна составил половину довоенного уровня.

Развалу экономики сопутствовало расстройство денежного обращения неслыханных размеров. Денежная масса в обращении возросла с 1,6 млрд. руб. в июле 1914 г. до 22,4 млрд. на 1 ноября 1917 г. и 23,47 млрд. на 1 июля 1921 г.⁴⁰. Индекс цен по Москве за это же время возрос в 20 339 раз, а по 39 губерниям Европейской России – в 12 900 раз. В октябре фунт печеного хлеба стоил в Москве 2 955, а в Петрограде – 3 593 рубля, пуд картофеля соответственно 20,6 и 28 тыс.руб., фунт сливочного масла – 32 200 и 36 750 руб., аршин ситца – 13 500 и 13 317 рублей⁴¹. Инфляция неслась на всех парах.

Особенно существенно сократились посевные площади под техническими культурами. Так, в 1920 г. посевы льна составляли лишь 41,2% от уровня 1916 г., конопли – 20,0%, свеклы – 17,3%, хлопка – 14,3% и табака – 7,7%⁴¹. Это автоматически сказалось на соответствующих отраслях промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Так, в 1920 г. по отношению к 1916 г. произведено льняной пряжи 4,7%, хлопчатобумажной – 4,4, шерстяной – 36,5, сахара – 9,8, масла растительного – 6,7%⁴².

Одновременно сокращалось поголовье скота. По данным ЦСУ по России и Украине в 1921 г. поголовье лошадей составило 76,0% к уровню 1916 г., крупного рогатого скота – 76,4%, овец – 56,0%, коз – 78,7 и свиней 72,7%⁴³.

Советская власть с первых месяцев занимает очень жесткую позицию по отношению к крестьянству, причем решение экономических вопросов переводит в политическую плоскость на базе классовой борьбы и расслоения крестьян. В этом отношении показательны два декрета. Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. “О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими”⁴⁴, который предоставляет Наркомпроду чрезвычайные полномочия по продразверстке. Дело в том, что продразверстку изобрели не большевики и не Временное правительство. Началась она еще при царском правительстве, продолжалась правительством Керенского. Но Советы внесли в это дело элемент жестокости, насилия и террора. Констатирующая часть декрета начинается популистски и с угрозой. “...Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой, безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыльным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам... На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией”.

В постановляющей части декрета подтверждается “незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками”. Все, не вывозящие излишки хле-

ба, объявляются врагами народа, их предлагается заключать в тюрьму сроком не менее 10 лет, конфисковать их имущество, изгонять с места жительства и общины. Излишки хлеба изымаются бесплатно, причем половина человеку, выдавшему “врага народа”, за половину твердой цены, а вторая половина – сельскому обществу. Так положено начало разжигания розни в деревне и создан материальный стимул для массового доноительства. Еще дальше по этому пути пошел декрет ВЦИК от 11 июня 1918 г. “Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями”⁴⁵. Этим декретом во всех волостях и селах созданы Комитеты деревенской бедноты, которым предложено немедленно приступить к работе. В эти комитеты могут быть избраны все без исключения местные и “пришлые жители сел и деревень, за исключением заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующиеся батрацким или наемным трудом и т.п.”. К сожалению, в жизни все эти понятия часто толковались весьма вольно и расширительно.

В обязанности Комитетов бедноты входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, содействие продорганам в изъятии хлеба у крестьян. При этом из изъятых до 15 июля половина хлеба выдается бедноте бесплатно, с 15 июля по 15 августа – с оплатой половины твердой цены, а во второй половине августа – со скидкой 20% с твердой цены. Это был сильный стимул для активности бедноты. Отсюда идет долго державшаяся спешка, нажим и нервозность в досрочном выполнении “первой заповеди” крестьянина. Разумеется, имело место и недоверие к крестьянству. В государственном складе надежнее.

Этот же декрет установил порядок льготной продажи для деревенской бедноты предметов первой необходимости и простейших сельскохозяйственных орудий: если волость изъядла хлеб до 15 июля – скидка 50%, если к 15 августа – 25% и во второй половине августа – 15% с установленных цен. В распоряжение Комитетов бедноты передаются сложные машины и техника, причем плата за их использование с бедноты не будет взиматься в волостях, где успешно прошло изъятие хлеба.

Таким образом, на селе появилась новая власть с довольно широкими экономическими, социальными и политическими возможностями. Она была прямо и строго ориентирована на разжигание классово-борьбы, на расчленение сельского общества. “Излишки” хлеба часто толковались весьма вольно, из амбаров подчас выгребалось все под метелку. “Твердая” цена в условиях инфляции имела символическое значение.

В дефиците тогда было все: хлеб, одежда, обувь, керосин, спички, стройматериалы, машины и орудия. При этом обмен продукцией между промышленностью и сельским хозяйством – был крайне разорителен для крестьян. Так, если в 1913 г. для покупки плуга крестьянину надо было продать 20 пудов зерна, то в 1923 г. – 150, косилки, соответственно, 150 и 847, жатки – 120 и 705⁴⁶. Такое же примерно соотношение сложилось и на товары личного потребления крестьян. При данном ценовом соотношении даже имевшийся мизер промышленной продукции оставался нерезализованным при острой в ней нужде селян.

Итак, жесткая разверстка, ценовой беспредел, политическая дискриминация широкого круга крестьян, травмировавшие их продотряды быстро охладили горячие чувства по отношению к партии большевиков и диктатуре пролетариата. Трудовое крестьянство стало понимать, что это не их власть. Это власть городских рабочих и сельской бедноты, то есть слоев, которые не составляли большинства народа. Но они формировали органы власти. С подобной аграрной политикой не могли смириться даже левые эсеры, которые состояли в союзе с большевиками, поддержали их в лице Марии Спиридоновой и ее единомышленников в октябре 1917 г., входили даже в Советское правительство. В различных губерниях начались крестьянские волнения, переходившие в вооруженные выступления, крестьянские восстания на Украине, в Сибири, на Волге, в Воронежской и особенно Тамбовской губернии.

В марте 1921 г. восстали моряки Кронштадта, всегда бывшего оплотом революции. Численность участвовавших в мятеже матросов и солдат достигла 27 тысяч. В их распоряжении было 2 линкора, 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов. Кроме экономических требований, составившие выдвигали лозунг Советов без коммунистов, обманувших ожидания народа, и прежде всего крестьян. По официальной версии, одна из причин Кронштадского восстания состоит в том, что новое пополнение матросов представлено преимущественно крестьянами, находившимися под сильным влиянием эсеров. Восстание было жестоко подавлено. Возглавил подавление М.Н. Тухачевский с армией в 45 тыс. человек. На эту операцию в войска было послано 300 делегатов X съезда партии и видные военачальники, в их числе К.Е. Ворошилов, А.С. Бубнов, И.С. Конев, П.Е. Дыбенко, И.Ф. Фелько, И.В. Тюленев и др. Было убито свыше 1 тыс. восставших, ранено свыше 2 тысяч, захвачено с оружием в руках 2,5 тыс., около 8 тыс. бежало в Финляндию. Советские войска потеряли на льду Финского залива 527 убитыми и 3 285 ранеными⁴⁷.

Восстание крестьян Тамбовской губернии, вошедшее в советскую историографию под названием "антоновщина", было гораздо масштабнее как по численности участников, широте охвата территории, так и по политическому значению. Это была в подлинном смысле крестьянская война – русская Вандея. Недаром Ленин посылал такие телеграммы Э.М. Склянскому, заместителю наркома по военным и морским делам: "Надо ежедневно и в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома" и Фрунзе", чтобы добились и поймали Антонова и Махно"⁴⁸. Или: "Как дела у Тухачевского? Все еще не поймали Антонова? Нажимаете ли вы? Когда доклад в Политбюро?" Оказываюсь, Антоновым и "антоновщиной" постоянно занимались и Политбюро, и Оргбюро ЦК ВКП(б), и Наркомат по военным и морским делам, были подтянуты многочисленные войсковые части и соединения, боевая техника, интернациональные полки, включены видные военные начальники. Как Тухачевскому Антонова, так и Фрунзе Махно живыми поймать не удалось: первый был вероломно предан и убит вместе с братом 24 июня 1922 г. сотрудниками ГПУ во время болезни в деревне Нижний Шибрай Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, а Махно в бедности и болезнях скончался 6 июля

⁴⁷ Главком – С. С. Каменев.

⁴⁸ М. В. Фрунзе – командующий войсками Украины и Крыма.

1934 г. в Париже. Действительно, “антоновщина” была для Советской власти тогда опаснее Деникина, Колчака и Врангеля, вместе взятых.

Так кто же был в действительности Антонов, в чем истоки русской Вандеи и как она была удушена? Обратимся к источникам. Официальная версия историков советского периода такова. Антоновщина – это “антисоветский кулацко-эсеровский мятеж в 1920–21 гг... была одной из самых значительных попыток осуществления новой политики классовых врагов против диктатуры пролетариата – тактика “взрыва изнутри”. Международный империализм и внутренняя контрреволюция... рассчитывали использовать колебания мелкобуржуазных слоев, противопоставить крестьянство рабочему классу и свергнуть диктатуру пролетариата. Контрреволюционные силы стремились использовать недовольство крестьянства подразверсткой”⁴⁹. Далее автор статьи в Большой советской энциклопедии ссылается на то, что Тамбовская губерния была типично крестьянская с “мелкобуржуазным населением”, сильным кулацким и эсеровским влиянием.

Мятеж начался в селе Каменка Кирсановского уезда в августе 1920 г. Отсюда распространился на территорию Тамбовского, Борисоглебского, Моршанского, Козловского и других уездов. Основные лозунги были: “Долой подразверстку! Да здравствует свободная торговля!” В январе 1921 г. армия повстанцев достигла 50 тыс. человек. Была перерезана Юго-Восточная железная дорога, и центр страны отрезан от хлебных районов России. В августе 1920 г. в Тамбовской губернии вводится осадное положение. Ленин поручает Ф.Э. Дзержинскому, Э.М. Склянскому, С.С. Каменеву возглавить борьбу с мятежом. В Тамбов посылаются комиссия ВЦИК во главе с В.А. Антоновым-Овсеенко (1883–1938), 300 коммунистов из Москвы, Петрограда и других промышленных центров.

В январе-феврале 1921 г. в район восстания посылаются дополнительные части войск. К лету 1921 г. общая численность превышает 100 тыс. красноармейцев. Игак, 100-тысячная армия, вооруженная артиллерией, пулеметами, разведывательными аэростатами, снарядами с удушливыми газами пошла войной на своих граждан, крестьян одной губернии. Руководят операциями видные военачальники: М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Ф. Фелько, И.В. Тюленев, Г.И. Котовский, и др. Здесь же профессиональные каратели, такие как Г.Г. Ягода и В.В. Ульрих. Самые ожесточенные бои были с 28 мая по 26 июля 1921 г. За это время, только за два месяца крестьянская армия потеряла убитыми и ранеными 11 тыс. человек. С учетом захваченных в плен армия повстанцев сократилась на 37 тыс. человек. В августе 1921 г. восстание было подавлено.

Тамбовские крестьяне вовсе не сразу подняли оружие. На выгребание хлеба, сокращение нормы выдачи муки и пшена самим хлеборобам до недопустимого минимума они сначала писали жалобы, принимали петиции на сельских сходах, молили власти увеличить эти нормы, не обречь самих землепашцев на голод. Они не хотели обострять ситуацию, не “доводить дело до греха”. Когда это не помогало, крестьяне стали сокращать посевы до размеров удовлетворения потребности собственной семьи. А затем, когда мирные средства были исчерпаны, последовали вооруженные выступления.

Со знанием дела объясняют причины возникновения “антоновщины” главные организаторы и исполнители ее подавления. Так, М.Н. Тухачевский в

своей записке В.И. Ленину 16 июля 1921 г. пишет: "Причины восстания – общие для всей РСФСР, то есть недовольство продразверсткой и неумелое и исключительно жестокое ее проведение продорганами на местах. Причины, организовавшие восстание, следующие: а) сильное эсеровское гнездо, свитое в Тамбовской губернии; б) искусная тактика, проявленная эсерами в создании СТК*; в) скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией, и, наконец, военно-организаторский талант Антонова..."⁵⁰

В.А. Антонов-Овсеенко в пространном докладе в ЦК РКП(б) 20 июля 1921 г. резюмирует: "...1. Крестьянские восстания разворачиваются на почве широко разлившегося недовольства мелких собственников деревни пролетарской диктатурой, повернутой к ним острием неумолимого принуждения, мало считающейся с хозяйственными особенностями крестьянства и не обслуживающей деревню сколько-нибудь ощутительно ни с хозяйственной, ни с просветительской стороны"⁵¹.

Лучше не скажешь. Диктатура пролетариата в лице органов Советской власти проводила реквизиции, все отбирала, осуществляла репрессии, брала непосильную дань, совершенно не считаясь с положением и нуждами самого крестьянства. Эта власть была чужда интересам крестьянства. "Мавр сделал свое дело..." Крестьяне пошли за большевистскими лозунгами в 1917 г., пошли в Красную Армию. А вот для мировой революции, о которой мечтали коммунистические лидеры в Смольном и позднее в Кремле, очевидно, крестьяне не годятся. Они очень привязаны к земле, к своему дому, к своему делу. Они хотят за свой нелегкий труд, кроме хлеба насущного, что-то получить от города, в обмен, разумеется. А власти хотят просто брать, ничего не давая в обмен. Так поступают только оккупационные власти и то не всякие. Такой увидело Советскую власть крестьянство России. И не только в Тамбове. Архивы уже открываются, леденящие сердце документы публикуются.

Тамбовская губерния была очень крупной. В нее входили, кроме районов современной Тамбовской области, Борисоглебский уезд ныне Воронежской области, Липецкий, Лебедянский и Усманский уезды ныне Липецкой области, Темниковский уезд Мордовской автономной республики. Она была наиболее крестьянской из всех губерний России: из 3,5 млн. человек населения горожане составляли всего лишь 0,25 млн. человек, или немногим более 7%.

Она причислялась к производящим губерниям, поставляла на экспорт перед первой мировой войной до 60 млн. пудов сельскохозяйственных продуктов, в том числе до 26 млн. пудов зерна. С первых же дней установления Советской власти, от нее пострадало более 60 тыс. крестьянских хозяйств. Уже в 1918 г. восстанием было охвачено более 40 тыс. крестьян, создавались "зеленые армии". Власти же сразу приступили к насаждению колхозов и совхозов, которые стали убежищем для инвалидов и бездельников; лишь очень немногие из них являют хозяйственную ценность⁵². В 1920–1921 гг. здесь был сильный неурожай. По данным Губпродкома, на душу населения приходилось по 4,2 пуда, тогда как фактическое потребление за 1909–1913 гг. составляло 17,9 пуда (кроме фуража). И в этой обстановке продотряды насильно выпребают последнюю горсть зерна.

* "Союз трудового крестьянства".

Тамбовская губерния была родиной выдающихся лидеров партии социалистов-революционеров: М.А. Спиридоновой и В.М. Чернова. Здесь были сильные организации этой партии. В губернии проводились частые экспроприации в пользу партии. Авторитет эсеров среди крестьян был высок. Большевики они не знали. А когда столкнулись с созданной ими властью, то взаимопонимания не получилось.

Эсерами был создан "Союз трудового крестьянства" (СТК), построенный по территориальному принципу с комитетами в селах, волостях, районах, уездах и губернии. Только в пяти уездах было более 900 комитетов СТК. При каждом комитете была вооруженная охрана (ВОХР) от 5 до 50 человек на село.

Для иллюстрации возьмем уком СТК – уездный комитет. В нем был председатель, товарищ председателя, контролирующей работу отделов и технический секретарь. При укоме были продовольственный, политический и военный отделы, связь, суд и милиция. Группы волостей объединялись в районы, например, в Борисоглебском уезде было 4 района. Здесь структура была аналогичной укому. Волостные комитеты также занимались продовольствием (хозяйством), милицией, военным делом и связью. Сельские комитеты работали непосредственно с крестьянами, имели охрану. Губернский комитет координировал работу уездов и был непосредственно связан с Главным оперативным штабом крестьянской армии, войсковыми соединениями. Губком имел агитационный отдел и политработников. Занимался также вопросами продовольствия, связи, милиции⁵³.

СТК имел свою программу, очень короткую, всего из 17 пунктов, среди которых предусматривалось: политическое равенство всех граждан, без разделения на классы; всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами; созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного голосования; свобода слова, совести, печати, союзов и собраний; проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием; удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы; частичная национализация фабрик и заводов с оставлением крупной промышленности в руках государства; допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственно-экономической жизни страны; открытие широкого государственного кредита личности; свободное производство кустарной промышленности⁵⁴.

Были также и Устав "Союза трудового крестьянства". В качестве цели СТК ставил свержение власти коммунистов (большевиков). Членами принимались лица обоюбого пола, достигшие возраста 18 лет, строго соблюдающие дисциплину, разделяющие программу и задачи Союза. При вступлении требовалось два поручительства. Не принимаются члены коммунистических и монархических партий. Исключаются не посещающие без уважительных причин до трех собраний, а также за безнравственное поведение, опороченные по суду за кражи, грабежи, поджоги, убийства, шпионаж и прочее. Устав принимается за основу и может быть дополнен уездным, губерньским и Всесоюзным съездами⁵⁵.

Крестьянская (партизанская) армия строилась на общих принципах. Функционировал Главный оперативный штаб, который возглавлял Антонов. Были две армии, которые состояли из дивизий, полков, эскадронов, команд, взводов и так далее. Имелись знаки различия для партизан и командного состава: красные нашивки на левом рукаве, ленточки, треугольники углом вниз и вверх, ромбы.

Александр Степанович Антонов (1889–1922) родился в Москве, в семье садовника и портнихи. Семья вскоре переехала в Кирсанов Тамбовской губернии, где отец завел слесарную мастерскую. Окончил городское училище, по некоторым данным учился в реальном училище. Работал волостным писарем, рабочим на заводе, учителем народной школы. С 1905 г. состоял в партии эсеров. Участвовал в ряде дерзких экспроприаций, долго считался неуловимым. В феврале 1909 г. арестован в Саратове, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Наказание отбывал в тюрьмах Тамбова и Владимира. Амнистирован Временным правительством как политкаторжанин. Поначалу работал помощником начальника милиции города Тамбова, затем возглавлял милицию Кирсановского уезда. Здесь он показал себя в условиях правового беспредела сильным организатором. Боролся с “аграрным террором”, разоружал проходившие через Кирсанов эшелоны чехословацких войск. Добровольно покинул пост начальника уездной милиции из-за несогласия с политикой Советской власти по крестьянскому вопросу, некоторое время находился в Самаре, затем вернулся на Тамбовщину и организовал для борьбы с диктатурой пролетариата “боевую дружину”, которая впоследствии стала ядром партизанской армии. В эту армию вольются тысячи и тысячи крестьян. Многие из них прошли первую мировую войну, приобрели опыт, даже стали офицерами. Придут и кадровые офицеры, даже в чине полковника. И эта война выдвинет из крестьянской среды способных командиров.

Вспоминая действующих лиц этой трагедии, кроме крестьян и их вождей, еще раз задумываешься о судьбах таких людей, как Тухачевский, Уборевич, Антонов-Овсенко и другие военачальники, руководивших кровавой расправой над мятежниками. Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – дворянин, блестящий гвардейский офицер, участник первой мировой войны, в немецком плену находился вместе с будущим президентом Франции Шарлем де Голлем, тогда капитаном французской армии, бежал из плена, герой Гражданской войны, позднее начальник Генерального штаба Красной Армии, маршал, реформатор армии, автор многих трудов по военной стратегии и ...исполнитель жестоких решений по расправе с крестьянами, восставшими против несправедливости. Пройдет немного времени, и он сам погибнет от пули палачей...

Или Иероним Петрович Уборевич (1896–1937), сын литовского крестьянина, офицер русской армии, участник первой мировой войны, один из организаторов Красной Армии, командарм 1 ранга, военный министр Дальневосточной республики в 1922 г., командующий военным округом. И он отдаст приказы стрелять в крестьян-матросов под Кронштадтом и восставших в деревнях Тамбовщины. И его жизнь оборвется в один день с жизнью Тухачевского – 11 июня 1937 г., может быть, от пули одного и того же палача,

исполнявшего решение, подписанное тем же зловеще знаменитым Василием Ульрихом.

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, сын офицера и сам офицер русской армии. Революционер, писатель, государственный деятель, дипломат. За организацию восстаний в Польше и Севастополе в 1905–1907 гг. царским судом приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги, откуда бежал, эмигрировал, был советским послом в Литве, Польше. В 1937 г. генерального консула СССР Антонова-Овсеенко вызовут из сражающейся Барселоны в Москву, 8 февраля 1938 г. приговорят второй раз к смертной казни и через два дня расстреляют. Так “отблагодарит” большевистское руководство этих людей за подавление крестьянской войны в 1921 г., что спасло тогда Советскую власть от весьма вероятного свержения.

Завершая повествование об антоновщине, приведем ссылки на некоторые документы, обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации. Здесь сосредоточены подлинники приказов, донесений, аналитических записок, писем и телеграмм. Из этих документов видно, каковы были масштабы войны на Тамбовщине, в эпицентре крестьянской войны, они свидетельствуют о безмерной жестокости, разрушительности и бесчеловечности гражданской войны.

После того как советское руководство сочло подготовленность своих сил достаточной для тотального наступления на повстанцев, был отдан следующий приказ:

“Тамбов, 30 мая 1921 г. 23 часа 55 минут. С рассветом 1-го сего июня приказываю приступить во всех участках к массовому изъятию из сел бандитов, а где таковых не окажется, их семей. Эта операция должна проводиться настойчиво и методически, но вместе с тем быстро и решительно. Изъятие бандитского элемента не должно носить случайного характера и должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья неукоснительно удаляются из губернии... Поменьше обывательской сентиментальности, побольше твердости и решительности. Командвойск Тухачевский”⁵⁶.

Так началось широкомасштабное истребление повстанцев силами регулярной армии.

Через 12 дней этого наступления издается зловещий по своей жестокости приказ №171. Вот его подлинный текст:

“Приказ Полномочной комиссии ВЦИК №171
г. Тамбов, 11 июня 1921 г.

Начиная с 1 июня, решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается... Бандя Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить эсербандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям, Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает:

1. Бандитов, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.
2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью Уполиткомиссий или Райполиткомиссий объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых, в случае несдачи оружия.
3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.
4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, расстреливать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома разбирать или сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной Комиссии ВЦИК
Командующий войсками
Председатель губвисполкома
Секретарь

Антонов-Овсеенко
Тухачевский
Лавров
Васильев⁵⁷

И вот еще один приказ, изданный на следующий день.

ПРИКАЗ
Командующего войсками Тамбовской
губернии №0116/
оперативно-секретный
г.Тамбов, 12 июня 1921 г.

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах довести.

Командующий войсками
Начальник штаба войск Генштаба

Тухачевский
Какурин⁵⁸

Примерно через месяц, 9 июля 1921 г. издается приказ №189:

“Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты, портя плотны и прочее народное достояние. В целях охранения мостов Политком ВЦИК ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, кои в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

2. Местным жителям под руководством ревкомов организовать оборону мостов от бандитских налетов, а также вменить населению в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее, чем в 24-часовой срок.

3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и селам.

Предполком ВЦИК
Командвойск
Предгубисполкома

Антонов-Овсеенко
Тухачевский
Лавров⁵⁹

Думается, что комментарии к таким приказам излишни. Подписи представителей высших органов власти свидетельствуют о том, что изобретен

подобный изуверский подход едва ли в Тамбове. В Тамбове были только исполнители. Война шла на истребление. Подобных приказов издавалось много. И они выполнялись.

В Тамбовском областном архиве имеется запись телефонного разговора начальника оперативного штаба при губчека Благонадеждина из Ржаксы с секретарем губчека Куликовым, состоявшегося 29 августа 1920 г. Благонадеждин просит санкции губисполкома, чтобы в течение 48 часов в 21 селе, включая поселок Ржакса, арестовать всех граждан в возрасте от 16 до 40 лет, конфисковать все их имущество, уничтожить все эти селения. На вопрос из Тамбова, относится ли эта мера ко всему населению этих сел или же к отдельным лицам, последовал ответ:

“Поголовно ко всему населению, так как в этих селах все активно участвовали и теперь участвуют. Эти села нужно стереть с лица земли”⁶⁰.

И стирали. Потому восстание было столь массовым, а авторитет Антонова высок.

Командир 5-го партизанского полка армии Антонова по имени “Костя” 25 июня 1921 г. пишет командиру 10-го стрелкового полка Красной Армии в ответ на предложение последнего “прийти с повинной головой” следующее:

“...У Вас хватает нахальства говорить, что мы грабители и насильники. Вы оглянитесь назад, что Вы сделали за эти четыре года Вашей власти: только насилие, грабеж и уничтожение неповинных людей... Теперь посмотрите как следует и одумайтесь, что происходит от Вас – кругом только стон, грабеж и смерть. От кого летят в щепки сундуки, двери у амбаров и льется невинная кровь? Только от Вас... Кого мы обидели, кого лишили жизни и взяли имущество, только этих вампиров коммунистов, а после всего этого называете нас бандитами; не мы, а Вы бандиты... Если Вы будете забирать семьи партизан и отправлять их на голодную смерть – это невинных жен, отцов, матерей и детей, то помните, что то же самое будем делать и мы, т.е. выгонять из пределов своего партизанского края все семьи коммунистов и красноармейцев. “Костя”⁶¹.

Таково лицо гражданской войны. Жестокость всегда порождает жестокость. Войну начинали не крестьяне. Но они стали давать адекватный ответ в рамках своих возможностей.

В используемых нами архивных фондах имеются воспоминания члена одного из продовольственных отрядов 25-тысячника А.Е. Медведкова из Петрограда. Он пишет, что обозленные реквизициями крестьяне в селе Нижние Мытренки Усманского уезда Тамбовской губернии напояли самогоном собравшихся в одной избе 20 продотрядовцев, снаружи дверь заперли кольями, саму избу облили керосином и подожгли. Все продотрядовцы сгорели⁶².

Жестокость исполнителей упомянутых приказов не привела к ослаблению войны. Но сила уже была не на стороне крестьян. Каратели были сильнее. В очередном докладе ВЦИКу (в архиве рукописный текст) Антонов-Овсеенко пишет, что с 1 июня по 2 июля 1921 г. взято “бандитов” 1 748, дезертиров 2 452, явились добровольно “бандитов” 1 449 (из них с оружием до 400 человек), дезертиров – 6 672. Заложников взято одиночек 3 430, семей – 913. Конфисковано 157 хозяйств, сожжено или разобрано 85 домов... За последнюю неделю эти цифры сильно возросли: число извлеченных “бандитов” и дезертиров достигло 16 тыс. человек, семей изъято всего до 1 500; конфисковано до 500 хозяйств, сожжено или разобрано до 250 домов...⁶³

Дальше цифры продолжают нарастать. Приводятся данные по отдельным волостям и уездам. Губерния покрывается сетью концентрационных лагерей. В лагеря отправляют тысячами. Там содержат даже детей. Так, в десяти концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г. находилось 1 155 детей⁶⁴.

Многие крестьяне и представители местной интеллигенции обращались с письмами к властям, требуя прекратить кровопролитие, заняться решением коренных вопросов крестьянской жизни. Вот письмо землемера Кирсановского уезда Насонова, адресованное Антонову-Овсеевко. "...душа моя болит об одном: о бандитах. Мне тяжело и горько слышать, как эти темные и несознательные крестьяне сами себе роют могилу... Я пришел к глубокому убеждению, что ни пушками, ни пулеметами, ни расстрелами можно остановить... крестьян... а решительным и быстрым проведением в жизнь Декрета о земле... и тогда крестьянская масса почувствует, что земля действительно принадлежит им, и они все потянутся к земле... а бомбы и винтовки побросают в мусорные ямы, как ненужный хлам"⁶⁵.

Крестьянин обращается к председателю Губернского исполнительного комитета Лаврову: "Товарищи, вы одумайтесь. Крестьянину нельзя спекулировать, а городу можно. За коробку спичек гражданин должен отдать Совету 12 пудов хлеба..."⁶⁶

Или еще одно письмо: "Просим огласить вашему собранию от граждан... Моршанского уезда... Довольно нам кровь проливать. Довольно из нас жилы тянуть... мужика-дурака отбили от хозяйства... Тогда только богатство будет, когда мужику дадут свободу работать около земли... тогда только обогатится наша матушка-Россия"⁶⁷.

Кажется, авторы приведенных писем смотрели более трезво и гуманно на события, чем более высокое начальство, облеченное властью. Крестьяне не были фанатами мировой революции. Они не рассматривали человека через призму классовой борьбы. И не они первыми подняли руку с винтовкой. Им винтовка уже надоела. Они хотели выращивать хлеб на своем поле и получать честную оплату за свой труд.

В рамках крестьянской войны стоит и такое оригинальное явление как "махновщина" на юге Украины. Хотя она была окрашена анархистской идеологией и риторикой, в рядах этой армии были не только крестьяне, но и рабочие, не только украинцы, но люди разных национальностей, в основе движения все же был крестьянский вопрос. Потому армия Махно боролась против войск германского кайзера, гетмана Скоропадского, Симона Петлюры, не пошла на союз с Врангелем. С Советской властью и Красной Армией отношения были сложными. Не раз заключались союзы, проводились совместные операции, затем соглашения нарушались, и все закончилось уничтожением армии Махно Красной Армией после штурма Перекопа совместными усилиями.

Личность Нестора Ивановича Махно (1888–1934) весьма колоритна. Выходец из бедной крестьянской семьи смог окончить лишь начальную школу, после чего работал в экономиях немецких колонистов и помещичьих имениях. В 1906 г. вступил в группу "хлеборобов анархистов-коммунистов", участвовал в террористических актах. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отбывал наказание в Бугырской тюрьме, где

упорно занимался самообразованием. Изучал математику, русскую литературу, историю культуры, политическую экономию. Сблизился с анархистом П.А. Аршиновым, который позднее написал монографию о махновцах⁶⁸. Часто находясь в тюремных карцерах, заболел туберкулезом. Освобожден после Февральской революции как политкаторжанин.

Возвратясь в родное Гуляйполе (ныне Запорожская область Украины), включился в деятельность Крестьянского союза, был избран председателем его комитета. Вел большую организаторскую работу на юге Украины. Выступал против украинских повиннистов из "Селянской силки". Формировал повстанческие отряды. Украинские и германские оккупационные власти сожгли его дом и расстреляли старшего брата. Октябрьскую революцию встретил неоднозначно: приветствуя раскрепощение рабочих и крестьян от буржуазного государства, он не мог принять диктатуру коммунистического государства и его вмешательства в жизнь народных масс.

В мае 1918 г. Махно прибыл в Москву, встретился с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, П.А. Кропоткиным, П.А. Аршиновым. Имел длительную и откровенную беседу с Лениным по крестьянскому вопросу и анархистско-коммунистическому движению. Очень жалел, что не сумел обсудить детали многие вопросы. Питал к Ленину искреннее уважение. Позднее в своих воспоминаниях он напишет: "Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающемуся поневоле его властолюбием городскому пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни"⁶⁹. Возвратясь на Украину, развернул большую работу по созданию армии. В разные периоды под командованием Махно были десятки тысяч людей. Абсолютное большинство составляли крестьяне, и бились они за землю и волю.

Н.И. Махно отличался личным бесстрашием, высоким организаторским талантом. Он был 14 раз ранен в боях. По соглашению с командованием Красной Армии в сентябре 1919 г. прорвал фронт Белой армии и совершил глубокий рейд по ее тылам, за что был награжден орденом Красного Знамени. Но отказался выступить против поляков и был объявлен вне закона. После взятия Перекопа и Крыма отказался влиться в состав Красной Армии и опять оказался вне закона, его отряды были уничтожены. В декабре 1920 г. Махно формирует свою последнюю армию (около 10–15 тыс. человек) и ведет борьбу до августа 1921 г. против "большевистской диктатуры и ее контрреволюции". Преследуемый Красной Армией, он с небольшим отрядом переходит Румынскую границу. Некоторое время живет в Польше, затем во Франции. Работает в типографии и сапожничает. Часто болеет. Оставил "Воспоминания", к сожалению, не законченные.

Сравнивая крестьянскую войну на Тамбовщине и махновское движение, нетрудно заметить много общего и много различий. Общим было недовольство крестьянства жестокими мерами военного коммунизма, поборами и реквизициями, командованием со стороны властей и опорой последних только на сельскую бедноту и городской пролетариат. Потому социальная база для крестьянской армии была весьма широкой. И лишь с переходом к нэпу она стала сокращаться. Различие было в том, что на Тамбовщине основа была чисто экономическая – антикрестьянская аграрная политика властей, тупая

и безжалостная продразверстка с явно выраженной идеологией партии эсеров. У Махно же была политическая программа на анархистской основе, он выступал против всякой власти, ограничивающей и сковывающей инициативу людей и урезающей местное самоуправление. Он трижды заключал соглашения с Советской властью и Красной Армией, по стратегическим вопросам иногда выступая совместно. Но итог тот же: как тамбовское крестьянское движение, так и махновщина были подавлены и уничтожены превосходящими военными силами Советской власти.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА (НЭП) И РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ

Крестьянская война и особенно Кронштадтское восстание, восстание крестьян в Тамбовской губернии, махновщина, а также многочисленные выступления крестьян против Советской власти в различных регионах России показали тупиковость политики военного коммунизма с присущими ему методами насилия, террора, реквизицией. Это грозило полным экономическим крахом и бесконечной войной с собственным народом. Никакое государство при таких условиях не только развиваться, но и сохраниться не может даже и при отсутствии внешней опасности. Поэтому смена курса экономической политики вообще, и аграрной в особенности, стала вопросом выживания государства. Это начали понимать вожди партии и Советского правительства. Историческая роль и значение русской Вандеи в том и состоит, что она на какое-то время образумила советское руководство, вождей партии и правительства, показала пропасть, вырытую руками коммунистических лидеров России между ними и народом, прежде всего крестьянством, составившим $\frac{1}{2}$ населения страны. Она показала антинародность политики военного коммунизма.

Объективно необходимым стал переход к нормальным методам хозяйствования с использованием товарно-денежных отношений, хозрасчета, материальной заинтересованности, поощрения личной инициативы. Это и должно было составить суть так называемой новой экономической политики. Фактически же это означало просто восстановление попорченных методов нормального хозяйствования. Прежде всего нужно было отменить продразверстку. Резолюция "О замене разверстки натуральным налогом"⁷⁰ была продублирована в декрете ВЦИК от 21 марта 1921 г. Ее основные положения сводятся к следующему.

"1...Разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения...

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов...

4. Налог должен иметь прогрессивный характер: процент отчисления от хозяйств середняков и маломощных хозяйств... должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога. Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частично освобождения от налога...

5. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении..."

Во исполнение этих решений правительство существенно снижает объемы заготовок. Так, по зерну продналог ниже разверстки на 43,3%, по масличным семенам – в 2 раза, по мясу – на 74,5%, по маслу – на 36,1%, по льноволокну – в 15 раз⁷¹. Поначалу продналог предусматривался в хлебных единицах и считался единым, один продукт можно было заменить другим. В 1923–1924 гг. взимался как продуктами, так и деньгами. С 1924–1925 гг. введено денежное обложение и продналог перестал существовать⁷². В 1923–1924 гг. полностью или частично были освобождены от уплаты налога 5,9 млн. крестьянских хозяйств⁷³. Несколько снижены отпускные цены на продаваемые крестьянам промышленные товары, однако “ценовые ножницы” еще сохраняются не в пользу села. Однако крестьяне начинают покупать сельскохозяйственные орудия в больших количествах, чем в годы военного коммунизма, когда все это было просто невозможно.

Декретом Совета народных комиссаров от 17 мая 1921 г. разрешено развитие “кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме”, а также всемерное развитие сельскохозяйственной кооперации на принципах явочного образования... добровольного вхождения... свободного избрания...⁷⁴ Этим дается старт возрождению мелких заводов, фабрик и других предприятий, предпринимательству вообще.

Через неделю, 24 мая 1921 г. декретом Совнаркома “разрешается свободный обмен, покупка и продажа остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Право обмена, покупки и сбыта распространяется также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности... Обмен, покупка и продажа разрешается отдельным гражданам и кооперативным объединениям, потребительским, сельскохозяйственным и кустарным, и может проводиться как на рынках и базарах, так и других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях”⁷⁵. Затем был дан зеленый свет частной и кооперативной торговле. С осени 1921 г. возрождаются ярмарки, биржи. Создаются смешанные общества. ВЦИК и Совнарком РСФСР в июле 1921 г. разрешают организацию частных предприятий с числом рабочих до 20 человек, а позднее и больше. Таким образом, личная инициатива поощряется как в городе, так и в деревне.

В октябре 1921 г. создается Государственный банк, в феврале 1924 г. – Центральный сельскохозяйственный банк. Осуществляется денежная реформа, выпускаются устойчивые денежные знаки, обеспеченные золотом – червонцы. Начинает возрождаться после катастрофической гиперинфляции и финансовая система.

В целом меняются стиль и методы работы государственных, хозяйственных и партийных органов. Это зафиксировано в резолюции Одиннадцатого съезда ВКП(б) “О работе в деревне”. В ней сказано: “...7. Работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную, взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного подхода.”⁷⁶

В числе крупных мер, составляющих всю гамму новой экономической политики, следует назвать возрождение кооперации. Это очень важное направление актуальное и в наши дни. Потому рассмотрим его подробнее. Но сейчас отметим, что нэп оказал благотворное влияние на развитие производства. Об этом свидетельствуют следующие данные ЦСУ СССР (табл. 5.2).

Таблица 5.2

**Производство сельскохозяйственной продукции в СССР
за годы нэпа**

Годы	Валовая продукция*, млрд.руб.	1921г. = 100%	Зерно, млн.т.	1921г. = 100%	Мясо, млн.т.	1921г. = 100%
1920	36,8	112	45,2	125	2,6	88
1921	32,9	100	36,2	100	3,3	100
1922	35,7	108	50,3	139	2,2	66
1923	47,2	143	56,6	156	2,6	78
1924	49,4	150	51,4	142	3,4	103
1925	61,5	187	72,5	200	3,8	115
1926	64,8	197	76,8	212	4,2	121
1927	66,4	202	72,3	199	4,5	136
1928	71,9	219	73,3	202	4,9	148
1929	66,4	202	71,7	198	5,8	175

* в сопоставимых ценах 1983 г.

Приведенные данные свидетельствуют о быстром подъеме производства после глубокого упадка, вызванного не только, а может быть, и не столько последствиями двух войн и разрухи, сколько удупением инициативы, стимулов и всякого интереса производить сверх потребностей семьи. Нетрудно подсчитать, что среднегодовые темпы роста производства превышали 10%. Это весьма высокий рост.

Статистика тех лет добросовестно отражала происходящие процессы. В этой системе еще со времен земства сохранилось много квалифицированных кадров. Да и совесть не позволяла им заниматься лакировкой действительности, моральные устои еще не были размыты. Возьмем для примера состав рациона сельского населения потребляющей полосы за 1922–1927 гг. по обследованиям за октябрь каждого года (табл. 5.3).

Приведенные данные свидетельствуют о неуклонном улучшении качества питания сельского населения, хотя оно и ниже рациона горожан. Например, по расчету на октябрь 1927 г. годовое потребление мяса составляло в семьях рабочих 55,0 кг, а служащих 62,9 кг, а по расчету на февраль соответственно – 55,5 и 63,9 кг, у сельских жителей – 36,5 кг⁷⁸.

За последние годы этого десятилетия рост сельскохозяйственного производства замедлился. Тогда уже усилились атаки на нэп. Деревня становится донором сверхвысоких темпов индустриализации страны. С крестьян, по выражению И. Сталина, следовало брать высокую “дань”. Стоит подробнее рассмотреть вопрос о сельскохозяйственной кооперации, пережившей мировую, гражданскую войны и даже эпоху военного коммунизма. Она не только сохранилась, но продолжала расти и развиваться. И все это вопреки тому, что новые власти проводили над нею всевозможные эксперименты. Вызывались они, прежде всего, тем, что кооперацию рассматривали как институт буржуазный или мелкобуржуазный, который надо держать на привязи. С другой стороны, эта организация массовая, объединяет миллионы людей, и от-

нюдь не миллионеров. К тому же сумела воспитать кадры высокой компетенции, каким может позавидовать любая система. А у Советской власти энергию поглощают митинги, реквизиции, классовая борьба. Поэтому первые шаги Советской власти в отношении кооперации состояли в том, чтобы найти с нею компромисс, использовать ее технические кадры и управленческий аппарат.

Таблица 5.3

Потребление продуктов питания на душу населения
в день, в граммах⁷⁷

Продукты питания	Годы				
	1922	1924	1925	1926	1927
Мука ржаная	466,7	512,9	475,2	465,8	451,0
Мука пшеничная	27,4	26,9	34,6	47,1	43,5
Мука прочая	41,7	35,5	52,5	48,0	54,3
Крупа и бобовые	56,2	74,5	70,0	65,1	61,5
Картофель	951,4	842,8	710,8	716,7	679,9
Овощи и фрукты	249,2	212,5	212,5	183,9	213,3
Сахар и сахаристые вещества	2,5	8,2	11,5	13,5	17,6
Мясо	53,3	64,3	115,1	106,1	100,0
Рыба	16,8	23,8	19,2	20,9	23,8
ЖИРЫ:					
сало	4,9	6,1	9,8	7,8	8,6
масло коровье	4,5	4,9	4,5	4,5	4,5
масло растительное	2,5	5,3	5,3	6,1	4,9
Молоко и молочные продукты	286,2	349,3	303,0	333,7	345,6
Яйца	4,5	6,1	4,9	4,1	3,7

20 марта 1919 г. принимается декрет “Об единых потребительских обществах”, в соответствии с которым во всех городах и сельских местностях потребительские кооперативы реорганизируются и объединяются в единое потребительское общество (ЕПО). В ЕПО включается все население данной местности. Паевые взносы упраздняются. Все ЕПО объединяются в единую иерархическую систему, или союзы (райсоюзы, губсоюзы), возглавляемые Центросоюзом. Правом избирать и быть избранным в руководящие органы ЕПО обладают только те граждане России, которые по Конституции РСФСР не лишены права голоса (в условиях диктатуры пролетариата появились так называемые “лишенцы”, не имевшие права голоса: представители буржуазных классов, священники, кулаки и др.).

27 января 1920 г. издается декрет “Об объединении всех видов кооперативных организаций”, по которому кредитная кооперация ликвидируется путем ее слияния с потребительской. Все остальные ветви сельскохозяйственной кооперации также сливаются с потребительской. Их центры становятся отдельными секциями Центросоюза. Итак, фактически остается только потребительская кооперация, которую государство приспособляет к целям изъ-

ятия у крестьян продукции. Это особенно четко выражено в решениях IX съезда ВКП(б), состоявшегося 29 марта – 4 апреля 1920 г.

В резолюции съезда “Об отношении к кооперации” предусмотрено “завершить начатое декретом от 20 марта 1919 г. и последующей работой партии закрепление за нашей партией руководящего значения во всех организациях потребительской кооперации снизу доверху... приступить к постепенному изъятию из местных потребительских обществ, губсоюзов и Центросоюза и к передаче соответствующим центральным и местным советским органам (ВСНХ, Наркомпрод, Наркомзем, Наркомпрос и др.) всех тех отделов, которые являются параллельными и конкурирующими с соответствующими отделами этих органов... привлекать кооперативный аппарат к делу снабжения населения на основе продовольственной политики, устанавливаемой компродом... потребительская кооперация, находясь в центре и на местах в ведении Наркомпрода, выполняет технические хозяйственные операции и по его заданиям и под его контролем... Задания государственных органов в области заготовок должны быть обязательными для кооперативных организаций”⁷⁹.

Таким образом, все виды кооперации поглощаются потребительской, последняя подчиняется Наркомпроду и выполняет поручения этого государственного органа по изъятию хлеба у крестьян. Вот такая метаморфоза произошла со свободной, демократичной структурой общества по решению правящей партии.

Положение кардинально меняется после перехода к новой экономической политике. Десятый съезд ВКП(б), состоявшийся 8–16 марта 1921 г., отменяет резолюцию IX съезда по кооперации, построенную “на признании принципа разверстки”⁸⁰, и поручает выработать меры по улучшению и развитию кооперации.

17 мая 1921 г. Совнарком принимает декрет, в котором определяет принципы кооперирования: явочность образования товариществ и структур не выше губернского уровня; добровольность вхождения в них членов и свободное избрание правлений. При этом поощряется стремление мелких товаропроизводителей к кооперированию⁸¹.

ЦК РКП(б) обращается ко всем партийным организациям с письмом “О кооперации”⁸². Предлагается принять активное участие во всех кооперативных мероприятиях, делегировать коммунистов в руководящие органы кооперативов, принять меры к возвращению в кооперативы ранее изъятых отсюда опытных работников, в совпартишколах ввести предмет основ кооперации, пропагандировать новую роль кооперации. С аналогичным письмом “О сельскохозяйственной кооперации” ЦК РКП(б) обращается еще раз 18 марта 1922 г. В нем напоминает, что “кооперация становится... на одно из самых видных мест в схеме развертывания нашей сельскохозяйственной политики”⁸³.

В августе 1921 г. правительство издает декрет о сельскохозяйственной кооперации. Она получает право образовывать свои союзы, секции при потребсоюзах упраздняются. Иначе говоря, сельскохозяйственная кооперация восстанавливается организационно и юридически. Тогда же учреждается Всероссийский Союз сельскохозяйственной кооперации – “Сельскосоюз”. К этому времени уже было 40 союзов, сотни первичных кооперативов. Возрождаются центры: “Льноцентр”, “Союзкартофель” и другие.

24 января 1922 г. издается декрет о кредитной кооперации, деятельность которой предусматривается на тех же основах, что и сельскохозяйственной. Однако бурное развитие кредитных товариществ началось только после создания в 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка.

Все это создало правовую основу для восстановления кооперации. 1923–1924 гг. были переломными. Растет сеть потребительских товариществ, восстанавливается и развивается сельскохозяйственная и кредитная кооперативная сеть. Если в 1922–1923 гг. доля кооперации в снабжении и сбыте составляла 15–17%, то в 1923–1924 гг. уже 35%⁸⁴.

В.И. Ленин в январе 1923 г. выступает с известной работой-завещанием “О кооперации”, где выдвигает предложение о всемерной поддержке кооперативного движения, в котором действительно участвуют широкие массы населения, и подчеркивает, что “...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма”⁸⁵.

Ленин понял неопенимую роль кооперации как инструмента построения более справедливого общества. Но нельзя это фундаментальное положение отождествлять с так называемым “ленинским кооперативным планом”, приписанным Ленину. Это то же, что экспериментатору биологу И.В. Мичурину приписать лысенковскую “мичуринскую биологию”.

Развернутое решение по сельскохозяйственной кооперации приняла состоявшаяся 27–29 апреля 1925 г. Четырнадцатая конференция РКП(б). В нем говорится, что в развитии и рационализации крестьянского хозяйства главное место принадлежит сельскохозяйственной и кредитной кооперации. Через кредит, снабжение, переработку и сбыт продукции можно воздействовать на отдельные распыленные предприятия. В выборные органы кооперативов нужно вовлекать больше передовых крестьян. Следует продолжать оправдавшуюся практику создания специализированных кооперативных объединений. Внутри самой кооперации необходимо полностью разграничить функции между потребительской и сельскохозяйственной кооперацией; обеспечить доходность кооперативов; сокращать накладные расходы; строго соблюдать кредитную дисциплину; повышать ответственность каждой организации. Не допускать административного вмешательства в дела кооперации. Шире привлекать средства населения через паевые и иные капиталы. Оказывать кооперации финансовую помощь со стороны государства, активизировать деятельность Центрального и местных банков. Использовать кооперативную сеть для заготовки сырья и реализации промышленных товаров. Предоставить право выхода кооперации на внешний рынок⁸⁶.

После этих решений кооперация получает новые импульсы. Развитие ее идет как вширь, так и вглубь. Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации насчитывает более 40 видов деятельности. Растет число союзов, центров. Повышается доля населения и хозяйств, охваченных сетью кооперативных товариществ. Так, если на 1.10 1927 г. в сельскохозяйственную кооперацию было вовлечено 15,5% взрослого населения и 39,0% крестьянских хозяйств, то через два года, на 1.10 1929 г., эти показатели были соответственно 26,8 и 68,4%⁸⁷.

Кооперация практически захватывает весь розничный товарооборот. Если в 1925–1926 гг. на долю государственной торговли приходилось 15,5%, час-

тной – 43,8% и кооперативной – 40,7%, то в 1928–1929 гг. на долю государственной – 13,1%, частной – 19,4% и кооперативной – 67,5%, в том числе потребительской – 57,4%⁸⁸. Что же касается оптовой торговли, то и здесь на долю кооперации уже в 1926–1927 гг. падало 49,3%⁸⁹. Итак, половина оптового и более $\frac{2}{3}$ розничного товарооборота – в руках кооперации.

Разворачивается и внешнеторговая деятельность. Создаются банки, выполняющие валютные операции в стране и за рубежом. Обороты Московского народного банка выросли с 10,1 млн. фунтов стерлингов в 1922 г. до 178,4 млн. фунтов в 1927 г. Крупные обороты имел также Рижский транзитный банк⁹⁰.

По состоянию на 1.10 1927 г. в стране насчитывалось 94 360 кооперативов с 24 119 тыс. пайщиков. В потребительской кооперации было 28 612 кооперативов с 15 074 тыс. пайщиков; в сельскохозяйственной соответственно 33 991 и 7 379 тыс.; в промышленной – 10 957 и 616 тыс. и жилищной 21 100 и 1 050 тыс.⁹¹. При этом надо иметь в виду, что 95% потребительских товариществ зародилось на селе, а среди промышленных кооперативов были рыбацкие, охотничьи, кустарные и инвалидные. Основная масса их также находилась на селе. Таким образом, практически вся кооперация, кроме жилищной, была сельской.

Григорий Наумович Каминский (1895–1938), председатель правления Союза сельскохозяйственной кооперации в 20-е гг. объяснял успехи кооперативного движения тем, что последовательно выдерживались общепризнанные основы и принципы: добровольность вступления и выбора форм; выборность руководящего состава на началах полной свободы без навязывания; материальная заинтересованность пайщиков; специализация; максимальное приближение союзной сети к производителю; хозрасчет и свобода хозяйствования⁹². Но этот светлый период был недолгим. Скоро настанут лихие времена, и вся кооперация ляжет под тяжелые катки той же диктатуры пролетариата. Будет ликвидирована и раздавлена сельскохозяйственная, кредитная, затем и промышленная кооперация, потребительская будет огосударствлена, как и все в эпоху “развитого социализма”. Но пока кооперация живет, набирает силу, объединяет крестьян, защищает их от монополий и “нэпманов”, завоевывает внутренний и внешний рынки.

Государство принимает созидательную роль кооперации. Оно оказывает существенную материальную поддержку этой всеохватывающей системе. Вот как выглядит структура средств кооперативных союзов (без низовой сети) по источникам их поступления по состоянию на 1.10 1926 г.⁹³ (табл. 5.4).

Из приведенных данных видно, что государство стало не на словах, а на деле поддерживать кооперацию. Половина ее средств поступила из Союзного бюджета, почти $\frac{1}{3}$ составляют кредиты Госбанка, и лишь $\frac{1}{6}$ приходится на долю вкладов и паевых взносов.

Костяк сельскохозяйственной кооперации составляет система кредитных товариществ, связанных с банком. Кредитные организации осуществляют финансирование сбыта, переработки, снабжения, производственных товариществ как по отдельным отраслям сельского хозяйства, так и по видам производственного обслуживания, например, мелиоративные товарищества, по использованию техники, племенные и семенные хозяйства. Динамика раз-

Таблица 5.4

Источники поступления	млн. руб.	%
1. Вложено по Союзному бюджету	226,9	49,4
в том числе:		
в основные капиталы	140,1	
специализированные средства (мелиорация, борьба с засухой и др.)	86,8	
2. Вложено из местных средств	37,3	8,1
в том числе:		
в основные капиталы	28,2	
специализированные средства	9,1	
3. Крестьянские ссуды	10,0	2,2
4. Запасной и специальный капитал	31,2	6,8
5. Кредиты от Госбанка	86,8	18,9
6. Кредиты от других банков	1,9	0,4
7. Вклады, текущие счета	65,6	14,2
Итого	459,7	100,0

вития кредитной кооперации только за два года показывает ее стремительный рост (табл. 5.5).

Таблица 5.5

Кредитная кооперация СССР²⁴

	1.10.1924 г.	1.10.1926 г.	Рост, % (1924 = 100)
Число первичных кооперативов	6 774	9 114	135
Число членов (крестьянских хозяйств)	1 514 000	4 322 000	285
Среднее число членов в кооперативе	223	474	212
Сумма баланса (млн. руб.)	77,5	300	387
Сумма баланса на 1 кооператив	11 441	32 916	287
Сумма баланса на одного члена	51,2	69,4	136
Средняя сумма ссуд на 1 члена	18,5	32	173
Сумма вкладов на 1 члена	0,79	1,9	241

Конечно, паевые вклады крестьян невелики. Но как ссуды, так и вклады возрастают. Надо иметь в виду, что в те годы хозяйства только становились на ноги после перенесенных великих потрясений. Жесточайший пресс был только что опущен благодаря нэпу, и село еще превозмогало его разрушительные последствия. Но делало это быстро, хотя дамоклов меч взимателей "дани" над ним был занесен. Следует отметить, что передовая часть крестьянства нашла в кредитной кооперации ту форму организации мелкого кредита, которая наиболее удачно служила их интересам.

Потребность в кредитной кооперации в условиях рыночной экономики такова, что она самостоятельно будет пробивать себе дорогу по мере увели-

чения числа мелких и средних товаропроизводителей. Вопрос о возрождении кредитной кооперации актуален и в наши дни.

Сельскохозяйственные кооперативы объединялись в союзы, общее число которых на 1.01.1927 г. приближалось к сотне. Так, молочных союзов было 38, союзов льноводов – 1, хлебных – 1, свекловодов – 10, семеноводов – 8, плодородов и виноградарей – 7, табаководов – 6, картофелеводов – 4, конево- водов и овцеводов – 5, пчеловодов – 2 и прочих – 11⁹⁵.

Большинство союзов объединяются в центры. Например, молочные со- юзы возглавляются маслоцентром, в который входит 5 918 кооперативов, из них 4 006 специализированных молочных с более чем 2 млн. коров, 5 900 маслодельных и 680 сыроваренных заводов. Создано около 400 контрольных товариществ, занимающихся повышением племенных и продуктивных ка- честв скота.

Союзкартофель в 1926 г. объединял 14 союзов, из них 4 картофелевод- ческих с 67 товариществами, 25 тыс. крестьянских хозяйств, 138 заводов (картофелетерочных, крахмалосушильных, паточных, картофелесушильных), 30 мельниц, 14 просорушен, 5 лесопильных заводов и 14 электростанций.

Льноцентр объединял 6 778 первичных кооперативов, с 1,2 млн. крестья- нских хозяйств, имея за 1925–1926 гг. оборот 32,2 млн. руб.

Центротабаксоюз объединял союзы, 165 товариществ с 39 тыс. членов, что составляло 80% всех табакосеющих хозяйств⁹⁶.

Таким образом, кооперация в России возникла несколько позднее, чем в западноевропейских странах, но уже к 1917 г. она играла важную роль в аграрной экономике. Годы военного коммунизма задержали ее развитие. С конца 1921 г. она начинает оживать. Эксперимент с единым потребительским обществом оказался нежизнеспособным, надуманным. Зато обретя общепризнанные формы и методы деятельности, кооперация стала полнокров- ной. Через кооперацию крестьянин вошел в рынок. И будь у нас сегодня подобная система, не хозяйничали бы на рынке крупные и мелкие мафиози, не сгнивала бы выращенная продукция, не взвинчивались бы так розничные цены, легче преодолевалась бы инфляция. От этого выиграли бы село и го- род. Середина 20-х гг. в истории российской кооперации – золотой век, если можно так сказать о таком коротком периоде. И Россия тогда шла в ногу со всем миром. Но судьба России такова, что она не знает плавного поступа- тельного развития. Противоречия и борьба взглядов, подходов, концепций, методов естественна, неизбежна и необходима. Но вовсе не обязательны со- знательно инициируемые потрясения, разрушения всего и вся во имя несбы- точной, но навязчивой идеи.

ПОДЪЕМ В АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ШКОЛА

Двадцатые годы XX в., пожалуй, наиболее сложный и интересный пери- од в жизни нашего общества. Он отмечен богатством поисков путей постро- ения социализма, свободой мысли, разнообразием школ и направлений, обилием оригинальной и переводной литературы, широкого эксперименти- рования, множеством политических платформ и фракций. Но репрессивная

машина набирает обороты. Партийный аппарат во главе с генсеком, после различных маневров и рокировок потихоньку прибирает к своим рукам всю власть в государстве. Вскоре Россия получит некоронованного монарха с таким объемом полномочий, какие даже не снились королям, дарям и императорам всех времен и народов. Уже в начале 20-х гг., как мы видели, появляются концентрационные лагеря для граждан собственной страны. И не только на Соловецких островах, но и в Черноземном центре. И талантливые полководцы, прославившие себя на полях брани, отдают приказы расстреливать крестьян. Так и хочется спросить словами к потрясающей своим трагизмом картине Валентина Александровича Серова: “Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?”

В России был накоплен огромный интеллектуальный и культурный потенциал. Казалось, революция должна была развязать творческую инициативу, созидательный порыв миллионов. Многим она действительно дала сильный заряд, подняла из глубин общества талантливых людей. Но тут же вытолкнула из страны уже сложившиеся духовные творческие силы. Уезжает в Америку Владимир Кузьмич Зворыкин (1889–1982), создавший в 1931 г. иконоскоп – первую передающую телевизионную трубку. Туда же отбывает Игорь Иванович Сикорский (1889–1972), творец русских самолетов “Илья Муромец”, “Русский витязь”. А в США он сконструировал 15 типов самолетов и первые в мире турбинные вертолеты. Униженный многократными обысками уезжает из России великий Шаляпин (1873–1938), а через некоторое время безосновательно его лишают российского гражданства и звания народного артиста. После пережитых “окаянных дней” (имеется в виду не название книги, а сами дни) отбывает за рубеж Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), будущий лауреат Нобелевской премии. По приказу Лубянки после своих “Ценных признаний” высылается из России Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), который создаст современную социологию, напишет более 50 книг, и за океаном его назовут великим социологом XX в. А 26 сентября 1922 г. на пароходе “Обер-бургомистр Хаке” из России в Германию отправят навсегда многих ученых, философов, литераторов. Из Германии в дальнейшем нацизм их вытолкнет и рассеет по всему свету, но большая часть окажется опять же в США. Пройдут десятилетия, прежде чем по крохам российский народ начнет получать творческое наследие изгнанников. Большинство из вынужденных эмигрантов, несмотря на мстительную ненависть к ним Советского государства, сохранили в себе любовь к Отечеству, поддержали фронт сопротивления фашизму; дети и внуки многих из них содействуют сегодня возрождению России.

Трудно найти в России экономиста, социолога и даже философа, который не касался бы в своих трудах того или иного аспекта аграрного вопроса. Это и понятно: ведь Россия была на 80% крестьянской страной. И дело даже не в этом – она переживала и по сей день переживает аграрный кризис, ставший перманентным. О нем всегда много говорили, писали, предпринимали попытки выйти из него, но никогда ничего до конца не доводили. А между тем обстановка продолжала обостряться, временами принимая острый и драматический характер.

В аграрно-экономической мысли 20-х гг. выделяются три направления: либерально-демократическое, марксистское, организационно-производствен-

нос. Разумеется, эта классификация условна. Были крупные ученые, которых нельзя целиком отнести ни к одной из названных школ, но в работах которых имелись элементы той или иной из них, плюс нечто только им присущее. Это относится прежде всего к Н.Д. Кондратьеву. Он не входил в состав организационно-производственной школы, был с ранних лет в партии социалистов-революционеров, его научные интересы выходят далеко за пределы аграрного вопроса.

Либеральные демократы стояли за частную собственность на землю, с пониманием относились к реформе Столыпина, общину считали изжившим себя институтом, сдерживающим инициативу и предпринимательство, горячо отстаивали крестьянскую кооперацию. Марксисты придерживались ортодоксальных позиций, отвергали частную собственность на землю, все надежды возлагали на коллективные формы хозяйствования, занимались обоснованием радикальной социалистической реконструкции сельского хозяйства. Организационно-производственная школа ориентировалась на трудовое семейное хозяйство в сочетании с различными видами кооперации, преимущественно вертикальной.

Судьба всех трех ветвей аграрной науки России 20-х гг. трагична. Либеральные демократы были высланы из страны в 1922 г., если они сами не успели эмигрировать сразу же после Октябрьской революции или гражданской войны. Представители организационно-производственной школы были арестованы в июне 1930 г. по обвинению в принадлежности к вымышленной “Контрреволюционной трудовой крестьянской партии”, и многие в 1937–1938 гг. были расстреляны. Ученые-марксисты, пытавшиеся осуществлять аграрную политику своей партии, также в 30–40-х годах прошли систему ГУЛАГа, а наиболее видные из них в 1937–1940 гг. были расстреляны. Рассмотрим подробнее каждую из этих ветвей.

Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин (1882 – Москва, 1954 – Цюрих) в 1928 г. выступил со статьей “Будущее русского крестьянства.”⁹⁷⁾ Он показывает, что крестьянство России всегда было главной движущей силой в развитии государства, армии, рынка, колонизации. И для будущего России не нужны ни аграрная реставрация, ни аграрная утопия. Нужно “...живое и творческое равновесие между интенсивно ведущимся земледелием и интенсивно развертывающейся промышленностью: то и другое на основе частной собственности и частной инициативы. И прежде всего – крестьянин должен стать полноправным собственником и культурной, гражданской личностью. Вне этого – великой России не быть”. Далее Ильин пишет, что крестьянин должен быть не “богатеющим мещанином”, но личностью и гражданином с чувством “собственного духовного достоинства”.

В его работе “Путь духовного обновления” есть специальная глава о частной собственности. Здесь он обосновывает “новое социальное понимание собственности”, исходящее из древних христианских принципов. Суть этого понимания сводится к следующему: иметь частную собственность – великое благо; поравнение имущества беспечно и вредно, так как приведет к новому неравенству. Преодолевать неравенство надо творческим трудолюбием. Важно не столько имущественное неравенство, важно “чтобы в стране не было хозяйственно-беспочвенных, бессильных, безработных, бесперспек-

тивных людей... чтобы у каждого был хозяйственно-отправной пункт... чтобы масса живо чувствовала поощряющее влияние частной собственности, а также успешность и почетность честного труда". Частная собственность не просто право, а "нравственно обязывающее право". Обязательства эти сводятся к творческому использованию, несению общественных и государственных повинностей, человеческому обращению, заботе о хозяйственно-беспочвенных людях. Необходима борьба "с противообщественным использованием собственности", эксплуатацией человека и ростовщичеством. В нравы народа должны быть включены три требования: изобилие, качество продуктов и щедрость. Это приведет к строгой экономии и дисциплине в труде, справедливости и доступности в распределении дохода. Подытоживая сказанное, И.А. Ильин пишет: "Частная собственность должна быть утверждена, но народ должен систематически воспитываться к верному пониманию ее идеи... Частная собственность есть власть: непосредственно – над вещами, но опосредственно – над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней. Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не приучая к ее благоупотреблению... Частная собственность означает самостоятельность и самостоятельность человека: нельзя исходить от предположения, что каждый из нас "от природы" созрел к ней и умеет ее осуществлять"⁹⁸.

В этих словах большого мыслителя заложен глубокий смысл. Практика показала, к каким бедствиям приводит бесхозяйственность, всеобщая и поголовная огосударствленность. Особенно опасно, когда уровень моральной ответственности человека отстает от предоставленных ему материальных возможностей или же власти. Часто эти два понятия являются фактически синонимами: имущество дает власть над людьми, власть порождает имущественное превосходство и создает возможности дальнейшего обогащения.

Видным экономистом-аграрником либерального направления был Борис Давидович Бруцкус (1874–1938). Он родился в Паланге (ныне Литовская республика), гимназию окончил в Москве, высшее образование получил в Новоалександрийском институте сельского и лесного хозяйства (г.Пулавы). С 1907 г. жил и работал в Санкт-Петербурге, профессор сельскохозяйственного института (1907–1922). В августе 1922 г. арестован, в ноябре – выслан в Германию. Здесь он работал до прихода к власти нацистов, затем выехал в Израиль. Среди изданных в России работ следует отметить такие: "К критике учений о системах хозяйства" (б.г.и.), "Землеустройство и расселение за границей и в России" (1909), "Очерки крестьянского хозяйства на Западе" (1914), "Обобществление земли и аграрная реформа" (1917), "К современному положению аграрного вопроса" (1917), "Аграрный вопрос и аграрная политика" (1922), "Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы" (1924).

Наибольший интерес из названных работ представляет "Аграрный вопрос и аграрная политика"⁹⁹. Фактически – это серия крупных статей об истории основных течений в аграрной политике, аграрной эволюции и политике России, землеустройстве, земельной политике иностранных государств и социально-экономических основах крестьянского хозяйства. Остановимся лишь на некоторых моментах, не утративших своего значения до настоящего времени.

Прежде всего, Бруцкус последовательно отстаивает частную собственность, индивидуальное хозяйство, солидаризуясь по этому вопросу с А.И. Скворцовым, не подавшимся многочисленному хору экономистов, горячо цеплявшихся за общину. Он не согласен с программой эсеров по аграрному вопросу, считая, что она “соответствовала и хорошо формулировала чаяния наиболее многочисленных экономически отсталых кругов крестьянства”¹⁰⁰. Но все-таки он видит принципиальную разницу между эсеро-народническим и марксистским подходом к общине и аграрному вопросу в целом. А.И. Герцен, а затем и Н.Г. Чернышевский в трех началах: 1) праве на землю, 2) общинном владении ею и 3) мирском управлении – видели человека. Несмотря на уравнищность, регулярные и нерегулярные переделы, подчеркивалось право индивида. У марксистов же на первый план выдвигается общество в целом¹⁰¹. Это очень важное положение. В дальнейшем оно получит последовательное применение в практике управления и основах всего колхозно-совхозного строя. Первый хлеб – государству, вся продукция – в первую очередь на поставки, крестьянину – производителю этой продукции – по остаточному принципу. Как право собственности, так и рента, а часто не только добавочный, но и необходимый продукт изымался у крестьянина. Не на этом ли споткнулась вся социалистическая колхозно-совхозная система и весь аграрный строй?! Вернее, это сделали люди, для которых крестьянин был и оставался человеком второго сорта. Трудно примирить лозунг союза рабочего класса с крестьянством (в основе своей правильный и справедливый) с диктатурой пролетариата. Всякая диктатура антигуманна, но по своей жестокости пролетарская не имела в истории человечества себе равных. Но вернемся к Бруцкусу.

Реформу 1861 г. он называет великой, так как она “действительно явилась поворотным моментом в социально-экономической жизни России”¹⁰². Конечно, крестьянскую жизнь омрачали “отрезки”, высокие платежи, положение “временно-обязанных” и другие рудименты крепостничества. Поэтому мира в российской деревне не было. Но и “хождение в народ” с антиправительственной агитацией большого успеха у крестьян не имело. В этом народническая интеллигенция просчиталась. Правительство, очевидно, понимало взрывоопасность ситуации в деревне, потому в дальнейшем были снижены платежи, в 1895 г. проведена реформа Крестьянского банка, удлинены предельный срок выплаты ссуд до 51 года, снижен процент на ссуды.

Бруцкус делает весьма интересный вывод о крестьянской общине: “Русский аграрный строй не только вел к глубокому кризису крестьянского хозяйства, но он создавал в крестьянстве и настроения, благоприятные для аграрного переворота. Община, нивелируя крестьянство, сплачивала его воедино”¹⁰³. Это понимали как революционеры, возлагая надежды на общину в ее использовании для своих целей, так и реакционеры типа Победоносцева. Это же поняли и более проникательные, дальновидные дворяне, для которых община стала опасной. Для народного хозяйства она была неэффективной. В этом ключ для понимания позиции сил общества, выдвинувших и поддержавших П.А. Столыпина.

П.А. Столыпин Бруцкус считал талантливым, смелым и решительным представителем тех дворянских кругов, которых беспокоили судьбы России. Его

правительство было контрреволюционным, и политику он проводил классовую, но она сливалась с народнохозяйственными интересами страны. Столыпин понимал, что "пусть развития личной инициативы, личной предприимчивости есть единственный, который ведет к прочному преодолению аграрного кризиса...". Указанные две точки зрения, классовая и народнохозяйственная, причудливо перекрещивались, покрывая друг друга, и нашли свое общее выражение в известном лозунге, гласившем, что правительство поставило "...ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных"¹⁰⁴. Сельское хозяйство нуждается в интенсификации. Но "интенсифицирование хозяйства возможно только с развитием торговли, с ростом промышленности и городов в пределах тех же районов или в пределах соседних районов, с которыми первые находятся в тесном контакте". Правительство это делало. Особенно ожесточенным нападкам подвергалась политика правительства Столыпина в отношении общины. Если в прошлом крестьяне, по выражению Бруцкуса, "мариновались в общине", то сейчас "перегнули палку в другую сторону. В деликатном вопросе о разграничении прав личности и общины оно не заняло беспристрастной позиции"¹⁰⁵. Однако процесс разрушения общины не был искусственным, а скорее стихийным, как считает Бруцкус. Об этом говорит факт выхода из общины более 2 млн. человек вскоре после опубликования Указа 9 ноября 1906 г.

Сравнивая реформу 1861 г. и столыпинскую, Бруцкус пишет: "Они являются выражением, последовательными ступенями непрерывно идущего процесса превращения земли в частнохозяйственный капитал"¹⁰⁶. В целом он считает, что для народного хозяйства результаты столыпинской реформы благоприятны, если не считать форм законодательства об общине, а видеть только его существо. Здесь же он говорит о необходимости кооперации, но такой, которая не сковывала бы инициативу крестьян.

И еще один вопрос. Бруцкус опровергает широко пропагандируемую марксистами мысль о том, что реформа Столыпина мыслилась для каких-то привилегированных слоев крестьянства. Он утверждает обратное, что она использована "широкими массами крестьянства"¹⁰⁷. Что касается дифференциации крестьянства, то она вообще неизбежна. Однако идет не в том направлении, о котором говорят марксисты (речь идет о поляризации с латифундиями и богатеями на одной стороне и парцеллами с сельским пролетариатом на другой). При нормальном развитии какая-то часть людей всегда уходит из деревни. Поэтому надо готовить рабочие места в других сферах народного хозяйства. И дальше... "Свободная продажа земли и хорошо налаженный ипотечный кредит этот процесс профессионального разделения облегчает"¹⁰⁸. Развитие внешнего рынка и возрастание внутреннего также толкают на интенсификацию, предпринимательство, самостоятельность.

Б.Д. Бруцкус считает, что революция 1917 г. произошла вовсе "не на почве аграрной политики старого режима... Распад русского народного хозяйства начался с его истощения непосильной для России войной"¹⁰⁹. В подтверждение этого можно сказать, что недовольство и озлобление было общим и практически во всех слоях общества. Данные же сельскохозяйственной переписи 1916 г. говорят о том, что катастрофа произошла не в деревне. Крестьяне здесь не виноваты. Они жаждали мира и земли. Большевики им это всенародно пообещали. И они пошли за большевиками.

Закон 1918 г. о социализации земли Бруцкус справедливо называет парадоксическим. Но вывод он делает знаменательный: "Народное хозяйство, поскольку оно было построено на частной собственности и свободном обмене, на территории России больше не существовало, и новое социалистическое хозяйство можно было строить на чистом месте..."¹¹⁰

Б.Д. Бруцкус выступает как горячий поборник и сторонник крестьянского хозяйства, не признавая целесообразными ни крупнокапиталистические предприятия, ни навязанный крестьянину коллективизм, идущий в какой-то мере от общины. Он полемизирует с расхожим мнением о крестьянах, как отсталой, некультурной массе. Этим мнением грешили марксисты. Опыт Дании, например, на который всегда ссылался Бруцкус, опровергает столь уничижительное и высокомерное отношение.

Успехи крестьянского хозяйства достигаются на путях образования и кооперации. Кооперативы оказались исключительно эффективными в условиях рыночной экономики как для сельского хозяйства, так и ремесел, промыслов. На огромном рынке, обычно кем-то уже захваченном, крестьяне друг с другом не могут быть конкурентами, а только союзниками. Крестьянские хозяйства не обеспечивают высокого процента на капитал, и в этом отношении они уступают крупнокапиталистическим. Однако у крестьян производство ведется интенсивнее, а труд используется полнее, эластичнее.

Слабая сторона крестьянского хозяйства состоит в невысокой оплате труда, в трудностях сбыта, которые преодолеваются путем кооперации, а доходность повышается с развитием промыслов и работой крестьян вне хозяйства. Отсутствие рынка земли, свободной купли-продажи ее, по мнению Бруцкуса, "снимает с крестьянина ответственность за надлежащее ее использование". Что же касается возможности концентрации в одних руках больших площадей, то с этим надо бороться правовыми и экономическими методами¹¹¹.

Экспроприация земель крупных владельцев является, по Бруцкусу, "здоровой реакцией против тех насильственных способов, благодаря которым оно (крупное землевладение. — А.Н.) в свое время возникло, и против политики специального покровительства крупному хозяйству, которая искусственно замедляла его ликвидацию". Далее... "Трудовое сельское хозяйство, а не аграрный капитализм, является в настоящую эпоху наиболее приспособленной к условиям хозяйственной организации"¹¹².

Бруцкус считает, что крестьянство может стать полноценным участником в обмене на рынке, политической опорой демократизации культуры, оно противник крайнего индивидуализма вследствие заинтересованности в кооперации, оно не может быть в противоречии с рабочими, ибо само постоянно выделяет из своей среды людей труда.

К сожалению, в 1922 г. научная деятельность Бруцкуса в России была прервана. Но экономика своей страны и в эмиграция была в центре его научных интересов. Последние годы журналы "Новый мир", "Вопросы экономики", "Эко" кое-что из его работ опубликовали. Не вдаваясь в их подробные комментарии (они должны стать предметом особого рассмотрения), отметим лишь отдельные мысли ученого.

В предисловии к своей статье "Социалистическое хозяйство", написанной в Берлине, Бруцкус замечает: "...строй частной собственности и частной

инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что, собственно, придется строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти"¹¹³. Эта теоретическая статья показывает не только полный крах экономической политики Советской России первых лет, но и методов социалистического хозяйствования вообще. Нельзя успешно вести хозяйство, игнорируя интересы людей, совершая насилие над товаропроизводителем. Нельзя ожидать успеха на путях реквизиций и ограбления крестьян.

Бруцкус приветствовал переход к нэпу. Эти вопросы рассматриваются в статье "О новой экономической политике"¹¹⁴. Он показывает, что уроки военного коммунизма говорят в пользу рыночной экономики. Стелет на всевластие политиков, от которых скоро пошло разрушение нэпа вместо обещанного длительного его курса. Крестьянство несет огромные потери от инфляции, ценового диспаритета. Приводятся данные о том, что в октябре 1923 г. индекс оптовых цен промышленных товаров составлял к уровню 1913 г. 2,757, а сельскохозяйственных продуктов только 0,888, то есть отношение 3 к 10. Покупая зерно по заниженным ценам, Советское правительство экспортирует по высоким. За счет этого накапливаются средства для индустриализации. Об этом мы уже говорили раньше. В январе 1928 г. советское руководство принимает решение "закрыть рынки в сельских районах и вернуться к обязательной экспроприации зерна и некоторых видов сырья. Разрушается последняя опора нэпа"¹¹⁵.

В 1929 г. Бруцкус выступает с большой статьей "Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба"¹¹⁶. Наша статистика в те годы еще находилась на таком уровне, который позволял проводить серьезный анализ и делать соответствующие выводы. В середине 20-х гг. на Западе много писалось о том, что Россия идет к капитализму. На деле это не так. Со второй половины 20-х гг. частный сектор резко пошел на спад, сохраняла свои позиции только кооперация. Жесткая налоговая система остановила дифференциацию крестьянства в деревне. И на вопрос "кто кого?" ответ только один: "социализм" противостоит не капитализму, а безбрежному морю середняцких, плохо технически оснащенных крестьянских хозяйств и ремесленников. Соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию все больше складывается не в пользу деревни. Доля доходов производителя в реализационных ценах примерно вдвое ниже, чем она была в 1913 г. Говоря о непримиримости между социализмом и коммунизмом, Бруцкус пишет: "Чтобы Россия вышла из того тупика, в который она попала, коммунизм должен быть окончательно преодолен и без остатка элиминирован из народной жизни"¹¹⁷.

Столь подробное рассмотрение работ и взглядов Бруцкуса вызвано тем, что он четко и последовательно стоял на позициях рыночной экономики, все его труды посвящены исключительно аграрному вопросу и они давно уже стали библиографической редкостью. На таких же позициях стоял Лев Николаевич Литовченко (1886–1937). Но его судьба была более трагична – он был репрессирован и расстрелян. Его работы "Социализация земли" (1918),

“Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства” (1923), “Крестьянский бюджет в 1922–1923 гг.” (1923), “Национальный доход СССР” (1925) и другие написаны на основе богатого фактического материала и содержат здоровые, рациональные предложения.

Л.Н. Литошенко – уроженец г. Купянска Харьковской губернии, выпускник экономического отделения юридического факультета Московского университета, профессор Тимирязевской академии, Института экономики Госплана СССР. В его крупной работе “Социализация земли в России” (пролежавшей более 70 лет по известным причинам невостребованной в архивах) дается широкая панорама развития аграрного вопроса с дореволюционных лет до осуществления нэпа. Во введении автор пишет: “Обвиняя буржуазный строй в анархии производства и бесполезной растрате сил, социализм обещает величайшую экономию, максимальную производительность и строгую пропорциональность всех отраслей производства, объединенных единым планом народного хозяйства”¹¹⁸. Далее он продолжает: “Осторожно и ощупью продвигалась Советская власть между всеми подводными камнями социализма, не теряя направления и постоянно помня конечные цели своего пути. И если в конце концов социалистическое здание лежит в обломках, то в этом вина не строителей, а тех принципов, по которым воздвигалась постройка”¹¹⁹. Основное противоречие и слабость нэпа автор видит в том, что, отдавая одну за другой отрасли социализированной экономики частному предпринимательству, государство тут же вводит жесткие меры регулирования, которые сводят на нет все достижения. Призвав на помощь частный капитал, государство не создало объективных условий для проявления инициативы. Всей силой бюрократического аппарата оно давило на предпринимателей. Завершается эта глубоко аргументированная работа такими словами: “...есть только один выход из того экономического тупика, в котором находится теперь Россия. Этот выход заключается в честном отказе от принципов регулирования народного хозяйства и в предоставлении свободы действий частной инициативе... Предстоит тяжкий подъем, а не спуск к ровной дороге. Хороший кучер не станет в таком случае натягивать вожжи и править лошадьми. Надо предоставить им свободу самим выбирать дорогу и наименее крутые уклоны подъема. Можно быть уверенным, что это будет самый короткий и дешевый путь экономического возрождения”¹²⁰.

Колоритнейшей фигурой в российской науке 20-х гг. является Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938). Круг его научных интересов простирается далеко за рамки аграрного вопроса. Однако аграрный материал им использовался в методологических и других исследованиях. Село и крестьянство занимали столь видное место в его работах, что мы с полным правом ставим его в ряд выдающихся ученых-аграрников.

Н.Д. Кондратьев родился 17 марта 1892 г. в деревне Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии в многодетной крестьянской семье старшим из десяти детей. Отец работал гравером на текстильной фабрике. После окончания церковно-приходской школы учился в церковно-учительской семинарии и земледельческой школе, которых не окончил по “политической неблагонадежности”. В семинарии он познакомился и подружился с будущим социологом Питиримом Сорокиным. Оба активно включились в

революцию, став членами партии эсеров. Подвергались репрессиям, сидели в тюрьме. В 1911 г. Кондратьев экстерном сдает экзамены в Костромской гимназии, получает аттестат зрелости и в том же году поступает на юридический факультет Петербургского университета. Здесь его учителями были замечательные ученые М.И. Туган-Барановский, академик А.С. Лапшо-Данилевский, профессор М.М. Ковалевский, М.И. Петражицкий и др. Здесь он встречается с другом детства П.А. Сорокиным, а также будущими видными государственными деятелями Г.Л. Пятаковым и Л.М. Караханом. По окончании университета в 1915 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию. Сдает магистерские экзамены. Работает в Земском союзе, заведует экономическим отделом. Не прерывает революционной деятельности. В 1917 г. ведет активную общественную работу, некоторое время исполняет обязанности товарища (заместителя) министра продовольствия, избирается депутатом Учредительного собрания. В 1918 г. переезжает в Москву, в 1919 г. порывает с партией эсеров. Полностью переходит на научную работу. Преподает в Тимирязевской академии и Кооперативном институте, заведует отделом в институте А.В. Чапанова, создает Конъюнктурный институт и возглавляет его сначала в системе Наркомзема, затем Наркомфина. Работает в различных комиссиях и комитетах Наркомзема, Госплана, других ведомств, в Союзе кооперативов. Несколько раз арестовывался теперь уже органами Советской власти. Приговаривался к смертной казни, но был амнистирован ВЦИКом. Все 20-е гг. жизнь Н.Д. Кондратьева заполнена напряженным творческим трудом, острыми дискуссиями, реалистическими, хорошо аргументированными предложениями. Она была прервана 19 июня 1930 г. арестом и заключением в Бутырскую, а затем Суздальскую тюрьму. Будучи тяжело больным в тюрьме продолжал работать. Подготовил фундаментальную монографию, сохраненную его женою и дочерью, ныне академиком РАН Еленой Николаевной Кондратьевой, и изданную в 1991 г. 17 сентября 1938 г. он был приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян. Ему было только 46 лет...

За последние годы под грифом Института экономики РАН изданы следующие работы Н.Д. Кондратьева: "Проблемы экономической динамики" (1989), "Рынок хлебов..." (1991), "Основные проблемы экономической статистики и динамики" (1991), "Особое мнение. Книга 1 и 2" (1993). В двухтомнике собраны отдельные работы Кондратьева, а также весьма обширное послесловие В.В. Симонова и Н.К. Фигуровской с подробной, оснащенной различными документами биографией ученого.

Мировую известность получила теория "длинных волн Кондратьева", или, как он сам называл это явление, – "больших циклов конъюнктуры". Средние волны длиною в 7–10 лет, с которыми обычно связаны периодически повторяющиеся кризисы, были хорошо изучены. Известны были и короткие в 3–3,5 года. Однако честь открытия длинных волн продолжительностью в 47–60 лет принадлежит Н.Д. Кондратьеву.

Еще в 1922 г. он высказал мысль о возможности существования таких циклов. После сбора и обработки огромной массы данных по экономической конъюнктуре ряда стран с конца XVIII в. до 1920 г. он пришел к выводу о наличии длинных волн и 6 февраля 1926 г. выступил с большим докладом на эту тему в Институте экономики РАНИОН¹²¹. Чтобы исключить влияние сред-

них и малых волн, а также случайных колебаний, Кондратьев полученные ряды выравнивает по методу подвижной средней, взяв среднюю за 9 лет. Получены средние данные по уровню товарных цен, проценту на капитал, номинальной заработной плате, обороту внешней торговли, добыче и потреблению угля, производству чугуна и свинца и некоторым другим показателям.

Каждый большой цикл состоит из повышательной и понижательной волны. По каждому из конкретных показателей эти волны не совпадают, но отклонения невелики. Имеют они не локальный или национальный, а международный характер. В развитии больших волн Кондратьев выявил четыре "эмпирические правильности" (закономерности. – А.Н.). Первая сводится к тому, что повышательная волна начинается с крупных изменений в условиях хозяйствования, технике и технологии, производственных отношениях. А этим изменениям в свою очередь предшествуют крупные открытия в науке и технике. Вторая эмпирическая закономерность состоит в том, что повышательные волны обычно связаны с крупными социальными переворотами и потрясениями, например, революциями, войнами. Третья свидетельствует, что понижательные волны сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства. Четвертая состоит в том, что средние и короткие волны как бы накладываются на длинные, ослабляя или усиливая подъем или депрессию в конъюнктуре. Все эти положения Н.Д. Кондратьев иллюстрирует многочисленными фактами, данными из истории науки, техники и общественных движений.

Теория длинных волн в нашей стране была запрещенной, "вредительской", поскольку ее автор осужден, и с конца 20-х годов велась яростная травля "кондратьевцев" и "кондратьевщины", равно как и "чаяновщины". Однако за рубежом эта теория изучалась и развивалась. Она получила продолжение в трудах Иозефа Шумпетера (1883–1950), Саймона Кузнеца (1901–1985), Уолта Ростоу (р. 1916 г.) и многих других ученых применительно к различным аспектам экономики, социологии и других наук. В России обращение к теории больших циклов стало возможным только после окончательной и полной реабилитации ученого в 1987 г. Фактически же негласно некоторые специалисты, например, С.М. Меньшиков в ИМЭМО, уже давно занимались этой проблемой, имеющей общенаучную, глобальную значимость¹²². В настоящее время эти проблемы в рамках созданного в 1992 г. Фонда Кондратьева активно развивает профессор Юрий Владимирович Яковец (р.1929).

Кондратьев участвует в составлении плана первой пятилетки, отстаивает на разных заседаниях и комиссиях реалистические планы. В планировании он отдает предпочтение не столько количественным, сколько качественным показателям. Он выступает против чрезмерного "планотворчества", когда, например, план по Томской губернии представляет собой фоллиант на 718 страницах, по Северному Кавказу – на 1 877, а "пятилетние гипотезы по 26 отраслям промышленности – свыше 3 000 страниц"¹²³. Планы Кондратьев увязывает с предвидением. Предвидение же возможно при правильном учете действительности и доступных средств воздействия на нее. Кондратьев пишет: "...план – не только предвидение: он одновременно и программа действий; но план без всякого предвидения – ничто". Далее он ссылается на известную формулу Канта: "Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять"¹²⁴.

Кондратьев считает, что управление народным хозяйством должно базироваться на хорошо обоснованных планах. Он формулирует шесть выводов, или условий планирования: а) не допускать введения произвольных элементов; б) избегать детализированных количественных перспектив и фетишизма цифр; в) всегда указывать вероятную ошибку; г) не принимать план за “казенную” директиву, но рассматривать его как ориентир, требующий творческой гибкости; д) в перспективных планах на длительный срок цифровые показатели допускать лишь в крайне необходимых случаях; е) максимум внимания уделять углубленному экономическому изучению действительности¹²⁵. Критикуя С.Г. Струмилина за упрощенческий подход к плану, Кондратьев пишет, что формулируя задания, надо не только ставить цели, но с максимальной полнотой учитывать: “1) объективное положение окружающих хозяйственных условий; 2) вероятные тенденции их развития; 3) вероятные ресурсы и возможности нашего воздействия на процесс хозяйственного развития; 4) наконец, вероятные результаты нашего воздействия на него”¹²⁶.

Кондратьев резко и аргументированно возражает против завышенных темпов индустриализации, искусственного увеличения накоплений и игнорирования необходимости снижения цен на промышленную продукцию. Он показывает несостоятельность схематических построений С.Г. Струмилина, план которого внутренне не увязан, он “с неправильным диагнозом положения и значения сельского хозяйства”¹²⁷. Но, увы, при блестящей аргументированности возражений Кондратьева, к его голосу не прислушивались. Это нетрудно понять: его взгляды не соответствовали генеральной линии партии на быструю индустриализацию и урбанизацию страны за счет финансовых, материальных и людских ресурсов деревни.

Видное место в трудах Н.Д. Кондратьева занимает проблема регулирования рынка. Он исследует ее на примере рынка хлебов в годы войны и революции и излагает в монографии “Рынок хлебов и его регулирование” (1922). Одним из рецензентов книга названа отменной энциклопедией по этому вопросу. Она оснащена огромной массой фактических данных, на анализе которых и построены принципиальные выводы. Кондратьев мог это сделать в силу своего незаурядного ума, богатой эрудиции и практического опыта. Последний он накопил, возглавляя вместе с С.Н. Прокоповичем Министерство продовольствия осенью 1917 г., будучи товарищем министра (заместителем) в 25-летнем возрасте.

В начале первой мировой войны хлебный рынок функционировал в обычном порядке. Но уже в 1915 г. начинается регламентация цен, перевозок, запрещается вывоз зерна. Причина – потребности армии. Если в мирное время ее численный состав в России был 1 370 тыс. человек, то в конце 1914 г. уже 6 485 тыс., 1915 – 11 695 тыс., 1916 – 14 440 тыс., 1917 – 15 070 тыс. человек¹²⁸. Цены на хлеб быстро росли, причем в России рекордными темпами. Если за исходный взять 1913 г., – 100, то в 1914 г. в Англии они достигли 110, в 1915 – 168, 1916 – 184 и в 1917 – 240. В России же соответственно начиная с 1914 г. – 104; 160; 259 и в 1917 г. – 1 404¹²⁹.

Поначалу заготовки шли по обычным трем каналам: во-первых, путем покупки у крестьян и землевладельцев; во-вторых, путем приобретения у кооперативов и, в-третьих, от хлеботорговцев. В ходе войны соотношение их измени-

лось: доля посредников снизилась с 60 до 50%, кооперативов возросла с 12 до 17% и землевладельцев – повысилась с 13 до 18%; доля крестьян оставалась неизменной, на уровне 15%¹³⁰. Этот сравнительно спокойный метод заготовок постепенно ужесточается. Кроме установления твердых пен, уже с 29 августа 1914 г. командующим военных округов предоставляется право запрета вывоза хлеба. А с 17 февраля 1915 г. командующие военными округами по соглашению с гражданскими властями получают право реквизиции хлеба. 9 ноября 1916 г. министром земледелия принято постановление “О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной”¹³¹. Сроки устанавливаются сжатые: около 8 декабря разверстка погубернская, к 14 декабря – поездная, к 20 декабря – по волостям и экономиям, до 24 декабря – по селам и до 31 декабря – подворная. Твердые цены выплачиваются франком-обар. Если владелец отказывается везти на съезной пункт, транспортные издержки высчитываются из твердой цены.

Сложившаяся практика разверстки переходит от царского правительства к Временному, а от последнего – Советскому. Если поначалу она носила характер создания благоприятных условий сбыта для производителя, то вскоре оборачивается системой принудительного обеспечения потребителя. Твердые цены, запреты вывоза становятся стимулом создания монополии хлебной торговли. Частный хлеботорговый оборот этой монополией уничтожается. Если при Временном правительстве монополия носила форму уговоров, то при Советской власти реквизиции ведутся уже методами вооруженной борьбы и насилия. Декрет 9 мая 1918 г. приводит к расщеплению деревни на два враждующих лагеря. Укрывающий хлеб или занижающий его количество объявляется “врагом народа” со всеми вытекающими отсюда последствиями. Беднота получает часть реквизированного хлеба бесплатно, о чем уже говорилось выше. Начинаются массовые репрессии. Вспыхивает крестьянская война. Такова диалектика разверстки в России.

В заключении своей работы “Рынок хлебов...” Кондратьев приходит к следующим выводам, не утратившим своего значения и в наши дни:

1) Все мероприятия по регулированию цен, перевозок, распределения и потребления между собой органически взаимосвязаны; 2) вмешательство государства постепенно нарастает. Оно вызвано расстройством рынка и вместе с тем само является стимулом разложения этого рынка; 3) постепенно усиливается централизация и унификация мер регулирования; 4) регулирование и вмешательство в одной области экономики переходит и на другие, ибо все взаимосвязано; 5) эффект вмешательства не проявился, дело неуклонно ухудшалось; 6) кроме регулирования, важно учитывать и другие факторы, например, урожайность, общее состояние экономики и военное положение; 7) регулирование выделить из общей системы и оценить его влияние очень трудно; 8) “...мероприятия регулирования иногда не приводят ни к каким положительным результатам, иногда приводят не к тем результатам, которые ожидалось; и эти неожиданные результаты... отнюдь не могут быть рассмотрены как показатели успеха регулирования. Прямых показателей положительного воздействия регулирования мы имеем очень немного... во всяком случае существовавшая система регулирования не вывела и не выводила страну из нарастающего продовольственного кризиса”¹³².

Н.Д. Кондратьева интересуют вопросы аграрной политики и аграрной реформы. Он ищет критерий их рациональности и формулирует его следующим образом: "...рациональными являются только те меры... которые, с одной стороны, могли бы действительно быть осуществлены, а с другой стороны, приводили бы к повышению производительности или по меньшей мере не приводили бы к понижению ее. Наконец, меры эти должны удовлетворять требованиям справедливости"¹³³. Таким образом, критерий триедин: реалистичность, производительность, справедливость. Против этого трудно возражать. Исходя из этого критерия – крупнокапиталистические и полукapиталистические хозяйства нерациональны. Рационально лишь трудовое крестьянское хозяйство в условиях всесторонней кооперации, снимающей недостатки мелкотоварного производства.

Кондратьев видит будущее, перспективу только в трудовом крестьянском хозяйстве. Но он допускает и исключения, диктуемые региональными условиями и другими особенностями. Он пишет: "Мы не сможем всю жизнь подстричь под один номер. Несомненно, будут и должны быть исключения"¹³⁴. Он против бездумной унификации, против упрощенного схематизма. К сожалению, жизнь пошла по другому пути.

На вопрос, какую форму трудового землепользования следует признать: личную, общинную или арендную, Кондратьев отвечает: "И ту, и другую, и третью. Вот единственный ответ, который можно дать на этот вопрос"¹³⁵. Он критикует Столыпина за попытку унификации: всех разместить по хуторам. Хотя тут же подсчитал, что с учетом выделившихся по реформе, а также живущих в мертвых общинах по России набирается 5,5 млн. хозяйств, находящихся вне общины и отвергающих ее¹³⁶.

Кондратьев, как и все социалисты-революционеры, выступает за социализацию земли, за уравнительно-трудовое землепользование. Однако он считает неприемлемыми частые переделы. Это не создает уверенности у крестьянина и не дает стимула к вложениям в землю, ее рациональному использованию. Поэтому переделы могут быть заменены другими мерами выравнивания, например, финансово-налоговыми. Итак, аграрная структура по Кондратьеву видится такой: трудовое землепользование, семейное крестьянское хозяйство, кооперация, рынок.

Но в жизни все время наблюдается дифференциация. К этой проблеме Кондратьев обращается также, солидаризуясь с Чаяновым, во время состоявшейся в 1927 г. дискуссии в Институте сельскохозяйственной экономики и политики¹³⁷. В данном случае он рассматривает дифференциацию не с широких общесоциологических позиций, а более узко, со стороны зажиточности крестьянских хозяйств. При этом ставит три вопроса: наблюдается ли она, чем вызывается и какое имеет социально-экономическое значение? Для ее измерения используется статистический метод, и проблема рассматривается в динамике.

До войны дифференциация крестьянских хозяйств имела место. Данные семейных бюджетов позволяют судить о доходности хозяйства по таким показателям как наем рабочей силы, сдача инвентаря в аренду и т.п. Дифференциация вылавливалась различиями в плодородии земельных участков, местоположением их по отношению к рынкам сбыта и путям сообщения, размером семьи, личными способностями и энергией, постигавшими бедами и другими

факторами. Экономически крепкие хозяйства отличались более высоким накоплением капитала, более высокой товарностью, менее зажиточные часто пролетаризировались, и крестьяне уходили в город.

В постреволюционной деревне дифференциация также идет, но в несколько сглаженной и осложненной форме. Наблюдается некоторый общий подъем благосостояния (речь идет о середине 20-х годов), нивелировка. Экономическая политика государства направлена на поддержку беднейших и ущемление зажиточных. Кондратьев отмечает, что “регулирующие мероприятия государства – это меч, который срезает самую верхушку деревни и, несомненно, задерживает рост наиболее богатых, полукapиалистических и капиталистических слоев ее”¹³⁸. Причины дифференциации те же, что и до революции. С введением нэпа возник рынок, и он стимулировал дифференциацию. Социально-экономическое значение ее в том, что в более сильных группах хозяйств выше производительность труда, быстрее идет накопление материальных средств, выше уровень товарности.

Исходя из сказанного, Кондратьев делает следующий вывод: “...если мы хотим иметь более высокую производительность труда, если мы хотим более быстрого роста производительных сил в сельском хозяйстве, мы не можем допускать слишком значительного измельчения хозяйства”¹³⁹. И дальше он предлагает широко кооперироваться, переводить на кооперативную основу сбыт, снабжение, переработку продукции, использование техники, кредит, мелiorацию, землеустройство.

Последние годы жизни, уже в заключении, Н.Д. Кондратьев начал работать над многотомным циклом теоретических исследований. Полученная рукопись увидела свет только после его полной реабилитации, юридической, политической и научной. Эта монография названа “Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз”. Она мыслилась как вводная. Здесь подняты крупнейшие вопросы методологии экономики и философии. Например, строение общества и основные категории общественной жизни, хозяйство и хозяйственные явления; категории целесообразности, необходимости и случайности в социально-экономических науках; категория сущего и должного; экономическая статика, динамика и генетика. Кондратьев выступает здесь как крупный теоретик, хорошо владеющий диалектикой. Говоря об экономике, он имел в виду зависимость хозяйственной деятельности от общественных условий: “Чистое или простое хозяйство есть миф. Никакого хозяйства вне общества история не знает, как не знает и человека вне общества”¹⁴⁰.

В 20-е гг. в агроэкономической науке получила развитие организационно-производственная школа. Она сформировалась еще перед первой мировой войной. В 1911 г. на Московском областном агрономическом съезде встретились агрономы, кооператоры и статистики, составляющие ядро школы и игравшие активную роль в исследовании проблем, связанных с крестьянским хозяйством: А.В. Чайнов, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников, А.Н. Минин, Г.А. Студенский. Основным печатным органом этого научного направления стал выходивший в Харькове “Агрономический журнал”, который редактировал К.А. Мазеевич, с ним сотрудничали экономисты Н.Н. Суханов (Гиммер) и П.П. Маслов.

Уже тогда выявился интересный феномен: многие формы крестьянской жизни не укладывались в марксистскую схему расслоения деревни и были необъяснимы законами рыночных отношений. Углубленным исследованием этих явлений и занялась названная группа ученых. Предметом их внимания был широкий круг вопросов сельской экономики: методы районирования, бюджетные исследования, организация агрономической помощи населению, монографическое описание различных форм кооперации, оптимальные размеры предприятий, экономика мелиораций, сельские промыслы. Но прежде всего изучалось крестьянское хозяйство, в котором подчас затраты труда превышали расчетный выход продукции, а арендная плата за землю была выше выручки. Мотивация труда в таком хозяйстве, это не мотивация предпринимателя, получающего "в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивация рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы"¹⁴¹. Организационно-производственная школа отвергает концепцию "фиктивного двоедушия крестьянина", являющегося якобы одновременно и предпринимателем и рабочим, нанимающим самого себя. Она стоит на позиции семейного трудового хозяйства с указанной выше мотивацией труда. Эта организационная форма существует при различных общественных формациях: феодальной (натурального быта), капиталистической. В последнем случае наряду с семейно-трудовыми существуют и полукapиталистические и полупролетарские хозяйства. Трудовое семейное хозяйство — одна из организационных форм частнохозяйственного предприятия. Оно не капиталистическое, и нельзя его вталкивать в прокрустово ложе капиталистических категорий.

Теорию крестьянского хозяйства и всю организационно-производственную школу нещадно критиковали как справа, так и слева, либералы и марксисты. Здесь они были едины. Причем среди критиков были такие ученые как Бруцкус, Литошенко, Прокопович (справа), Крипман, Маслов (слева), Кондратьев и многие другие. Критика сводилась к пяти основным пунктам, которые Чаянов обоснованно опровергает.

Первое обвинение состоит в том, что школа Чаянова рассматривает семейное хозяйство якобы статично, оторванно от окружающей обстановки. Это неверно, так как, например, Н.П. Макаров провел исследование и издал монографию "Крестьянское хозяйство и его эволюция". Но главным образом школа сосредоточивает внимание не на истории, а на организационной структуре хозяйства. Статика всегда является элементом исследования, и не надо динамику противопоставлять статике.

Затем идут упреки в приверженности австрийской школе предельной полезности и игнорировании марксистского метода. На деле же А.Н. Челинцев — последовательный противник закона убывающего плодородия, а у Н.П. Макарова, А.А. Рыбникова и А.Н. Минина нет по этому вопросу ни строчки.

Критики заявляют, что семейное трудовое хозяйство себя изживает, это — анахронизм. Неверно и это. Таких хозяйств в 20-е гг. было очень много, возможно, они преобладали. Теория же трудопотребительского баланса взята не из головы, а из жизни, массовой практики. Обвинения в игнорировании

рынка также безосновательны. Крестьянское хозяйство связано с кредитной системой, снабжением, сбытом и переработкой продукции. И это в работах показано.

Упрек в идеализации “распыленных, пропитанных мелкобуржуазным духом крестьянских хозяйств” также бьет мимо цели. Чаянов пишет, что “изучая современное сельское хозяйство как оно есть, мы изучали прежде всего тот исходный материал, из которого, по нашему мнению, исторически должна в ближайшее десятилетие вырасти новая деревня, превратившая путем кооперации значительную часть своего хозяйства в формы общественно-организованного производства, деревня, индустриализованная во всех областях технической переработки, механизированная и электрифицированная, деревня, использовавшая все завоевания агрономии и техники”¹⁴².

Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) – глава организационно-производственной школы, выдающийся экономист России, прожил короткую жизнь, оборвавшуюся на 49-м году в сталинском застенке от пули палача. Он был необыкновенно одаренной, яркой личностью. Исследователь-ученый, создатель теории крестьянского хозяйства, автор многочисленных трудов по различным аспектам аграрной экономики, теоретик и практик кооперативного движения, блестящий педагог и воспитатель научной молодежи, писатель-фантаст, археолог, искусствовед. И ко всему этому – удивительно доброжелательный и коммуникабельный человек. В качестве научного наследия он оставил труды на русском, немецком, английском, французском, испанском, итальянском и японском языках.

А.В. Чаянов родился 29 января 1888 г. в Москве. Отец его, Василий Иванович, выходец из крепостных крестьян деревни Богданиха Шуйского уезда Владимирской губернии, еще мальчиком ушел на фабрику, а затем стал купцом, рано умер. Мать – Елена Константиновна Клепикова, из культурной семьи мещан города Вятки, была одной из первых женщин России, получивших высшее агрономическое образование. Молодой Чаянов в 1899 г. поступает в реальное училище, а в 1906 г. – в Московский сельскохозяйственный институт (современная Тимирязевка). Здесь его учителями были А.Ф. Фортунатов, Н.Н. Худяков, Д.Н. Прянишников. А из студентов он подружился со своим однокурсником Николаем Вавиловым, будущим генеральным биологом и первым президентом ВАСХНИЛ. В 1911 г. окончил институт и оставлен для подготовки к профессорскому званию. К этому времени он уже был автором 18 печатных работ. Еще в 1908 г. во время каникул он посетил Италию. Позднее был командирован в Швейцарию, Бельгию, Германию, Францию.

С 1911 г. начинается его активная научная, педагогическая и общественная деятельность. Он участвует в агрономических съездах, преподает в народном университете А.Л. Шавявского, работает в кооперативных союзах. После сдачи экзаменов на звание магистра в 1912 г. получает годичную командировку в Европу. Совместно с С.Л. Масловым, А.А. Рыбниковым и другими учеными создает льноводческую кооперацию и с 1915 г. становится ее руководителем. В условиях войны и блокады проводит успешные операции по продаже на западные рынки (через Финляндию и Швецию) российского льна, пополняя этим валютные фонды. В университете и кооперативных со-

юзах сотрудничает с М.И. Туган-Барановским, С.Н. Прокоповичем, другими видными учеными и кооператорами. Университет Шанявского становится мировым центром кооперативного движения. В июле 1915 г. здесь формируется Всероссийский центральный кооперативный комитет, ставший в 1917 г. Всероссийским Советом кооперативных съездов. Все эти годы А.В. Чаянов не прекращает преподавательской работы в Московском сельскохозяйственном институте (с 1913 г. – доцент, а с 1918 г. – профессор).

Весной и летом 1917 г. Чаянов активно работает в Лиге аграрных реформ. Он искренне верит в возможность Временного правительства решить аграрный вопрос. Некоторое время даже исполняет обязанности товарища (заместителя) министра земледелия С.Л. Маслова. Ни в каких партиях А.В. Чаянов никогда не состоял, но считал себя “беспартийным социалистом”. В 1918–1922 гг. Чаянов активно работает, кроме вузов, в земельных, плановых и кооперативных организациях. Он – член коллегии Наркомзема, заместитель председателя экономического совещания при Плановой комиссии Наркомзема. По предложению В.И. Ленина включается в состав организуемого Госплана. Участвует в переговорах с Лениным о судьбе Московского народного банка.

В 1919 г. Чаянов организует Высший семинарий по сельскохозяйственной экономике и политике, который в 1922 г. был реорганизован в Институт сельскохозяйственной экономики и политики. Александр Васильевич – его бессменный руководитель вплоть до 1928 г., когда институт был реорганизован в НИИ крупного социалистического хозяйства и Чаянов был освобожден от обязанностей директора, но сохранен на работе в институте. Этот институт за короткое время сумел стать видным центром мировой аграрной науки, и о нем стоит сказать подробнее. Но до этого заметим, что А.В. Чаянов с весны 1922 г. в течение полутора лет находился в зарубежной командировке, содействуя возвращению на родину Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева. Здесь следует отметить неподдельный патриотизм А.В. Чаянова, равно как и Н.Д. Кондратьева; ведь они получали лестные предложения остаться в престижных университетах Запада, но не приняли их. Вернулись в неуютную, полуголодную, злую Россию, где их подвергали критике, а позднее и травле. Вернулись, потому что иначе не могли.

Чаяновский Институт сельскохозяйственной экономики и политики объединял до его реорганизации почти всех ведущих экономистов страны, а также видных зарубежных ученых – членов этого института. По своей структуре он состоял из 11 ученых кабинетов (так у Чаянова), каждый из которых возглавлялся крупным исследователем в соответствующей области. В институте были кабинеты: 1) сельскохозяйственной экономики, 2) организации хозяйства, 3) сельскохозяйственной кооперации, 4) таксации и счетоводства, 5) конъюнктуры рынка, 6) агрономической помощи населению, 7) географии, 8) истории сельского хозяйства, 9) земельных отношений и землеустройства, 10) статистики, 11) сельскохозяйственного кредита. Возглавляли кабинеты и вели исследования А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников, А.Н. Минин, Г.А. Студенский, А.О. Фабрикант, В.Я. Железнов, П.П. Маслов, А.Ф. Фортунатов, В.А. Харченко, Н.И. Костров и др.¹⁴³

Этот институт решал фундаментальные проблемы, но выходил и на практику, обосновывая конкретные программы и проекты. Многое в институте

иницировалось неординарной творческой натурой самого Чаянова. Широко практиковались экспедиции. Институт проводил семинары, причем у каждого крупного ученого был свой семинар. Существовали пленум и коллегия института. На лекции и дискуссии приглашались представители других научных учреждений. Институт поддерживал регулярные связи с 60 зарубежными экономистами и эпизодические со 120 из 30 стран мира, обмениваясь с ними результатами исследований и другой информацией. Этим Чаянов в какой-то мере предвосхитил ныне действующий в Вашингтоне Институт политики реформ, возглавляемый профессором Стэнли Джонсоном, иностранным членом ВАСХНИЛ: здесь всего 5 штатных сотрудников, но в университетах США, Канады, Великобритании и других стран работают 50 ведущих профессоров – членов этого института. Институт Чаянова регулярно издавал свои труды, некоторые переводные книги крупных экономистов мира, имел аспирантуру.

Конец 20-х гг. в жизни А.В. Чаянова был омрачен необоснованной критикой, всевозможными обвинениями, недоверием и травлей, закончившейся его арестом 19 июня 1930 г. прямо в служебном кабинете здания института. О дальнейшей судьбе Александра Чаянова речь пойдет позднее при освещении проблем и событий 30-х гг., а сейчас вернемся в 1917 г., к его интересной работе “Что такое аграрный вопрос?”, написанной в серии трудов Лиги аграрных реформ.

Аграрный вопрос автор рассматривает в динамике, придавая большое значение региональным особенностям. Вопрос этот, считает он, “не может получить одного для всей России решения и каждый район должен иметь свое особое аграрное устройство”¹⁴⁴. Он подчеркивает, что надо решать аграрный вопрос в целом, а не только земельный. Ведь для “земледельческого труда нужна не только одна земля, необходимы и другие средства производства: постройки, машины, орудия, семена”¹⁴⁵.

Чаянов, согласно программе эсеров, предлагал социализацию земли, в соответствии с которой она является “общенародным достоянием... именно... достоянием, а не собственностью. Она в равной мере принадлежит всем, подобно свету и воздуху... Земледельцу должно быть организовано исключительно на трудовых началах, никакой наемный труд не может быть допускаем”¹⁴⁶.

Чаянов не догматик. Он по отношению к собственности и общине проявляет максимум здравого смысла и учета реалий, в том числе степени общественного развития. Так, в Сибири он видит “захватное право”, когда крестьянин запахивает свободную землю и остается ее собственником до тех пор, пока ведет на ней хозяйство. По мере уплотнения населения, возникает трудовое право и появляется община. Пока жива община, господствует трудовое право с уравнительными переделами. При дальнейшем уплотнении населения уже речь идет о “праве на жизнь”. С возникновением рынка и развитием торгового земледелия умы крестьян завоевывает частная собственность на землю. Община начинает умирать. Этот обзор Чаянов завершает образным сравнением. Он пишет: “Общинник-самарец, пожелавший перенести целиком свою аграрную идеологию, наверное, будет встречен кольями в губернии Могилевской. Не лучшая участь постигнет фанатика-могилевца в Балашовс-

ком уезде. И как бы мы, деятели демократической России, глубоко ни веровали в наши аграрные идеалы, мы не можем пойти по пути “просвещенного абсолютизма” и принудительно ввести единый земельный режим во всех областях России, не считаясь с ее бытовым и хозяйственным укладом”¹⁴⁷. Добавить к этому нечего. Жаль только, что в жизни дело повели по-иному. И не только во всех губерниях и областях, но и во всех деревнях крестьян перевели на единый режим коллективизированного труда, быта.

Поиски путей проведения аграрных преобразований сопровождалась ожесточенной полемикой. По этому поводу Чаянов сетует: “...есть стихия и есть разум. Эти два элемента проявляют себя не только в будущем аграрном строе, но, к сожалению, и в самом проведении и обсуждении аграрной реформы”¹⁴⁸. Он считает, что независимо от принятой программы, для ее реализации потребуется значительный переходный период. Реформа – не разовый акт, а длительный преобразовательный процесс, где перераспределение земли всего лишь один из многих взаимосвязанных элементов, составляющих единое целое. Все это очень важно и для современников: кое-кто считает неэффективным крестьянское хозяйство потому, что оно в первый же год существования не ставит рекордов по урожайности.

Второе место после теории и организации крестьянского хозяйства в трудах А.В. Чаянова занимает проблема сельскохозяйственной кооперации. Достаточно сказать, что из 208 его работ, отмеченных в указателе литературы Института научной информации по общественным наукам АН СССР¹⁴⁹, 40 работ посвящено различным аспектам кооперации. В предисловии к своему главному труду по этой проблеме он пишет, что в основу его положен двадцатилетний опыт автора, наблюдения над кооперативным движением в Италии, Бельгии, Германии, Швейцарии, Франции, а также материалы многолетнего семинара по сельскохозяйственной кооперации, проводившегося автором в Тимирязевке с 1913 г.¹⁵⁰

Красною нитью через все работы Чаянова по кооперации проходит одна мысль – как в бедной, бездорожной России при безразличии крестьян, сидящих на своих клочках земли, быстрее создать процветающую экономику. Как рассеянную массу крестьян организовать, чтобы лучше использовать их силы и средства. Ясно, что путь этот – эволюционный, так как революция несет разрушение, взрыв. Кооперация – это процесс концентрации. Но последняя может вестись по горизонтали и по вертикали. В промышленности эффективна горизонтальная, в сельском хозяйстве – вертикальная концентрация. Дело в том, что в земледелии сама природа ставит жесткие рамки для этой формы концентрации (нельзя на одном гектаре собрать энергию солнца, рассеиваемую на тысяче гектаров!). Но дело еще и в другом: эффект от экономии на концентрации поглощается возрастающими издержками на транспорте. И везде надо искать optimum. Поэтому основное направление концентрации в аграрной сфере, по Чаянову, лежит в вертикальной кооперации. К сожалению, и здесь практика пошла не по Чаянову: создавали гигантские, на десятках тысяч гектаров, колхозы и совхозы, но не позаботились о хранении, затаривании, переработке, транспортировке, реализации продукции. Потому и получили исключительно затратное хозяйство с недопустимо высокими потерями произведенного.

Вертикальная кооперация включает изготовление средств производства, материально-техническое снабжение и производственное обслуживание, сбыт и переработку сельскохозяйственной продукции, транспортировку и хранение ее, поставку семенного и племенного материала, строительство дорог и производственных помещений, систему кредитования и многое другое. Все это требует времени. Революционный путь здесь неприемлем.

В кооперации следует различать две стороны: первая – это организационно-хозяйственная, или экономическая, кооператив как предприятие и вторая – социальная, кооперация как общественное движение. Говоря о кооперативном предприятии, надо иметь в виду, что “оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними, и только перед ними”¹⁵¹.

Как социальное движение кооперация уже не может быть однородной в классовом обществе. Она борется не за интересы трудящихся вообще, а за интересы рабочих (рабочие кооперативы), городских жителей (городская кооперация), ремесленников и крестьян. Здесь уже нет общности, и кооператив “представляет собою организованную на коллективных началах часть экономической деятельности той или иной группы лиц и призван обслуживать интересы этой группы, и только этой группы... кооперация крестьянская... представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организованного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень той крупной формы производства, часто используя наемный труд”¹⁵².

Чаянов выделяет шесть основных типов крестьянских хозяйств: а) классическое кулацкое хозяйство, которое может обойтись и без наемного труда, но его доходы – в торговых оборотах, ростовщическом кредите, сдаче на кабальных условиях средств производства. Их немного, но по своему влиянию это большая сила; б) хозяйства полукapиталистические, использующие постоянно и в большом количестве наемный труд. Таких хозяйств много в многоземельных районах, а также в отраслях с выращиванием экспортно-товарных культур (табак, пшеница, овощи); в) хозяйства, построенные на личном труде членов своей семьи, часто преуспевающие, хорошо оснащенные техникой, прибегающие к найму рабочей силы эпизодически, в трудную пору. И сами не подвергающиеся эксплуатации, кроме случаев особой рыночной ситуации или при отходническом промысле; г) хозяйства, не нанимающие и сами не нанимающиеся, однако, в силу маломощности семьи или недостатка средств производства не способны развить сильное хозяйство. Также преобладают из-за недостатка земли, средств производства или других причин; е) пролетарские хозяйства, главным доходом которых является продажа рабочей силы. В чистом виде каждый из названных типов встречается редко, есть смешанные и переходные формы.

Первый тип – классический кулак антагонистичен кооперации. Кооперация его уничтожает самим фактом своего существования и деятельности.

Социальной базой кооперации являются средние слои крестьянства, его основная масса, или семейно-товарные хозяйства¹⁵³.

По Чайнову, в кооперации существует “дифференциальный оптимум”, заключающийся в том, что для каждой отрасли, входящей в хозяйство в качестве его элемента, имеется свой оптимальный размер. Совместить их в одном хозяйстве невозможно, так как они для каждой отрасли различны, со своими параметрами. Потому хозяйство выделяет их и передает в кооператив. Ввиду этого кооперация и существует. “Успех кооперации измеряется ростом доходов ее членов, а не прибылями самого кооператива”¹⁵⁴. И дальше: “...сельская кооперация самодовлеющего существования не имеет, но является коллективноорганизованной частью семейного производства, живущего одной жизнью с материнским организмом”. Здесь же Чайнов ссылается на высказывание А.И. Чупрова о том, что в “отношении земледелия идея кооперации имела не меньшее значение, чем все крупнейшие технические завоевания”¹⁵⁵.

Чайнов дает свою классификацию кооперативов по общим группам хозяйственных процессов. Она выглядит следующим образом.

1. Механические процессы, связанные с пространством обрабатываемых земель: а) машинные товарищества; б) товарищества по совместной обработке земли; в) мелиоративные и водные товарищества.

2. Биологические процессы: а) племенные союзы; б) общества племенных книг; в) контрольные товарищества; г) селекционные товарищества.

3. Механические процессы первичной переработки: а) молотильные товарищества; б) маслодельные товарищества; в) картофелетерочные, овощесушильные и им подобные товарищества.

4. Хозяйственные операции, связывающие предприятие с внешним миром: а) кооперативы по закупке; б) кооперативы по сбыту; в) кредитные товарищества; г) страховые союзы¹⁵⁶.

Чайнов подробно исследует кредит в крестьянском хозяйстве и кредитную кооперацию, кооперативный товарооборот, организацию кооперативного сбыта и переработки сельскохозяйственной продукции, постановку молочной кооперации, работу машинных и мелиоративных товариществ, страховое дело и принципы построения аппарата кооперации. Он сдержанно относится к “полной сельскохозяйственной кооперации”, или коллективизации. Прежде всего здесь исчезает крестьянин как хозяин, он становится просто работником. Но дело не только в этом. В таком крупном предприятии очень трудно налаживаются организация труда и его мотивация. “Для того чтобы избежать равенства всех работников по наихудшему, требуется либо рабочий энтузиазм всего коллектива, либо такая система организации труда и его стимуляции, которые обеспечили бы нужную напряженность работы каждого из участников коллектива”¹⁵⁷. Кроме того, возникает проблема руководителя, обеспечивающего единую волю и дисциплину. Для сплочения ядра коллектива нужны как минимум четыре условия:

1) достаточная материальная заинтересованность с получением дохода не ниже того, что получали раньше;

2) привычка к сельскохозяйственному труду;

3) примерно одинаковый уровень образования и общественного развития,

4) достаточная общественная и техническая приспособленность к коллективному хозяйствованию¹⁵⁸.

Были ли эти условия учтены при массовой коллективизации? Конечно же нет. В ход пошло принуждение.

Работы Чаянова по кооперации заполнили образовавшийся пробел в теории, когда в 20-х гг. кооперативное движение оживило, а "теория пошла в хвосте". Речь шла о захвате возрождавшегося рынка кооперацией. Сегодня эти работы исключительно актуальны для нас по той же причине. Много времени упущено. Разрушенный рынок возрождается с неприятными гримасами. После государственной монополии сюда хлынула масса спекулятивных и мафиозных элементов. Рынок продовольствия должен быть отвоеван сельскохозяйственной кооперацией, которая сама нуждается в возрождении после тотального ее уничтожения. Как практический опыт, так и теоретические работы 20-х гг. для нас сегодня очень важны.

После длительного безраздельного господства государственного аппарата, тоталитарного подчинения низов верхам предстоит и в управлении поставить все с головы на ноги. И здесь немаловажен тезис Чаянова о том, что "принцип непосредственной ответственности органов кооперативной организации перед обслуживаемыми ею членами есть основной принцип кооперативного движения и вне его, в сущности говоря, кооперация перестает быть таковой"¹⁵⁹.

Чаянов оптимистически смотрел на кооперацию, видел в ней спасителя и организатора крестьян. При самых трудных экономических условиях есть один путь их преодоления, — писал он, — "переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа — на плечи крестьянского хозяйства, на его десятки миллиардов капитала, на его рабочую сопротивляемость, на его сознательность"¹⁶⁰.

Исследование А.В. Чаянова об оптимальных размерах сельскохозяйственных предприятий дает методологический подход для расчета разумных экономически выгодных параметров хозяйств. Оптимум он видит в нахождении "таких размеров площади эксплуатации, при которых, при прочих равных условиях, себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая"¹⁶¹. В расчетах все элементы себестоимости группируются на: а) уменьшающиеся при укрупнении хозяйства (машинопользование, постройки, административные расходы и др.); б) увеличивающиеся при укрупнении (транспорт, потери от снижения управляемости и надзора) и в) независимые от размеров хозяйства (семена, удобрения и др.)¹⁶². Это главные и общие элементы. Приходится учитывать и многое другое, включая конъюнктуру рынка, конфигурацию полей, вид транспортных средств. Однако нахождение оптимума при математической обработке необходимых данных, полученных вначале по трем группам элементов, позволит дать нужный ответ.

Уже упоминалось, что диапазон научных интересов Чаянова был весьма широк. Здесь и экономика мелиораций, и теория водного хозяйства, и организация кредита, и агрономическое обслуживание, и организация северного хозяйства. В последние годы жизни, будучи еще на свободе, он занимался организацией крупных государственных хозяйств. Но сердцевину всех его работ составляет теория трудового хозяйства с сельскохозяйственной кооперацией. Эта теория стала достоянием мировой науки. Ею пользовались в развитых странах, но особенно в странах третьего мира, даже в годы, когда

после убийства ученого 3 октября 1937 г. в Алма-Атинской тюрьме власть предержащие на родине предали анафеме, а затем и забвению его научные труды. Мы еще вернемся к “воскрешению” Чайнова. Но сейчас несколько слов о его художественных произведениях; замыслы которых несут на себе печать научных обобщений и пророчеств автора.

Его фантастические миниатюры столь изящны, остроумны, интригующи, что, начав читать, от них нельзя оторваться. Но есть среди них более крупная работа с глубоким философским смыслом. Это – “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”¹⁶³. Она интересна тем, что здесь изложены думы автора относительно будущего России, каким оно виделось через шесть с половиной десятилетий, в 1984 г. Главный герой книги, бывший видный деятель советской эпохи, Алексей Кремнев выходит из летаргического состояния и знакомится с новой Россией. Уже нет жестокой власти большевиков, и страна представляет собой федерацию крестьянских республик с общинным хозяйством, развитыми наукой и искусством, высокой моралью, передовой техникой. Нет и городских агломераций, индустрия распродоточена по территории страны, соблюдается экологическая чистота, процветают народные промыслы. Внезапно Германия нападает силами миллионных армий, тучами самолетов и танков на Россию и за несколько часов продвигается до 100 км в глубь страны. Но русская армия крестьянских республик с помощью сильных технических устройств уничтожает самолеты и танки противника, и агрессор запросил мира, уплатив контрибуцию художественными произведениями классиков и племенными животными породы “Nur für Deutsche”. Автор, к сожалению, просчитался: Германия напала на Россию на 43 года раньше, а победа далась нам великой кровью. И Москва стала не цветущим садом, какой ее хотел видеть в своих мечтах великий патриот и ученый. Она стала грязным мегаполисом с отравленным воздухом, переполненной ядовитыми металлами речной артерией и ежечасно совершающимися многими тяжкими преступлениями, обманом и насилием над людьми. Конечно, есть здесь и зеленые островки, и парки, и театры, и много хороших людей, но жить человеку стало трудно и неуютно.

Интересны рассказы Никифора Алексеевича Минина, сопровождающего Алексея по новой России. Вот некоторые фрагменты... “В прежнее время весьма наивно полагали, что управлять народнохозяйственной жизнью можно, только распорядясь, подчиняя, национализируя, запрещая, приказывая и давая наряды... Нужно отдать должное организационному остроумию Ю. Ларина и В. Милюткина: их проекты были очень хорошо задуманы и разработаны в деталях. Но мало еще разработать, нужно осуществить, ибо экономическая политика есть прежде всего искусство осуществления, а не искусство строить планы... Система коммунизма посадила всех участников хозяйственной жизни на штатное поденное вознаграждение и тем лишила их работу всяких признаков стимуляции. Факт работы, конечно, имел место, но напряжение работы отсутствовало, ибо не имело под собой основания... Беря в свои руки организацию хозяйственной жизни, мы немедленно пустили в ход все моторы, стимулирующие частнохозяйственное действие – сдельная плата, тантшемы организаторам и премии сверх цен за те продукты крестьянского хозяйства, развитие которых нам было необходимо... Мы в первую оче-

рель обратились к ослаблению доли, падающей на нетрудовые доходы – главные мероприятия в этой области – рентные налоги в земледелии, уничтожение акционерных предприятий и частного кредитного посредничества... Гораздо более сложный и трудной была для нас проблема социальная, удержание и развитие культуры при уничтожении городов и высоких рентных доходов... Нашей задачей являлось разрешение проблемы личности и общества... При этом мы никогда не делали из общества кумира, а из государства нашего – фетиша...”¹⁶⁴

Мы уделили больше внимания А.В. Чаянову прежде всего потому, что он был признанным лидером организационно-производственной школы. Но сюда входит ряд других видных ученых экономистов. Николай Павлович Макаров, ближайший сотрудник Чаянова по Тимирязевке, Высшему семинарию, Институту сельскохозяйственной экономики и политики. Круг его научных интересов также связан с крестьянским хозяйством, сельскохозяйственной кооперацией, общественной агрономией. Родился в г. Харькове в семье служащего. Окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. В 1914–1918 гг. заведовал кафедрой политической экономики Воронежского сельскохозяйственного института. С 1920 по 1924 г. в США и Европе изучал организацию сельскохозяйственного производства. Автор крупных монографий: “Крестьянское хозяйство и его эволюция” (1920), “Зерновое хозяйство Северной Америки” (1924), “Рыночное молочное хозяйство и кооперация” (1926), “Организация сельского хозяйства” и др. Он в 30-е годы прошел круги ГУЛАГовского ада. Прожил долгую жизнь. Его работы 60–70-х гг., созданные после тридцатилетнего перерыва в научной деятельности, посвящены организации крупных сельскохозяйственных предприятий. Николай Павлович сохранял работоспособность до глубокой старости. Последние годы он работал во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования, умер за письменным столом.

Александр Николаевич Челинцев окончил Новоалександрийский институт сельского и лесного хозяйства. Ученик А.И. Скворцова. Там же оставлен на преподавательской работе. В течение двух лет стажировался в Германии и Франции. Первая научная работа опубликована в 1901 г. С 1913 г. профессор и заведующий кафедрой Тимирязевки. На несколько лет выезжал за рубеж. С 1925 г. – в институте Чаянова. Основные труды посвящены географии и размещению сельскохозяйственного производства, системам ведения хозяйства, крестьянскому хозяйству. В 1930 г. арестован. После 16-летнего перерыва вышло еще несколько публикаций. Еще одна сломанная судьба и жизнь ученого.

Александр Никифорович Минин (1881–1939) – агроном, экономист, кооператор, статистик. Родился в Курской губернии в семье управляющего имением, окончил Курское реальное училище и Московский сельскохозяйственный институт. Работал земским статистиком, участковым агрономом в Харьковской и Херсонской губерниях, губернским агрономом в Чернигове. Участвовал в Лиге аграрных реформ, был членом президиума Всероссийского Совета кооперативных съездов, преподавал в университете Шанявского, Кооперативном институте, с 1920 по 1929 г. – профессор Воронежского сельскохозяйственного института. Ближайший соратник А.В. Чаянова по орга-

низационно-производственной школе. Автор многих работ по кооперации и агрономической помощи населению, организационных планов многих сельскохозяйственных предприятий. Арестован в 1930 г. и расстрелян в 1939 г.

Александр Александрович Рыбников (1877–1938), экономист и статистик. Видный представитель организационно-производственной школы. Профессор Тимирязевской академии, руководитель кабинета географии сельского хозяйства в Институте сельскохозяйственной экономики и политики Чаянова. Занимался экономикой льноводства, сельскими промыслами, кооперацией, организацией сельскохозяйственного производства в различных регионах России, США, особое внимание уделял засушливым районам, изучал роль транспорта в сельском хозяйстве. Арестован в 1930 г. Расстрелян 16 сентября 1938 г.

Геннадий Александрович Студенский (1898–1930), экономист, профессор с 1926 г. Родился в семье дьякона в Чембарском уезде Пензенской губернии. Окончил духовную семинарию и Тимирязевку. Работал в своей alma mater, параллельно в Самарском сельскохозяйственном институте, а также в Институте сельскохозяйственной экономики и политики Чаянова. Здесь он занимался проблемами сельскохозяйственного капитала и местных комбинатов по переработке сельскохозяйственной продукции. Изучал опыт альпийского хозяйства в Швейцарии и организовал его внедрение в Дагестане. Изучал природу крестьянского хозяйства и его связи с рынком. Автор многих работ на русском, немецком, английском языках по теории и эволюции крестьянского хозяйства, его бюджетам, экономике отдельных отраслей и регионов, интенсификации и научно-техническому прогрессу. Арестован в 1930 г. Покончил с собой в заключении.

Семен Леонтьевич Маслов не входил в организационно-производственную школу, но по своим взглядам был близок к ней. Он родился в семье малоземельного крестьянина Ливенского уезда Орловской губернии. Окончил юридический факультет Казанского университета. Работал земским статистиком. Редактировал “Крестьянскую газету” (Казань), был членом редколлегия нелегальной газеты “Земля и воля”, член партии эсеров с 1902 г. Исследовал крестьянские хозяйства некапиталистического типа, сельскохозяйственную кооперацию. Будущее сельского хозяйства видел в переходе к крупному производству на основе всех форм кооперации. Считал кооперацию “антикапиталистическим” движением. Работал в кооперативных организациях, входил в руководство созданного Чаяновым Льноцентра в 1915 г. С 1902 г. по 1928 г. опубликовал около 200 работ по проблемам кооперации, крестьянского хозяйства, кредита, работы земств, льноводства, экономической жизни села. Участвовал в работе Лиги аграрных реформ. В 1917 г. сменил Чернова на посту министра земледелия в последнем правительстве Керенского. Позднее отошел от политической деятельности. Работал в Центросоюзе, преподавал в Московском университете и других вузах. Арестован в 1930 г., расстрелян 20 июня 1938 г.

Итак, мы познакомились со взглядами и работами экономистов либерального направления и организационно-производственной школы, которых марксисты называли, соответственно, буржуазными и мелкобуржуазными учеными, наклеивая на них соответствующие ярлыки. Сейчас мы познакомимся со взгля-

дами экономистов марксистской школы 20-х гг. Нам еще предстоит в дальнейшем не один раз возвращаться к этой группе ученых-аграрников. Рассмотрим весьма важное событие в жизни экономической науки – конференцию аграрников-марксистов, состоявшуюся 20–27 декабря 1929 г. в Институте экономики Коммунистической академии на Волхонке, в Москве.

ПОГРОМ НА ВОЛХОНКЕ

Это мероприятие нельзя назвать конференцией в обычном смысле этого слова. Здесь не было общепринятых в научном мире дискуссий. Не было оппонентов. Были только обличители, и они разоблачали “врагов” самой передовой науки – марксизма-ленинизма. В пленарных заседаниях участвовал И.В. Сталин, выступивший с известной речью, на которой мы позднее остановимся. Она была не обычным дискуссионным выступлением, а речью-директивой. В президиуме – элита аграрников-марксистов того времени. Назовем некоторых из них.

Лев Натанович Кришман (1890–1937), директор Аграрного института Комакадемии, участник революционного движения с 1905 г., выпускник химического отделения Цюрихского университета, редактор журнала “На аграрном фронте”, автор многих работ по социалистической реконструкции сельского хозяйства и критике антимарксистских теорий в экономике.

Владимир Павлович Милютин (1884–1937), сын сельского учителя из Курской губернии, член РСДРП с 1903 г., воспитаник Петербургского университета, один из основоположников советской статистики, начальник ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР; редактор многих журналов, один из руководителей Коммунистической академии. В.П. Милютин написал ряд работ: “Социалистическая этика” (1909), “Роль труда в сельском хозяйстве в связи с войной” (1914), “Сколько стоит война и кто должен расплачиваться за нее?” (1917), “Земельный вопрос в России” (1918), “Современная кооперация и ее задачи” (1925), “Вопросы социалистического сельского хозяйства” (1930), “На пороге второй пятилетки” (1931) и др.

Арон Израйлевич Гайстер (1899–1937). Окончил Институт красной профессуры, вел преподавательскую работу в вузах, был избран академиком ВАСХНИЛ, назначался заместителем наркома земледелия СССР. Автор работ: “Сельское хозяйство капиталистической России” (1928), “Расслоение советской деревни” (1928), “Достижения и трудности колхозного строительства” (1929), “Проблемы Севера” (1933) и др.

Михаил Ильич Кубанин (1898–1941), экономист-аграрник, выпускник Института красной профессуры. Работал в Международном аграрном институте и Институте экономики Комакадемии. Член коллегии Наркомата земледелия. Исследовал социально-экономические процессы развития деревни в период аграрной революции. Автор работ: “Классовая сущность процессов дробления крестьянских хозяйств” (1929), “Производственные типы колхозов” (1936) и др.

Пройдет несколько лет, и все упомянутые ученые тоже будут казнены. Для каждого найдется один или несколько пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Все они будут объявлены “врагами народа”. Их имена будут

забыты, а книги изъяты из всех библиотек страны и уничтожены. Ромен Роллан назвал яacobинскую диктатуру "Драмой революции". Но такое название было бы бледно для характеристики массовых казней в стране "победившего, или реального, социализма". Прав был тот мудрый человек, кто однажды сказал, что революции пожирают своих детей.

Однако вернемся к 1929 г. Будущие жертвы, облаченные профессорскими званиями и докторскими степенями, неистово осуждают "буржуазных" и "мелкобуржуазных" ученых. Едва ли можно сомневаться в том, что делают они это искренне, веря в свою правоту и неправоту отсутствующих оппонентов. Может быть, в глубине души у кого-то и шевельнется, больно уколется сомнение. Но ведь они отстаивают генеральную линию партии, за дело которой боролись еще в глубоком подполье, нередко рискуя собственной головой. Ведь они идут "в ногу" со временем, а вот те "буржуазные экономисты" вроде бы тянут народ назад, в сторону от светлого будущего.

С основным докладом на конференции выступает В.П. Милютин. Тема доклада: "Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства". Он формулирует теоретические положения марксизма по аграрному вопросу следующим образом: "...законы капитализма, законы капиталистического развития в деревне в основном те же, что и в городе. Это означало, что развитие производительных сил деревни, развитие крупного производства, развитие наемного труда происходит в сельском хозяйстве в тех же направлениях, что и в городе, что в промышленности... основные законы товарооборота приложимы также и к сельскому хозяйству... те классовые противоречия, та классовая борьба, которые мы в яркой форме наблюдаем в городе, эта классовая борьба пролагает себе дорогу и в деревне... проникновение капитализма в сельское хозяйство обостряет тем самым классовую борьбу как в городе, так и в деревне, увеличивая руководящую роль пролетариата"¹⁴⁵. Итак, установленные марксистской наукой законы развития капитализма в равной мере распространяются и на сельское хозяйство, классовая борьба обостряется, первую скрипку и в деревне должен играть пролетариат. Все просто, все ясно. Никаких некапиталистических путей быть не может. А в деревню для руководства "неразумной крестьянской массой" следует двинуть тысячи и тысячи шолоховских Давыдовых. И двигали, отстраняя крестьян. Это делалось многократно. (Припоминаю факт, происшедший через четверть века после описываемых событий. По решению сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС из крупных городов в МТС и совхозы посылались несколько тысяч инженеров. Один из них, присмотревшись к делам, заглянул ко мне за консультацией: как при закладке гончарного дренажа укладывать трубки, горизонтально или вертикально? Поскольку этого человека переучивать уже было поздно, я сделал все, чтобы побыстрее вернуть его обратно в город.)

Милютин ополчился на Каутского, Бернштейна, Отто Бауэра, II Интернационал в целом, прежде чем повести атаку на отечественных отступников. Кто же здесь стал мишенью? Во-первых, "буржуазная" школа, наиболее яркими представителями которой названы Кондратьев, Литошенко, Вайнштейн; во-вторых, "мелкобуржуазная" школа, или неонародники – Чайнов, Челищев и другие; в-третьих, правые уклонисты троцкистского толка в партии в

лице самого Троцкого и Преображенского и, в-четвертых, Бухарин и его сторонники, отражающие “кулацкую часть деревни”¹⁶⁶. Дальше следуют цитаты из работ Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко, А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, Г.А. Студенского, А.Н. Челинцева, Е.А. Преображенского, Н.И. Бухарина, якобы свидетельствующие о грубых ошибках последних, приводящих к гибели российской деревню.

Расправившись с противниками, докладчик переходит к конструктивным предложениям, или теоретическим задачам, выдвигающимся в эпоху социалистической реконструкции экономики. При этом имеется в виду, что социалистический сектор в сельском хозяйстве уже с этого года становится преобладающим как по его организующей роли, так и по доле в производстве. В течение 1–2-х лет в основных сельскохозяйственных районах (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Украина) коллективизация будет полной, сплошной. Это обязывает усилить научно-исследовательские работы в отношении социалистических форм экономики, анализа законов развития социалистического хозяйства, новых проблем техники и организации труда, электрификации.

В ближайшее время сельское хозяйство станет “одной из отраслей промышленности”, будет усиливаться специализация, а также комбинация с промышленностью. На повестку дня стал переход от регулирования к прямому управлению сельским хозяйством. Нужно закладывать новые формы организации труда по аналогии с промышленностью.

Предстоит уяснить роль и природу колхозов, устранить неверные подходы. Они состоят, во-первых, в отрыве от новой техники и, во-вторых, в представлении колхоза как модернизированной общины с общинным воспитанием и бытом. Необходимо же, чтобы колхоз перерастал в крупное предприятие типа совхоза “Гигант”. Колхоз должен стать таким же предприятием, как фабрика и завод.

Говорит Милотин и об обострении классовой борьбы, необходимости изучать процессы дифференциации, повышать степень обобществления. Снабжение, финансирование и землеустройство должны исходить из этой задачи. Необходимо усиливать пролетарское влияние. Для этого в деревню посылаются 25 тысяч рабочих. Учитывая наличие капиталистического окружения, борьбу с буржуазными и неонародническими идеями вести и за пределами Союза ССР. Вот такую программу предложили конференции аграрники-марксисты¹⁶⁷.

Почти на 1 200 страницах “трудов” немало бранных слов в адрес “буржуазных” и “мелкобуржуазных” ученых, не до конца разоружившихся, непоследовательных марксистов, уклонистов, не освободившихся от неонароднического влияния. В принятой резолюции требуется “продолжать решительную борьбу за выкорчевывание всех остатков неонароднической идеологии... беспощадный разгром всех реакционных буржуазных и мелкобуржуазных идеологий... разоблачение основных концепций правого уклона... разрушение базы для роста капитализма, корявящегося в мелком крестьянском хозяйстве...”¹⁶⁸

Гвоздем программы конференции было выступление И. Сталина, в котором он поставил все точки над *i*, отметил отставание теоретической работы от практических успехов социалистического строительства и потребовал быстрее покончить с “буржуазными предрассудками” в теории. При этом он развенчал некоторые из этих “предрассудков” и выдвинул вполне конкрет-

ные задачи нового этапа в развитии советской деревни. Что это за осужденные теории и каковы задачи?

а) Теория “равновесия”, заключающаяся в одновременном, как бы параллельном, существовании социалистического (колхозы, совхозы, промышленность) и несоциалистического, то есть капиталистического, сектора экономики, представленного мелкотоварным производством. Эта теория, по Сталину, не выдерживает критики. Может быть либо путь капиталистического развития, либо “другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов и совхозов... Стало быть, вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо назад – к капитализму, либо вперед – к социализму. Никакого третьего пути нет и быть не может”¹⁶⁹.

б) Теория “самотека” в социалистическом строительстве. Ее суть в том, что к капитализму поначалу шел город, промышленность, а затем пошло и сельское хозяйство. К социализму также первой пошла промышленность. Пойдет постепенно и село. Не следует гнать лошадей. Сталин называет эту теорию “самотека “антимарксистской” и опять требует, чтобы “социалистический” город повел за собой “мелкобуржуазную” деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы...”¹⁷⁰

в) Теория “устойчивости” мелкокрестьянского хозяйства. Сталин отвергает положение об устойчивости мелкого хозяйства, требует перехода к крупному, более выгодному. На Западе к мелкому хозяйству крестьянина привязывает частная собственность на землю. В СССР она отменена, и в связи с этим отпадает необходимость держаться за мелкое.

г) Город и деревня. Сталин пытается опровергнуть мнение, что Октябрьская революция дала крестьянину меньше, чем Февральская. Приводит известную таблицу В.С. Немчинова о хлебном балансе по социальным группам производителей (помещики, кулаки, середняки и бедняки) и делает вывод, что бедняцко-средняцкая масса крестьянства стала основным производителем хлеба и, следовательно, выиграла после Октября. Город же поставляет средства производства (как будто бы раньше он этого не делал!).

д) О природе колхозов. Суть сводится к социалистическому характеру колхоза. Делается вывод, что “колхозы являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое крестьянство к машинам и к тракторам как к рычагам хозяйственного подъема...”¹⁷¹ (Так рассуждает И. Сталин. Но ведь американские и западноевропейские крестьяне “приобщились” к тракторам и комбайнам без колхозов, и немножко раньше российских.) Запомним этот тезис: он будет долго звучать как один из главных аргументов коллективизации.

е) Классовые сдвиги и поворот в политике партии. Суть классовых сдвигов Сталин усматривает в том, что партия и Советская власть “развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни, это наступление дало и продолжает давать... весьма ощутительные положительные результаты... от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса”¹⁷². Колхозы теперь уже смогут заменить кулаков как производители зерна.

Итак, никакого сосуществования социалистических с несоциалистическими, мелкотоварными хозяйствами; никакого самотека в насаждении кол-

хозов и совхозов; никакого мелкотоварного производства; только продукция города приобщит крестьян к прогрессу; только колхоз – социалистическое предприятие; от ограничения кулачества перейти к его ликвидации как класса. Яснее не скажешь. С декабря 1929 г. теория “подтянулась” до уровня практики и стала методологической основой для социалистического строительства в деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин И. Соч. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 8. С. 15–60.
2. Там же. С. 34.
3. Там же. С. 35.
4. Там же. С. 39.
5. Народное хозяйство СССР в 1958 г. М.: Госстатиздат, 1959. С. 654.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938. С. 202–204.
7. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 284–286.
8. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное издание. М.: Наука, 1990.
9. Там же. С. 9.
10. Там же. С. 12.
11. Там же. С. 52.
12. Там же. С. 54.
13. Там же. С. 63.
14. Там же. С. 74.
15. Там же. С. 86.
16. Там же. С. 93.
17. Там же. С. 95.
18. Там же. С. 96–99.
19. Там же. С. 99.
20. Там же. С. 102–103.
21. Там же. С. 120.
22. Там же. С. 105.
23. Там же. С. 111.
24. Там же. С. 112.
25. Там же.
26. Там же. С. 114.
27. Там же. С. 115.
28. Там же. С. 118.
29. Там же. С. 116.
30. Там же. С. 145.
31. Там же. С. 152.
32. Пятимир Сорочкин. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992. С. 240–241.
33. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 33–35.
34. Там же. С. 35.
35. Там же. С. 35–36.
36. Там же. С. 37.
37. Там же. С. 42–43.
38. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 296.
39. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М.: Политиздат. Т. 3, 1956. С. 93.
40. Там же. С. 114.
41. Там же. С. 115.
42. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Рукопись. 476 стр. машинопис. (Работа написана в 20-е гг. Рукопись хранится в архивах. Готовится к изданию под ред. проф. В. П. Данилова). С. 353–469.
43. Там же. С. 448.

44. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. С. 55–57.
45. Там же. С. 91–94.
46. История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1976. Т. 2. С. 41.
47. БСЭ. 3-е изд. Т. 13. С. 480.
48. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 42 и 240.
49. БСЭ. 3-е изд. Т. 2. С. 96.
50. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. "Антоновщина": Документы и материалы. Тамбов. Ред.-изд. отд., 1994. С. 222.
51. Там же. С. 241.
52. Там же. С. 130.
53. Там же. С. 211–217.
54. Там же. С. 293.
55. Там же. С. 95–96.
56. ГАРФ. Ф.Р.–8415. Оп.1. Д.122 (1). Л.44.
57. ГАРФ. Ф.Р.–8415. Оп.1. Д.122 (2). Л.73.
58. РГВА. Ф.34228. Оп.1. Д.292. Л.5.
59. РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.31. Л.27.
60. Крестьянское восстание ... С. 97.
61. ГАРФ. Ф.Р.–8415. Оп.1. Д.122 (2). Л.97.
62. ГАРФ. Ф.7900. Оп.1. Д.64. Л.3.
63. ГАРФ. Ф.Р.–8415. Оп.1. Д.128. Л.3.
64. Крестьянское восстание ... С. 249.
65. ГАРФ. Ф.Р.–8415. Оп.1. Д.122 (3). Л.128.
66. Там же. Л.130.
67. Там же. Л.131.
68. Аршинов П. История маховского движения. Берлин, 1923.
69. Нестор Махно. Воспоминания. Кн. 2–3. Париж: Изд. Комитета Н.Махно, 1936–1937. Кн. 2. С. 109.
70. КПСС в резолюциях. 9-е изд. М.: Политиздат, 1983. Т.2. С. 370–371.
71. История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1976. Т. 2. С.35.
72. Там же. С. 36.
73. Там же. С. 38.
74. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 232–233.
75. Там же. С. 233–234.
76. КПСС в резолюциях. 9-е изд. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. С. 499.
77. Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. М.: Статиздат ЦСУ, 1929. С. 402.
78. Там же. С. 407.
79. Там же. С. 258–260.
80. Там же. С. 371–372.
81. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 233.
82. Там же. С. 226–228.
83. Там же. С. 295–297.
84. Коренев Д. (Д. Захаров). Кооперация. М.: Заккнига, 1927. С. 251–255.
85. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377.
86. КПСС в резолюциях. 9-е изд. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 368–376.
87. Медведев В. В. Кооперация. Краткий очерк теории и истории. М.: Центросоюз, 1930. С. 50.
88. Там же. С. 45.
89. Кооперация к десятилетию Октября. Изд. газеты. Кооперативная жизнь. С. 51.
90. Там же. С. 35.
91. Там же. С. 53.
92. Там же. С. 18–19.
93. Кооперация в СССР за десять лет. Отв. ред. В.П. Милютин. М.: изд. Комкадемии, 1928. С. 139.
94. Там же. С.138.
95. Там же. С. 14.
96. Коренев Д. (Д. Захаров) Кооперация... М.: Заккнига, 1927. С. 286.
97. Русский колокол. Берлин, 1928, №3. С. 14–21.

98. Ильин И. А. Собр. соч. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. С. 278–280.
99. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. П.: Право, 1922.
100. Там же. С. 43.
101. Там же. С. 25.
102. Там же. С. 24.
103. Там же. С. 87.
104. Там же. С. 103.
105. Там же.
106. Там же. С. 117.
107. Там же. С. 118.
108. Там же. С. 123.
109. Там же. С. 131.
110. Там же. С. 132.
111. Там же. С. 231.
112. Там же. С. 233.
113. Новый мир. М.: №8. 1990. С. 176.
114. Бруцкус Б. О новой экономической политике. // Эко, Новосибирск: Наука, 1989, №10. С. 84–93.
115. Там же. С. 92.
116. Вопросы экономики. М.: 1991, №9. С. 126–141.
117. Там же, №10. С. 137–160.
118. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Рукопись. С. 14.
119. Там же. С. 29.
120. Там же. С. 426–427.
121. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 170–226.
122. Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. М.: Международные отношения, 1989.
123. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 91.
124. Там же. С. 102.
125. Там же. С. 126–132.
126. Там же. С. 137.
127. Там же. С. 169.
128. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 158.
129. Там же. С. 146.
130. Там же. С. 192.
131. Там же. С. 200.
132. Там же. С. 310–312.
133. Кондратьев Н. Д. О крупно-крестьянских хозяйствах. Особое мнение. Книга 1. М.: Наука, 1993. С. 64–65.
134. Там же.
135. Там же. С.32.
136. Там же. С.33.
137. Там же, Книга 2. С. 155–176.
138. Там же. С. 170.
139. Там же. С. 173.
140. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М.: Наука, 1991. С. 76.
141. Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное издательство, 1925. С. 10–11.
142. Там же. С. 18.
143. Чайнов А. В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем. М.: Новая деревня, 1925. С. 78–80.
144. Чайнов А. В. Что такое аграрный вопрос? М.: Универсальная библиотека, 6/г. С. 10.
145. Там же. С. 35.
146. Там же. С. 42.
147. Там же. С. 51.
148. Там же. С. 54.

149. Кондратьев Н. Д., Макаров Н. П., Чайнов А. В., Челинцев А. Н. Указатель литературы. Под ред. В. П. Давилова. М. 1988. С.28–45.
150. Чайнов А. В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М.: Книгосоюз, 1927. С.1.
151. Там же. С. 17.
152. Там же. С. 20.
153. Там же. С. 29–38.
154. Там же. С. 52.
155. Там же. С. 53.
156. Там же. С. 54–55.
157. Там же. С. 345.
158. Там же. С. 353.
159. Там же. С. 377.
160. Там же. С.383
161. Чайнов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. 3-е изд. М.: Новая деревня, 1928. С. 13.
162. Там же. С. 14–21.
163. Чайнов А. В. Венецианское зеркало. Повести. М.: Современник, 1989. С. 161–208.
164. Там же, 187–195.
165. Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М.: изд. Коммунистической академии, 1930. Т. 1. С. 17–18.
166. Там же. С. 25.
167. Там же. С. 50–60.
168. Там же. С. 460–463.
169. Там же. С. 435–436.
170. Там же. С. 437.
171. Там же. С. 446.

Тот, кто вчерашние жертвы забудет,
может быть, завтрашней жертвою будет.

Евгений Ештушенко

ГЛАВА 6. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ: ДРАМА 30-х гг.

Тридцатые годы в истории России и других бывших республик Советского Союза ознаменованы весьма драматическими событиями. На эти годы приходится пик репрессивных мероприятий Советской власти с гибелью миллионов ни в чем не повинных людей. Гибелью не на фронтах войны, а в лагерях смерти, ссылки. Это было время геноцида, осуществляемого органами власти против собственного народа на классовой и идеологической основе. Классовой – против так называемых буржуазных и полубуржуазных элементов, мелких товаропроизводителей, к которым относились крестьяне. Идеологической – против всех немарксистски мыслящих, прежде всего состоявших в других партиях, кроме большевистской, против духовенства, против мыслящих рабочих, выступивших в защиту или просто проголосовавших за не совсем большевистскую резолюцию. Это было время разрушения и осквернения храмов, время жесточайшего восточного деспотизма, это был конвейер смерти.

И вместе с тем это было время героических свершений наших людей. В те годы осваивали Арктику, летали через полюс, строили гигантские плотины и крупные заводы, сочиняли удивительно мелодичные лирические песни, создавали хорошие фильмы, открывали университеты и институты, дошли до расщепления атомного ядра. А гениальный и неукротимый Вавилов песком обошел почти все континенты и установил мировые центры происхождения культурных растений, создал уникальную их коллекцию, которой восторгались ученые всего мира. Руководимый им Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) стал Меккой для генетиков многих стран, как в 20-е гг. институт Чаянова был ею для экономистов-аграрников. Еще и еще раз приходится удивляться тому, как рядом уживаются добро и зло, верность и коварство, жестокость и гуманность, ненависть и любовь, культура и дикость, созидание и разрушение, всепрощение и садизм, трудолюбие и тунеядство, доверие и подозрительность, альтруизм и эгоизм, внимание и безразличие, мягкость и черствость, бережливость и расточительство.

ГОД “ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА”

Нэп обеспечил быстрое оздоровление сельского хозяйства. Параллельно шли поиски в науке. Но вокруг нэпа развевалась острейшая политическая борьба. Влиятельные круги в правящей партии считали эту политику временным отступлением от генеральной линии. Ведь главным было не благополучие народа, а чистота марксистской догмы, да еще мировая революция, успехи классовой борьбы внутри страны. Многим нэп казался каким-то зигзагом, отступлением, временным компромиссом. Тем более что от него какой-то выгрыш имел не только пролетариат, а еще и “мелкобуржуазная” масса частных товаропроизводителей, рождающая капитализм “ежедневно,

ежечасно и в массовом масштабе". К тому же в конце 20-х гг. начались трудности на хлебном фронте. Хлеб был, но крестьяне неохотно его сдавали. Стоило бы по-цивилизованному и по справедливости разобраться с ценами, стимулами с учетом элементарных требований законов экономики, и трудности были бы сняты. Но ЦК ВКП(б) и его Генсек не стали себя утруждать поисками экономических причин. Решили взять хлеб силой. Методы были выработаны во время сибирской командировки И.В. Сталина в январе 1928 г. Они общеизвестны. Накал насилия возрастал. 13 февраля 1928 г. Сталин направляет письмо во все организации ВКП(б) с требованием усилить нажим на крестьян и объяснением причин хлебозаготовительных трудностей. Он пишет: "...растет и богатеет деревня. Вырос и разбогател, прежде всего, кулак... Наши заготовительные организации оказались не на высоте своего призвания... Лишняя нашей работы в деревне в целом ряде районов оказалась искривленной..." В качестве конструктивных мер предлагается: "...поднять на ноги партийные организации... выкачать из деревни денежные излишки... сделать ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью..."¹. Игак, нажимать, выкачивать, карать.

Большевистское руководство страны в аграрном вопросе всегда ориентировалось на коллективные формы хозяйствования. В Программе РКП(б), принятой VIII съездом в марте 1919 г., записано:

"Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются:

- 1) устройство советских хозяйств, т.е. крупных социалистических экономий;
- 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли;
- 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было незаезженных земель;
- 4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры;
- 5) поддержка сельскохозяйственных коммун как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства".

Большевистское руководство страны всегда ориентировалось на тотальное обобществление и соответствующие формы хозяйствования в деревне, рассматривая все осуществляемые в этом направлении методы и меры "как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности сельскохозяйственного труда"². Глобальной из этих мер оказалась насильственная коллективизация, лозунги об опоре на индивидуального крестьянина и его добровольное кооперирование были отброшены.

Принудительные меры не дали желаемых результатов. Коллективизация шла медленно. Популярностью среди крестьян новые формы не пользовались. Если в 1918 г. (по состоянию на 1 июня) было коллективизировано 0,1% хозяйств, то в 1927 г. — 0,8, в 1928 г. — 1,7, к середине 1929 г. — 3,9%³. Поэтому в год "великого перелома" и позднее на насильственную коллективизацию направляется вся мощь партийных, государственных и карательных органов. В январе 1930 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству", в котором говорится: "...коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.;

коллективизация же других зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.”⁴ В таком административно-карательном нажиме на темпы коллективизации заключена вся суть “помощи”. Как это восприняли крестьяне – общеизвестно. Власти это назвали “кулацким восстанием” и запустили машину репрессий.

Правда, в марте 1930 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) “О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении”, в котором говорится о нарушении принципа добровольности, принудительном обобществлении построек, мелкого скота, последней коровы и птиц, навязывании коммун, закрытии церквей, упразднении рынков и базаров. Здесь же говорится, что “дальнейший быстрый рост колхозного движения и ликвидация кулачества как класса невозможны без немедленной ликвидации этих искривлений”⁵. Но все это, как и статья Сталина “Головокружение от успехов”, было полным лицемерием.

Состоявшийся в июне-июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) в одной из резолюций записывает: “...партия перешла от прежней политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике – политике ликвидации кулачества как класса... проводимой самими бедняцкими и середняцкими классами”⁶.

Уже 24 сентября 1930 г. ЦК ВКП(б) наносит удар по сельскохозяйственной кооперации. В циркулярном письме он обрушивается на попытки “подменить организацию артелей сельскохозяйственными кооперативными товариществами”⁷. Поэтому, если где таковые пока остаются вследствие “слабого колхозного движения”, они должны перерасти в колхозы”. В августе 1931 г. принимается новое постановление ЦК ВКП(б) “О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов”, в котором требуется во всех районах страны, включая потребительскую полосу, завершить коллективизацию в 1932–1933 гг.⁸

Трудно сказать, чего больше во всех этих документах: авантюризма, административного запала или лицемерия инквизиторов. Осуждать закрытие церквей, а затем самим же отдать распоряжение взорвать собранный на народные медяки и воздвигнутый лучшими архитекторами и художниками России храм Христа Спасителя?! Обвинять местных работников в нарушении принципа добровольности и тут же давать жесткий график коллективизации! Ссылаться на инициативы бедняков и середняков, а на деле мобилизовать транспорт и силы карательных органов для депортации миллионов крестьян в Сибирь. Выкачать зерно из северокавказской и украинской деревни, довести до голодной смерти миллионы крестьян и их же обвинить в саботаже! Роберт Конквест написал потрясающую книгу по этим событиям под названием: “Жатва печали. Советская коллективизация и голодный террор”⁹. В ней документально показаны разгром крестьянства, ударная коллективизация, голодный террор на Украине, Дону, Кубани и Волге.

Теперь посмотрим на ход коллективизации глазами ее участников, свидетелей, исполнителей. Прочтируем несколько документов, подобранных научным сотрудником Аграрного института Ирриной Ивановной Собко по нашей просьбе в Российском Государственном архиве экономики, в Фонде народного комиссариата земледелия. Возьмем докладную записку ответствен-

ного инструктора Наркомзема СССР Сниткова о перегибах при проведении коллективизации в Шацком районе Рязанского округа Московской области:

“В Шацком районе на 01.10.29 г. коллективами было охвачено 2% крестьянских хозяйств. При осуществлении коллективизации районными властями географическая карта района была разбита на пять примерно равных частей – будущих коммун. Несмотря на то что коммуны не встречали поддержки со стороны не только середняков, но и бедняков, местные работники добивались исключительно организации коммун. Для того чтобы заставить крестьян пойти в эти коммуны, принимались следующие меры: зачисление в колхоз производилось на основании постановлений общих собраний, привлечение к ответственности несогласных идти в коллективы, лишение их земли, обложение индивидуальным налогом... Вопросы о вступлении в колхоз голосовались, как правило, в следующей форме: “Кто против колхозов и Советской власти?”

В результате таких действий в районе Кулиновского сельсовета были арестованы 12 бедняков. В деревне Александровке обобществление имущества начали проводить даже без постановления сельского схода о вступлении в колхоз. Не удовлетворяясь подобными результатами, 24 января 1930 г. районный штаб приказывает: “Шире использовать приказ №1 окрштаба, в особенности в части взыскания штрафов на лиц, мешающих проведению коллективизации”.

Такая практика привела к открытым выступлениям против коллективизации. На 15 марта осталось в колхозах менее 2% крестьянских хозяйств. В некоторых местах достаточно было формальных оснований для ликвидации кулацких хозяйств, как-то: дополнительное задание по хлебозаготовкам, применение пятикратки, опись и продажа имущества с торгов и т.п. Под раскулачивание нередко попадал середняк. В Екатерининском сельсовете из 12 раскулаченных хозяйств – 7 середняцких. Есть случаи, когда раскулачивали бедняков за отказ вступить в колхоз.

Темшевский сельсовет постановляет: “Выдвинутые граждане группой бедноты в бедняцком собрании от 03.02 в числе шести человек (фамилии) ввиду того, что указанные граждане не являются кулаками и для принятия их в колхоз препятствий нет, предложить последним не позднее 05.02 подать заявление о добровольном вступлении в колхоз с передачей имущества в неделимый капитал колхоза. В случае отказа выслать их из пределов Рязанского округа”.

Руководство работой по коллективизации и проведению раскулачивания осуществляется системой штабов. Имеются штабы окружной, районный и подрайонный, которые принимают решения и проводят их в жизнь. Сельсоветы же заняты обслуживанием этих штабов, созывают собрания, предоставляют приезжающим работникам подводы и оказывают иное содействие.

Массовая разъяснительная работа, в первую очередь работа с беднотой, отсутствует. Методы руководства можно характеризовать самим приказом окружного штаба от 7 января. В этом приказе (12) говорится следующее: “Сельсовет должен обуздать хулиганствующие элементы села, мешающие проведению собраний и других мероприятий. Хулиганов и пьяных не только удалять с собраний и общественных мест, но и валагать на них штрафы... При повторении бесчинства штрафовать повторно. Тех же, на кого эти меры не будут влиять, предавать суду, ставя вопрос о высылке из района сельсовета и лишая их земли. С кулацких хозяйств штрафы взыскивать путем отчуждения земли, с.х. машин и инвентаря”. Приказ подписан секретарем окружкома Тимофеевым и председателем окрисполкома Штрадом... Ответственный инструктор НКЗ СССР Снитков¹⁰. В деле имеется записка наркома земледелия Я.А. Яковлева о том, что этот доклад инструктора направлен И.В. Сталину.

Вот выдержка из сообщения уполномоченного Наркомзема СССР в Тюменском округе Уральской области наркому Я.А. Яковлеву от 8.03.1930 г.

“...приведу несколько примеров извращения на местах политики партии при коллективизации, особенно при сборе семян. Шестаковский сельсовет Ново-Завымковского района. Избав совместно с учителем заподозрили батрачку в том, что она скрывает кулацкие вещи, в т.ч. горшок с золотом. Батрачку допрашивали, арестовали, ночью повели к проруби якобы расстреливать. Она отказывалась. Тогда ее опустили головой вниз в прорубь с водой... а затем повели в лес расстреливать. По дороге она потеряла сознание...”¹¹

Вот такими методами проводилась коллективизация, такими приемами осуществлялась борьба с “классовыми врагами”, вот такой широкий круг людей втягивался во все эти преступные деяния. Крестьяне не молчали. Они жаловались, сопротивлялись, восставали. Но против них для реализации бре-

довых идей "шоковыми" методами стояли партия, карательные органы, вооруженная сила, малограмотный и малоцивилизованный "актив", на который опирались все эти новоявленные штабы областного, окружного, районного и подрайонного уровня. Но вернемся к документам.

Уполномоченный Наркомзема СССР по Козловскому (ныне Мичуринск Тамбовской области) округу по подготовке и проведению весенней посевной кампании Бураков докладывает наркому Я.А. Яковлеву:

"...политическое состояние Козловского округа. По 5 марта кулацкими беспорядками было охвачено 54 селения, участников в этих беспорядках по грубому подсчету числится 20 000 человек, что составляет немного больше 2% ко всему населению округа. Пострадавших от беспорядков смертельно 24 человека, есть раненые, и есть сильно избитые, большей частью с нашей стороны..."¹²

Это доклад №2 от 6 марта 1930 г. А вот выдержки из доклада №3 от 22 марта 1930 г. того же Буракова тому же наркому Яковлеву:

"...15 марта по Козловскому округу коллективизировано 79,03%. Таким образом, темп коллективизации приостановился, кулаку... в известной мере удалось парализовать работу по коллективизации. Сейчас наблюдается массовая подача крестьянами заявлений о выходе из колхозов. По одному Раненбургскому району (более пораженному беспорядками) подано 6 000 заявлений. Руководители районов (секретари райкомов – так и работники на селе) объясняют, что основанием подачи заявлений о выходе из колхозов послужила статья т. Сталина, которая говорит о добровольном вступлении в колхозы, но эти обоснования не верны, потому что заявления о выходе из колхозов поступали и до статьи т. Сталина. Тов. Каганович тоже об этом говорит на бюро Козловского окружного комитета партии и отмечает, что подача заявлений больше всего происходит от нашей недоработки на селе. Я лично выезжал в Раненбургский район для расследования этого вопроса, специально взял одно селение, характеристика которого имеется, средняя – по количеству домохозяев, средняя по политическому состоянию села, а также средняя в хозяйственном отношении.

Село "Ломовое" Раненбургского района – числится 620 домохозяев, из них кулацких хозяйств – 8, зажиточных – 32, середняцких – 243, бедняцких – 287. Хлебозаготовки прошли в следующем порядке: было разложено хлеба на кулаков – 724 пуда, на зажиточных – 2 163 пуда, на середняков – 3 913 пудов, бедняков – 250 пудов. Выполнено кулаками 734 пуда, зажиточными – 2 583 пуда, середняками – 4 439 пудов и беднотой – 1 917 пудов. Всего выполнено 9 683 пуда, или к предложенному заданию 136%. Теперь в хлебозаготовках на одно хозяйство в среднем ложится: на кулацкое хозяйство – 90 пудов, на зажиточных – 67 пудов, на середняка – 13 пудов и на бедноту – 5 пудов. Такие же приблизительно цифры составляют хлебозаготовки как по району, так и по округу.

Сопrotивляемость населения или нежелание добровольно сдать хлеб государству – если взять определение в наложении различных административных мер взыскания (суд, штрафы и т.д.), то выразится в следующих цифрах: привлекалось кулаков – 8, или 100%, зажиточных – 32, или 100%, середняков – 161, или 69%, и бедняков – 50, или 17%. В итоге привлекается 251 домохозяин – или 40% к общему количеству домохозяев на селе...

С 8 марта по 19 марта в упомянутом селе было подано всех заявлений о выходе из колхозов – 449... 105 заявлений подано повторно, таким образом, действительно заявления о выходе из колхоза составляют 349, которые распределяются в следующем порядке: от должностных и выборных лиц на селе – 25 заявлений, от зажиточных (ремесленники) – 66 заявлений, от середняцких – 131 заявление, от бедняцких – 127 заявлений. Показанные цифры – 349 заявлений определяются в 56% к общему количеству домохозяев на селе...

С 18 (марта) по 22 в Козловском округе проходит кампания по выселению кулаков за пределы ЦЧО... Расселяемым кулакам на окраину дают 1 лошадь с упряжкой и инвентарем на 4 двора, поселки кулацкие определены не свыше 30 домохозяйств, земли для посева отводятся в каждом севообороте по норме немного ниже средней нормы на душу населения. Если кулаки не пожелают добровольно выехать, то намечено нами организовать бедноту для их перевозки. Задачу себе поставили, что к 1 апреля кулацкие хозяйства, подлежащие выселению, должны быть выселены из сел и деревень на новые кулацкие поселки...

Славянский район является районом сплошной коллективизации, где работа проводилась по коллективизации в течение целого года, бросались лучшие силы и тратились лишние средства. Работа по раскулачиванию проходила несерьезно, работники, проводящие эту работу, были увлечены, потеряв всякое чувство ответственности, на совещаниях давали директивы и указания... оставлять кулаков в одних подпитанниках, выгнать в портянках и т.д... Например, у гр-на Кривошеина Семена Антоновича была отобрана чашка чайная, денег 3 руб.30 коп., у Иванова Василия Анисимовича – решето, кочерга, дерюга рваная, оцененная в 5 копеек. Как общее явление отбиралось абсолютно все – даже щи, которые выпивались, а мясо поедалось уполномоченными... отбирались женские панталоны и т.д.”¹³

Осуществление мероприятий по коллективизации и раскулачиванию поручались, мягко говоря, не лучшим людям. Тот же Бураков в одной из докладных записок на имя наркома земледелия сообщает:

“... уполномоченными рика Жевлатовым и Ивановым производились массовые аресты бедняков и середняков за невывоз семфонда, содержащие их под стражей в подвале при сельсовете вместе со скотом, избившие бедняка, пьянство, сопровождаемое половым использованием учительницы, жены лишняка, бывшего офицера, стрельба по селу, обыски, приставание к девушкам, арест своих же уполномоченных – членов партии и сопровождение их в сельсовет с обнаженными оружием. Последнее имело место и в отношении других арестованных, которых водили и стреляли (Кругловский с.совет)”¹⁴.

Указанные в процитированных документах беззакония, насилия и издевательства над человеческой личностью не были единичными. Они были повсеместными. Продолжим свидетельства по другим районам страны.

Уполномоченный Совнаркома РСФСР и Наркомзема СССР по ЦЧО Н. Чермаш 20.04.30 г. сообщает:

“...2. Предполагаемый мною спад колхозных хозяйств по некоторым районам до 12% окажется на самом деле даже ниже этого уровня. Особенно велико снижение % охвата... в тех районах Курского округа, где допущены были особо кричащие перегибы... В Золотухинском районе % колхозных хозяйств снизился даже до 2,6%, Фатежском – до 5,6% и т.д... Кроме общих причин, повлиявших на массовый отход из колхозов (администрирование, бесхозяйственность, отсутствие подготовки, перегибы антиреволюционного характера и т.д.), не последнюю роль в этом деле играет невозможность организационно-технического и хозяйственного обслуживания вовлеченных в колхозы хозяйств...”

Однако на первое место среди причин распада колхозов нужно поставить меры принуждения и запугивания, применявшиеся при вовлечении в колхозы. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что в районе Охачевской МТС Щигровского района Курского округа крестьяне селений Морозовки и Лауровки из опасения, что их против воли зачислят в колхоз, противодействовали обработке их полей тракторами, избивали трактористов, угрожали лечь в борозды, чтобы помешать работе тракторов... 3. Раскулачивание в обследованных мною 4-х районах Курского округа (Солянецком, Тимском, Щигровском и Курском) представляет довольно пеструю картину по степени перегибов. Но перегибы эти принимают прямо безобразные формы в Солянецком районе, где раскулачивание сопровождается массовым закрытием церквей (осталась незакрытой только одна дерковь на район), разрушением и уничтожением церковной утвари и колоколов, стрижкой и бритьем попов, отнятием всего имущества вплоть до коробки спичек без составления, как правило, описей отнимаемого у раскулаченных, к числу которых отнесены и учительницы, и семьи красноармейцев, и даже бедняки”¹⁵.

Крестьяне, помимо угроз лечь в борозды, избивания уполномоченных, оказывали массовое сопротивление, выдвигали как экономические, так и политические лозунги. Уже упоминавшийся нами уполномоченный Наркомзема Бураков сообщает, что в марте 1930 г. в одном только Раненбургском районе в беспорядках участвовало около 10 тыс. человек. Власти подняли на крестьян оружие. Было убито 4 и ранено 12 человек. Среди убитых была одна монашка и две другие женщины (дочери кулака). Лозунги же выдвига-

лись следующие: "...1) Долой колхозы! 2) Да здравствует Советская власть 1925 года! 3) Долой насилие, свободу народу! 4) У нас нет кулаков! 5) Возвратите семена!"¹⁶

Вдумайтесь в эти лозунги. Чего хотят и чего не хотят крестьяне? Подчеркиваю – крестьяне. Как мы уже видели из документов, карали зажиточных и бедных, середняков и кулаков, карали всех крестьян, кто не хотел идти в колхоз, кто не хотел отдать последний кусок хлеба, кто сопротивлялся реквизиции семенного фонда. И под видом уполномоченных Советской власти, наряду с фанатиками немедленного построения коммунизма, мы встречаем обыкновенных уголовников, грабителей, насильников, подонков. А хотели крестьяне всего лишь времен нэпа, хотели нормально жить и работать. И больше ничего. Но пирамида власти, на вершине которой восседал Иосиф Сталин, не желала обеспечить этих элементарных для любого человека условий. Для нее вообще человек был ничто, люди – просто “масса”. Это отпугивающее слово “масса” нашло законное место в официальных документах, в речах вождей. И Ленин любил употреблять это слово “масса” в отношении своего народа.

Уполномоченные в приведенных нами документах пишут об искривлениях. Мягко пишут. Очевидно, это были нормальные, порядочные люди. Они понимали, что нельзя народ насиловать. А директивы о темпах коллективизации, о ликвидации кулачества как класса также рождались не в районах и не в сельсоветах, а в Политбюро ЦК ВКП(б). Инструкция о кулацких поселениях была утверждена коллегией Наркомзема РСФСР 1 апреля 1930 г. (протокол №33, п.8). Приводим выписку из этого постановления, которая была разослана на места для руководства.

“При выселении кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации... создавать поселки в размере, определяемом комиссией в каждом отдельном случае, но не менее 20 и не более 100 дворов. Размеры поселков должны обеспечивать возможность организации в них медико-санитарной помощи, школы, потребительских и иных с.х. производственных хозяйств. Поселки должны находиться... вне пограничной полосы, по возможности далеко от расположения ж.д., шоссе и водных путей.

При отводе с.х. угодий для поселков с кулацкими хозяйствами необходимо учесть, что земли должны быть худшего качества. Запрещается организация хуторов и отрубов данных поселков. Форма землепользования должна быть аналогична поселковым товариществам. Допускается с особого разрешения организация в не уставных поселках товариществ, находящихся под административным руководством особого назначенного лица (коменданта).

Определение мест нахождения поселков, норм земельных наделов при отводе земель... а также администрация поселка в каждом отдельном случае производится комиссией в составе представителей земорганов, ОГПУ, административных управлений Облсполкомов (подчеркнуто нами. – А.Н.)... Народный комиссар земледелия РСФСР (подпись)”¹⁷.

Читая это постановление, нельзя не вспомнить генерала Аракчеева, которому не удалось в свое время покрыть всю территорию России военными поселениями, хотя он и очень старался. И там, где они были заведены – в Новгородской, Петербургской, Могилевской, Херсонской, Екатеринославской и некоторых других губерниях, – в течение всего времени их существования с 1810 по 1857 г. в них постоянно бурлило недовольство, вспыхивали восстания. Особые крупные выступления поселенцев были в 1819 г., когда было арестовано более 2 тыс. человек, многие были до смерти забиты шпирутетами, а также восстание в июле 1831 г. близ Старой Руссы Новгородской области.